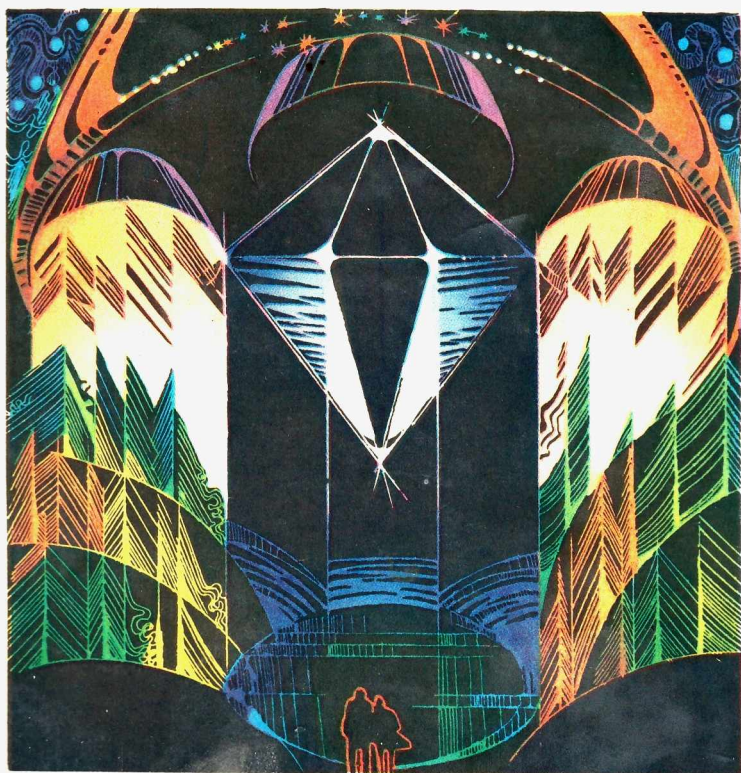
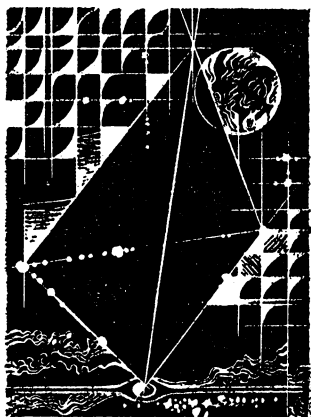

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

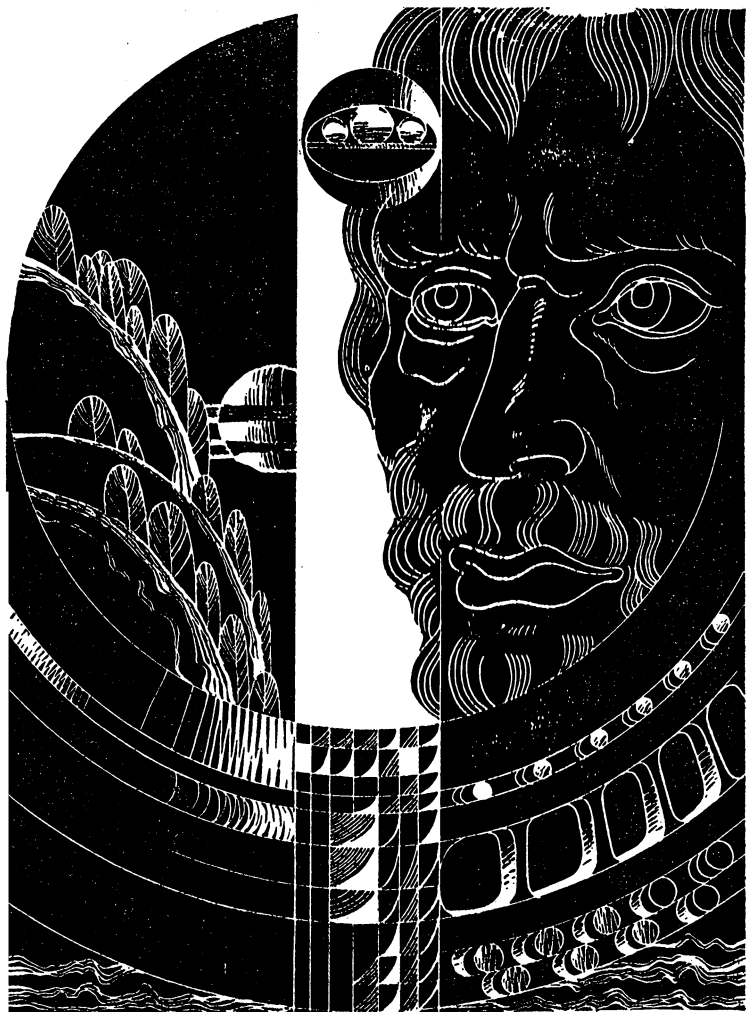
ВЛАДИМИР КОРЧАГИН

АСТИЙСКИЙ ЭДЕЛЬВЕЙС

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
КОРЧАГИН

АСТИЙСКИЙ ЭДЕЛЬВЕЙС

Научно-фантастический роман

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1982

84P7
K 70

K $\frac{4702010200-137}{078(02)-\tilde{3}2} 090-82$

СТРАННАЯ ДЕВЧОНКА

1

Не бывает, наверное, человека, который не сталкивался бы с загадочными, не поддающимися простому объяснению явлениями. Это происходило и с Максимкой Колесниковым. С ним, пожалуй, чаще, чем с другими.

Все началось тогда, когда отец перевез его в кордон Вормалей. Крохотный лесной поселок, прилепившийся к самому подножию сопки над рекой Студеной, сначала не понравился Максимке. Еще бы! Прежде они жили в Отрадном, селе большом, веселом. Одних улиц там, не считая переулков, четыре. Клуб, школа, чайная, даже футбольное поле, на которое чуть не каждый месяц садился вертолет. Словом, жить можно, хоть и говорят, что глуше Отрадного нет села на всем свете — до ближайшего города больше трехсот километров... А здесь — скучища. Пять домов, и все. А чуть за околицу — сразу тайга: трясина, бурелом, чащоба. Одна-единственная дорога — на Отрадное, да еще тропинка к озеру, куда впадает Студеная. Озеро так себе. А уж Студеная — иной ручей больше. Только в озере и искупаешься. И то если мошकारа не очень одолевает. Ну да к мошकारе Максимка привычный. А вот ребята...

Ребят в Вормалее семеро. Кроме Максимки, еще Федя с Костей — близнецы, одних лет с Максимкой, Димка — хромой, чуть постарше их, Маринка Старостина и Катя с Ваняткой. Катя совсем маленькая, в школу еще не ходит. Ванятка тоже. Да и Федя с Костей мухи не обидают. А вот Димка с Мариной вредные.

Дед Димки по матери волжский татарин, а отец, го-

ворят, из молдаван. И хотя ни тот ни другой ничем особенным не выделяются, сам Димка — вылитый цыган: смуглый, верткий, с черными как смоль волосами. Под стать ему и Маринка. Она, правда, беленькая, с веснушчатым носом, безбровая, но хитра, как и Димка, а может, и хитрее его.

А уж задаются оба! Было бы из-за чего. Подумаешь, с обрыва в озеро прыгают! И Максимка прыгнул бы, если б они под руку не каркали. И прыгнет! Сегодня же прыгнет. Только сначала один, пока никто не смотрит. Он закатал штаны и, стараясь не наступать на белую от росы траву, припустил вниз по тропинке.

Утро только начиналось. Солнце пряталось за деревьями, снизу от Студеной тянуло сыростью. Максимка прибавил ходу и вышел на поляну. И трава и воздух здесь теплее, а у самой тропки, по обе стороны огромной палой лесины, заросли малинника. У самой тропинки ягод, конечно, не осталось. Зато подальше, за лесинной, все кусты были красными. Максимка раздвинул колючие ветки, взобрался на ствол, разогретый солнцем, ногам стало тепло.

Перезрелые ягоды так и сыплются в горсть. Набил щеки малиной, потом спрыгнул с лесины и зашагал к озеру. Тропинка теперь круто сбегала вниз, ныряя в густые заросли пихтача, где было так студено, что Максимка припустил бегом.

Вот и озеро — длинное, узкое, сжатое с одной стороны обрывом, с другой — стеной деревьев, такое не приветливое. Тень от старого кедра, что высился у самой воды, где в озеро впадает Студеная, покрывала еще добрую половину озера. Никакого желания лезть в воду. Но прыгнуть-то надо! Надо же доказать и себе, и этим задавакам, что он, Максимка, не хуже их.

Максимка разделся, с хрустом потянулся. Коренастый он парень, широкий в плечах, у него тугие, натренированные мускулы, а руки и ноги черные от загара, правда, покрыты царапинами и ссадинами. Ладный

парнишка, хотя глаза у него смешные — разные. Один темно-карий, другой чуть светлее, с серыми крапинками. Ребята зовут его Разноглазым, но Максимке наплевать: не беспокоит его, и что нос облупился, что штаны его латанные-перелатанные и вихры, жесткие, непослушные, упрямо торчат во все стороны. Одно мучает Максимку — ростом не вышел. Но тут уж ничего не поделаешь.

Максимка быстро, чтобы согреться, побежал наверх. «Главное, не останавливаться, прыгать с ходу!»

Вот и обрыв. Раз! Максимка sprужинил ногами. Два...

Раздался всплеск, словно кто-то плыл вниз. Всмотрелся: так и есть, уже купаются! И в такую рань!.. Девчонка? Откуда она взялась, такая рыжая?

Максимка отступил от кручи, поморщился. Но девчонка, видно, заметила его, резко повернула в сторону от берега, сильнее забила по воде ногами и вдруг вскрикнула. Максимка встал на край обрыва:

— Эй, ты чего?

Девчонка все так же колотила ногами.

Максимка поежился от налетевшего ветерка, оглянулся — где там одежда? Далеко. Он ловко прошелся на руках, краешком глаза поглядывая на озеро, потом хотел показать гимнастический номер похлеще. Но девчонка вдруг вскрикнула и пропала под водой.

Все остальное произошло как во сне: он не помнил, как прыгнул с кручи, как летел вниз, не почувствовал удара о воду. Все-таки нырнул! Нырнул и сразу же выплыл — девчонки не было видно.

Изо всех сил он поплыл к другому берегу, потом набрал в легкие побольше воздуха и нырнул. Открыл под водой глаза — метались вокруг стайки напуганных мальков. Увидел под собой расплывчатое розовое пятно, метнулся к нему. Она! Руки опущены, голова поникла, а золотистые волосы, длинные, тонкие, слегка колышутся.

Максимка вцепился в них, рванулся вверх. Уф-ф! Самое страшное позади. Теперь к берегу, туда, где он пониже.

Почувствовав под ногами дно, Максимка подхватил девочку под спину, повернул к себе лицом: глаза закрыты, губы посинели, лицо белое как молоко. Выбрался на берег, положил бедняжку поперек колена, как учил отец, и надавил на спину. Из рта хлынула вода. Хорошо! Теперь искусственное дыхание. Он положил девочку на траву и, опустившись на колени, взял за руки. Как это отец делал? Да и в школе как-то показывали. Локти, кажется, прижать к бокам, поднять руки вверх, потом снова...

Но веки девочки вдруг слабо дрогнули, она как бы нехотя открыла глаза. Максимка вскочил на ноги:

— Что, испугалась? — Он нахмурился, чтобы скрыть свою радость. — Другой раз не заплывай. У нас тут глубоко! И потом — ключи. Ты не гляди, что озеро так себе. Под тем берегом крутит. Я сам один раз... А ты чего на меня так смотришь?

Девочка, не отвечая, настороженно смотрела на Максимку, потом слегка приподнялась на локтях и что-то тихо шепнула, не отводя от него испуганного взгляда.

— Что ты бормочешь? — Максимка хотел сесть рядом с ней, но вдруг руки его бессильно опустились, ноги сделались ватными, перед глазами все закачалось, поплыло...

Очнулся он от солнца, бившего в глаза, как ужаленный вскочил на ноги. Выспался! И надо же — уснул прямо на берегу. А уж сон-то, сон! И с обрыва прыгнул, и спасал кого-то...

Он почувствовал боль за ухом. Укусил кто-то, пока он сны видел, волдырь вскочил.

Максимка смотрел на озеро. Под полуденным солнцем оно сверкало так, что больно было смотреть. Искупаться, что ли? Он вытянул затекшие руки. Что это?

Пальцы на правой руке опутаны тонкими розовыми волосками.

Откуда они?.. И сразу вспомнил подробности своего сна. Так, значит... Значит, все это не сон? И девочка была наяву? Максимка приблизил руку к глазам, снял волосы с пальцев. Тонкий горьковатый аромат остался на ладони. Смутная тревога вдруг закралась в душу. Вот так история! Куда же девалась девочка? И откуда взялась здесь? В Вормалее таких нет. В Отрадном тоже. Да и девчонка какая-то странная...

Он старался вспомнить, что же было в ней особенно. И не мог вспомнить. Вот разве волосы, да еще с таким запахом... и глаза — большущие, длинные и какие-то совсем зеленые. Не те, какие называют «кошачьими», а совсем зеленые, как листья на деревьях. И взгляд. Испуганный? Да, но не слишком, а скорее удивленный...

Купаться Максимке расхотелось. Он оделся и медленно, то и дело оглядываясь, пошел в гору. Навстречу бежали ребята.

— Ну что, прыгнул? — еще издали закричала Маринка.

— Разок прыгнул, — просто ответил Максимка.

— Прыгнул! Как бы не так! — засмеялся Димка. — Он в озеро боится без нас сунуться. Вон волосы-то сухие!

Максимка промолчал. Даже не посмотрел в его сторону. Еще этой весной, сразу как получил табель за шестой класс, он записал в своем дневнике: «Теперь я семиклассник и должен вырабатывать свой характер. Прежде всего — никогда не врать! И никому не доказывать, что ты говоришь правду. Правда — аксиома, доказательств не требует».

Максимка постепенно стал забывать тот случай. А если и вспоминал, то все больше убеждал себя, что все-таки это был сон. Да так оно, пожалуй, и было.

Ведь никто больше не видел золотоволосой девочки. Вот только волосы на пальцах — откуда они взялись в тот день? Да еще аромат — долго он оставался. Даже мать тогда вечером заметила. А уж он мыл, мыл руки...

А жить в этой глуши между тем Максимке было по душе. И сам кордон оказался хорошим местечком, и вормалеевские ребята неплохими товарищами. Даже Маринка со своим вздернутым носом и двумя тонкими косичками за спиной, хитрая, гордая, озорная, оказалась лучшей из всех девчонок, каких встречал Максимка. Она ничего не боялась. Ее никто ни в чем не мог переспорить. И не было, кажется, дела, с которым не справилась бы Маринка. Вот из-за нее-то, из-за Маринки Старостиной, и произошла еще одна загадочная история, которая долго оставалась неразъясненной.

Все вормалеевские ребята учились в Отрадном. Ходили туда то пешком, то на лыжах. А в большую непогоду оставались ночевать в школе, в пионерской комнате или в раздевалке спортзала.

Так было и на этот раз. Дождь зарядил с утра, и ребята решили остаться в Отрадном. Максимка принялся было перетаскивать маты из спортзала, когда в раздевалку влетела Маринка:

— Мать не знает, что остаюсь, беспокоиться станет! Надо домой топать!

— Охота была тащиться! — пробурчал Димка.

— Да уж наплюхает грязи порядком, — поддакнули Федя с Костей.

Маринка взорвалась:

— У, запечные таракашки! И впрямь растают еще. Пошли вдвоем, Максимка!

Максимке тоже домой хотелось.

Из Отрадного до Вормалея можно добраться низовой дорогой, вокруг сопки, — это пять километров ухабов и гатей. А можно спрямить дорогу по тропинке, через сопку по склону. Маринка так и решила идти.

— Стоит ли? — возразил Максимка. — Поздно уже, а там волков видели.

— Фю-ю! — присвистнула Маринка. — Может, и ты останешься?

— Пошли, — махнул он рукой.

Тропка сначала шла круто в гору, петляя между могучими кедрами, потом юркнула в густой ельник и побежала вниз по склону. Дождь перестал. Стих и ветер. Но с веток, что густо сплелись над головой, то и дело лились целые потоки. Оба быстро промокли до нитки.

— Ничего! — бодро поводила плечами Маринка. — Каких-нибудь два километра, и дома...

Издали, с вершины сопки, отчетливо донесся глухой низкий вой... Они! Максим остановился. Сзади и, казалось, совсем рядом послышался ответный вой. Стало жутко.

— Ну, что встал? Бежим! Проскочим! — Маринка дернула его за рукав и со всех ног бросилась вниз по тропинке. Максимка едва успевал за ней. Мокрые ветки хлестали по лицу. Ноги скользили, и он с трудом держал равновесие. Но страх быстро гнал вперед, благо дорога шла под уклон.

Наконец ельник кончился. В темноте по обеим сторонам тропинки опять замелькали толстые кедровые стволы. Лес расступился. Казалось, самое худое позади. Маринка устала, пошла тише. Максимка с трудом переводил дыхание.

И вдруг злобный вой метнулся навстречу, прямо в лицо. Он шел оттуда, из мокрой чернильной тьмы, в которую ныряла тропинка, и значит, звери их обошли, перерезали путь. Маринка с ходу остановилась, и он чуть не наткнулся на нее.

— Спичек нет? — спросила Маринка, не оборачиваясь.

— Откуда? Нож есть.

— Это ни к чему. Их много. Надо на дерево. Я знаю

тут одно подходящее. Мы прошли его. Давай обратно. Нет, стой! — Она инстинктивно прижалась к нему. — Видишь...

Впереди метнулась черная тень. Маринка вцепилась в его руку:

— Лезем на лиственницу, вот сюда. Будь что будет. Только не показывай им спину! — Она одним махом взвилась на нижний сук и ловко, как кошка, начала карабкаться вверх по стволу. Максимка метнулся за ней, стал взбираться по скользким сучьям. Наконец Маринка остановилась:

— Ну, хватит. Тут нам сам черт не страшен. — Она устраивалась поудобнее. — Давай на эту развилку. А вам вот, вот, проклятые! — Она кулаком погрозила вниз, в темноту, откуда доносилась подозрительная возня.

Максимка примостился рядом, взглянул в сторону Вормалея: ни одного огонька. Значит, до кордона далеко.

Какое-то время они поговорили, потом стали мерзнуть и умолкли. Сколько еще до рассвета? У Максимки руки стали неметь, ноги вот-вот сведет судорога. Маринке и того хуже... Ясно, что долго так не просидеть... Он тронул ее за плечо, почувствовал, как ее бьет дрожь, и решился. Растер руки. Достал из кармана нож, с минуту помедлил...

— Слушай, Маринка, я сейчас прыгну. Все равно мы не выдержим. А их, думаю, не больше двух. Одно-го я сразу, не успеет опомниться. А потом...

— Не смей! Слышишь, не смей! — Она хотела схватить его за рукав, но рука ее не послушалась.

— Так что нам, замерзнуть тут? — Максимка разозлился. — Околевать из-за каких-то тварей! Ну нет!.. — Он старался разглядеть, что происходит внизу, выбирая глазами место, на которое безопаснее спрыгнуть.

Он вдруг почувствовал за ухом боль. Машинально одеревеневшей рукой потер старую ссадину, и в тот же

миг зеленоглазая девочка всплыла в памяти, та самая, которую он спас год назад, и как будто бы увидел ее, слегка напуганную, и показалось, что тот удивительный аромат разнесся в воздухе... Не засыпает ли? Злобный рык напомнил ему, что спать нельзя. Надо драться за жизнь. Страшно, но надо прыгать. Надо! Решительно соскользнув с развилки, нащупал ногами следующий сук и начал спускаться вниз.

— Куда ты? Куда?.. — донесся голос Маринки. Он не слышал, что еще кричала она ему, потому что нестерпимо яркий свет ударил ему в глаза, а внизу, под ногами, так грохнуло, что сопка задрожала. Тугая волна горячего воздуха взметнулась навстречу. Пахнуло чем-то жженым. И все стихло.

Маринка почти упала на него сверху:

— Что это? Молния?

— Кто знает. — Максимка раздвинул ветви над головой, поднял глаза к небу. Оттуда, невозмутимо мерцающая, смотрели на них яркие звезды. — Кто знает... — задумчиво повторил он, спрыгивая на землю. — И не все ли тебе равно. Бояться нам нечего... Давай скорей домой!

Утром vormалеевские охотники принесли на кордон две обгоревшие волчьи туши. О необычайном происшествии много говорили и в Vormalee, и в Отрадном. Судили и так и эдак, но все же решили, что волков убила молния. Так думал и отец Максимки. А кто, как не он, старый лесной объездчик, бывший командир разведчиков, мог точно объяснить происшествие? Максимка же не очень верил в это. Откуда взяться молнии осенью да еще при звездном небе? Нет, тут было замешано что-то другое. Совсем другое. На следующий день он записал в дневнике: «Трудно понять, что сразило волков. Это так же необъяснимо, как прошлогоднее происшествие на озере. Но для меня важно другое: если бы

всего этого не произошло, прыгнул бы я на них с ножом или нет? Я думал сегодня об этом весь день и могу написать, кажется, твердо: да, прыгнул бы, хотя и струсил перед этим, прыгнул бы именно потому, что струсил. Только так и должен поступать в этих случаях настоящий человек. А я давно решил для себя: раз ты родился человеком, то должен стать настоящим человеком».

2

Зима в этом году выдалась снежная. Уже в середине декабря снега навалило столько, что с иных крыш хоть скатывайся на салазках. В такое время самое раздолье — лыжи. На лыжах и на охоту, и в школу, и просто так, по оврагам, вокруг сопки.

А сегодня Максимка и Маринка решили побродить по голому распадку, что за озером. Идут молча. Теперь почему-то часто бывает: как остаются вдвоем, так молчание. Поговорить бы о чем-нибудь интересном, а ничего не приходит в голову, просто рядом идти приятно.

Сегодня же Маринка даже не взглянет на него, идет вперед, не оборачиваясь. Максимка стал обгонять ее, но Маринка свернула к оврагу, остановилась и как-то исподлобья посмотрела в его сторону.

— Рванули?

Он глянул вниз.

— Постой, Маринка, вроде там пни, под снегом.

Она свистнула.

— Эх ты, трус несчастный! — И не успел он ответить ей, как она сорвалась с места и исчезла в облаке снега.

Максимка смотрел ей вслед. Так и есть: внизу что-то стряслось. Он услышал голос Маринки:

— Стой, не спускайся! О-ох!..

Максимка вихрем помчался вниз. На самом дне оврага в глубоком снегу барахталась Марина. Ее одна

нога с обломком лыжи беспомощно болталась в воздухе, другая провалилась в снег.

Максимка подъехал ближе, стукнул палкой по обломку лыжи.

— Как ножом срезало. Достанется теперь — на одной лыже плюхать.

Маринка молчала, плотно сжав побелевшие губы. Он наклонился к ней:

— Давай руку.

Она покачала головой:

— Постой...

— Чего постой?! — Он взял ее под локоть и рванул из сугроба. Маринка вскрикнула.

— Ушиблась?

— Н-нога...

— А ну покажи.

— Чего смотреть-то. Зашибла очень.

Он снял с нее лыжи.

— Держись за шею.

Наверху Марина снова опустилась в снег. Он присел рядом.

— Очень больно? — Она лишь кивнула в ответ. — Сможешь идти-то?

— Попробую...

Он помог ей подняться. Идти Маринка не могла.

— Давай ко мне на загривок. К ночи доберемся.

— Еще чего придумал!

— Не тяни время, Маринка. Метель вон надвигается. Да и вечер близко.

Он вскинул ее на спину и заскользил по лыжне. Сначала идти было нетрудно. Но уже через полчаса снег пошел сильнее. Лыжню замело. У Максимки занемели плечи. Он прислонился к дереву.

— Посидим, Маринка.

Она соскользнула в снег.

— Иди один, Максим. Позовешь кого-нибудь. А я тут...

— Не говори глупостей, Маринка! Сейчас отдохнем и пойдем дальше.

Пошли, метель становилась все яростней. Снег взвихривался со всех сторон. Дорога потонула в седом мареве. Все чаще и чаще останавливался Максимка, пока наконец не понял, что они заблудились.

Ночь опустилась как-то сразу. И сразу, как бы обрадовавшись мраку, завывала на все голоса метель. Максимка знал, что останавливаться на длительный отдых нельзя, и он упрямо шел вперед. Они делали несколько шагов, падали, поднимались и снова падали, утопая в глубокому снегу. Наконец Максимка совсем выбился из сил.

Неужели конец? Он упал лицом в снег, закрыл глаза. И вдруг отчетливо, словно освещенную вспышкой магния, увидел девочку с зелеными глазами. Показалось, что воздух наполнился знакомым ароматом. Закружилась голова. Что это? Старый, давно забытый сон? Нет-нет! Только не спать! Он заставил себя подняться и... протер глаза — слева, совсем неподалеку, сквозь седую пелену снега и чашу пробивался свет. Жилье! Он изо всех сил рванулся туда... Немного погодя они стояли на пороге охотничьей избышки.

Максимка нащупал скобу, потянул ее на себя. Дверь подалась. Но не тепло и свет встретили его, а промозглая тьма. Максимка даже отпрянул назад. Потом опять сунул голову в дверь:

— Есть кто?

Ни звука.

Что за наваждение! Был же свет! Максимка осторожно вошел, на ощупь вдоль стены добрался до печурки. От нее несло холодом, давно не топлена. А вот и спички. Чирк! Слабый огонек осветил бревенчатые стены, белые от инея углы, низкие нары у стола. Ни души!

Максимка почувствовал, как страх охватывает его всего, но тут же переборол себя, выскочил из избы,

подхватил Маринку, внес в домик и плотно прикрыл дверь.

Теперь к печке. Дров в избе оказалось больше чем достаточно. И вот уже золотистые змейки побежали по сухой хвое, по сучьям валежника. Веселый треск заполнил избушку. Тепло всколыхнуло застывший воздух.

Он затормошил Марину:

— Маринка! Да проснись ты, проснись! Вот соня!

Она с трудом раскрыла глаза.

— А-а... Где я?

— В избушке. В охотничьей избушке! Вот и огонь, видишь? Скоро чай пить будем. А сейчас давай поближе к печке.

Она подсела к огню, погладила ушибленную ногу.

— Да как же это? Как ты нашел ее, избушку?

— Как нашел? Не знаю, что и сказать тебе... — Он подошел к заиндевелому окну, попытался разглядеть, что делалось в небе. — Не знаю...

На кордоне этот случай, конечно, удивил многих, но объяснение находили простое — бывало-де прежде такое: блуждает охотник по тайге, уводит его метель в сторону, а когда потеряет он последние силы, охотничье чутье выведет его к жилью. Тому, что рассказал Максимка о светящемся окне, не верил никто. Померещилось... «Пожалуй, и так», — думал Максимка. Но при чем здесь опять она, зеленоглазая русалка? Он узнал ее сразу, только подумал, что это опять сон. А вот сегодня, просматривая журнальную статью, нашел такую фразу: «Следует отметить, что комплекс сновидений никогда не включает в себя ощущений запаха...»

3

Весну ждали долго — до середины апреля вьюжила над Вормалеем пурга. К концу месяца сразу потеплело. За неделю солнце согнало снег. Студеная поднялась,

забурлила как полноводная река, неся на себе ветки, кусты, а то и целые стволы, вывернутые с корнем. Ребята часами сидели на берегу, глядя, как кружатся в водовороте исполинские кедры, на ветвях которых от страха метались невесты как попавшие сюда заяц и белка. Еще интереснее было наблюдать, как река за кордоном размывает обрыв. Вода ярилась там под самой кручей, отрывая от берега пласты почвы, которые вместе с сухой прошлогодней травой, кустами можжевельника, зарослями пихтача с грохотом обрушивались в реку, поднимая фонтаны брызг.

В прошлом году обрыв раскапывали геологи из Отрадного. Они отыскивали в песке ракушки, которым было чуть ли не два миллиона лет, и уверяли, что здесь можно было найти даже алмазы.

Максимка и верил и не верил этому. Во всяком случае, никаких алмазов геологи не нашли, только исковыряли весь берег. И теперь Студеная будто спешила заровнять его, срезая все новые и новые пласты.

Когда же вода сошла, Максимка решил покопаться на обрыве. За несколько дней река обрушила столько земли, сколько людям не срыть за месяцы. Может быть, теперь и покажутся на свет эти самые алмазы...

В ближайшее же воскресенье он взял лопату, спустился по обрыву до того слоя с ракушками, над которым больше всего колдовали геологи. Копал целый день. Но ничего стоящего так и не нашел. Попалась, правда, небольшая шестеренка из красноватого металла. Но это было совсем неинтересно. Максимка хотел уже метнуть свою находку в воду, как вдруг еще раз вспомнил предупреждения геологов, что все трофеи из этого слоя почвы имеют возраст два миллиона лет. Вот и верь им после этого! Металлическая шестеренка двухмиллионолетней давности! Или они просто-напросто ошиблись и разыскивали алмазы совсем не в том слое? Показать им, что ли, находку?

Но когда Максимка принес ее в контору геологов, те рассмеялись.

— Что ты говоришь! Нашел шестерню в тех слоях, что мы расчищали в прошлом году в Вормалеевском обрыве? Да знаешь ли ты, что это за слои? Это слои астийской эпохи. Тогда людей и в помине не было. А шестеренка явно современная, видимо, из бронзы или... — Один из геологов взял голубоватый камень и царапнул по шестерне. — Ого! Корунд не берет.

Шестерню пустили по рукам. Геологи заговорили все разом.

— Что-то из новых сплавов. Теперь есть такие.

— А ну-ка ее алмазом. Алмаз не берет?!

— Да, материалаец! Откуда она могла взяться?

— Видно, выпала с самолета, откуда иначе.

— Вот так-то, парень. Забирай свое «ископаемое».

Максимка обескураженно молчал. Смешно, конечно, было спорить с геологами. Но ведь шестерню он выкопал из самой глубины слоя. Как она могла там оказаться, если упала с самолета?

А на следующий день геологи неожиданно разыскали его:

— Слушай, парень, где твоя находка?

— Дома, в надежном месте. А что?

— Тащи ее сюда. Сейчас же! Да положи вот в эту коробку из свинца.

— Зачем?

— Зачем-зачем! Все ему знать надо. Ну да ладно, слушай. Непонятно она ведет себя, вот что. Тот корунд и алмаз, которыми ее вчера царапали, стали вдруг радиоактивными — все приборы зашкаливает. Петр Андреевич, наш старший геолог, как узнал об этом, такой разнос устроил, только держись. Он у нас, знаешь!.. Да и сами теперь видим, что самолет ни при чем. Так что принеси ее нам. Понимаешь, для дела надо, для науки.

В огороде под корнями бузины у него был тайник, в

котором, кроме всего прочего, хранилась вчерашняя находка. Придя сейчас сюда и вскрыв тайник, Максимка не мог найти шестеренку. Все было в полной сохранности, точно так, как он уложил вчера, только ее не было. Он точно помнил, что положил ее с самого края, между аккумуляторной батареей и склянкой с кислотой. Он перерыл весь тайник. Перебрал все вещи. Шестерня исчезла бесследно.

Что за чертовщина! Сверху над тайником в одном месте виднелся свежий холмик земли, как это бывает над норкой крота. Но не крот же стащил шестерню! И никаких других следов. Максимка отчаялся. Что теперь делать? Как показаться на глаза геологам?

А те на другой день пришли в школу. Пришли со своим начальником. Максимка рассказал все, что произошло. Они ему не верили. Особенно горячился начальник — великан с бородой.

— Да как она в твои руки-то попала? — не отставал он, буравя Максимку взглядом.

— Да я же сказал...

— Кто тебе поверит, что ты нашел эту штуковину в глубине слоя? Сказал бы хоть: в осыпи.

— Ничего не в осыпи! — упрямо повторил Максимка. — Обрыв сейчас чистый как зеркало. И я там целую пещеру выкопал, пойдемте посмотрим.

Они пришли на место Максимкиных раскопок.

— Так ты говоришь, вытащил свою штуковину из этой норы? — спросил начальник разведки.

— Да, вот здесь, в левом углу. Вон еще и след от нее.

— Невероятно! Металлическое изделие в астийских слоях! Или парень обманывает нас, или я брежу.

— К чему такие страсти, — возразил старший геолог Крайнов, спокойно раскуривая папиросу. — Шестерня могла завалиться в глубокую трещину, мог ее переместить мощный подземный водоток.

Начальник шумно вздохнул:

— Почти что исключено. Но если нет другого объяснения... А в общем, хватит возиться с этой шарадой. Поехали!

— Ты езжай, Лукич, а я тут кое-что посмотрю.

— Что ты здесь еще не видел?

— Хочу проверить кое-что.

— Ну как знаешь. — Начальник поднялся к машине, и через минуту его «козлик» скрылся из глаз.

Тогда Крайнов притушил папиросу и, взяв молоток, начал копать в Максимкиной «выработке». Наконец он сел на кучу земли и снова закурил.

— Н-да, задал ты задачу!

— Так разве я знал...

— А теперь знаешь, почему все так всполошились?

— Теперь начинаю немного понимать.

— Немного? А надо, чтобы хорошо понял. Ты слышал, конечно, что всю историю Земли геологи делят на периоды — кембрийский, силурийский и так далее?

— Это мы проходили.

— Отлично! Значит, ты представляешь, что мы с тобой живем в четвертичном периоде, а до этого был третичный?

Максимка кивнул.

— Так вот, все, что лежит над этим обрывом, ну хотя бы пески, на которых построен кордон, образовалось в наше четвертичное время. А те глины, что выходят на берегу озера, стало быть, ниже обрыва, они уже третичные.

— А как же сам обрыв, третичный или четвертичный?

— С самим обрывом сложнее. Весь этот береговой уступ, точнее породы, из которых он состоит, возникли в астийскую эпоху — время, как бы пограничное между третичным и четвертичным. Поэтому геологи до сих пор не договорились, куда его лучше отнести. А время это было интересное. Именно тогда обруши-

лось на Землю первое великое оледенение. И было это около двух миллионов лет назад...

— А вы точно определили, обрыв астийский?

— Только что получены результаты из лаборатории абсолютного возраста. Но если б и ошиблись немного... Ведь самые древние останки первобытного человека — питекантропа — до сих пор встречены лишь в слоях каких-нибудь семисот-восемисот тысяч лет давности. Да и было у него всего богатства — палка да камень. Вот и посуди, можно ли поверить твоей находке?

— Да, видно, она действительно в трещину завалилась.

— Кто знает... Никаких следов трещины я не нашел. Да и не это главное. Я, правда, не видел шестерни собственными глазами. Но если верить нашим техникам и приборам... Понимаешь, нет у нас таких металлов. Нет! Вот что самое непонятное. Можно, конечно, допустить, что это какой-то сверхновый сплав. Но я говорил вчера по телефону со специалистами — те тоже не сталкивались с такими явлениями. Словом, загадочная история. А раньше тебе не приходилось видеть что-нибудь в этом роде?

— Раньше? Нет...

4

В этот поход Максимка собирался давно. Еще в прошлом году он обошел всех охотников на кордоне и в Отрадном, расспрашивая об озере, что лежало за Лысой гривой. Знали о нем все. Но ходили туда редко. Не любили почему-то охотники тех мест. Даже говорили о них с неохотой. Что-то, по их словам, было там «нечисто». Что именно «нечисто», никто сказать толком не мог. Но по тому, как неохотно говорили об этом озере, было ясно, что с озером действительно связана какая-то тайна.

Добраться до озера вроде бы нетрудно. Сразу за

сопкой, что возвышалась над Вормалеем, лежала Гнилая падь, за ней еще одна сопка, чуть пониже, а от нее уж рукой подать до Лысой гривы. Так что за неделю, самое большее — десять дней, можно было, пожалуй, покрыть оба конца, особенно к исходу лета, когда падь немного просыхает. Все, с кем приходилось говорить Максимке, считали, что места эти в общем-то проходимые. По восточному склону сопки идет даже заметная тропинка, часто попадаются гари, а от сопки до Лысой гривы можно дойти по руслу небольшого ручья. Словом, заблудиться Максимка не боялся. И он отправился в путь...

Он отошел от кордона не так далеко, когда погода резко изменилась, тучи сгустились и налетела настоящая буря. Тонкие деревья гнулись до земли, а великаны кедры, как бешеные, размахивали всеми своими ветвями. Но больше всего Максимка боялся молний. Они вспыхивали одна за одной, вонзаясь все время в одно и то же место.

Буря продолжалась долго. Потом дождь прекратился. Тучи ушли за сопку. Выглянуло солнце. Ветер сразу стих. Максимка, прятаясь на кедре, спустился на раскисшую землю и с тоской посмотрел на обступившие его завалы. Теперь их стало еще больше. Вернуться? Но ведь он дал себе слово стать настоящим человеком!

Максим собрал рюкзак, в последний раз осмотрел свой приют. Огромный кедр казался спокойным, мудрым. Редкие тяжелые капли время от времени срывались еще с его ветвей. Но сейчас, когда так ярко светило солнце, сама эта капель звучала веселой, бодрой музыкой. Итак, опять в путь!

Только почему все-таки молнии били все время в одно место? Пойти взглянуть? Не беда, что немного в сторону. Он перебрался через несколько завалов и остановился перед крутой глубокой рывтиной. Кажется, где-то здесь...

По обоим краям промоины тянулись две глухие стены из елей. Направо, чуть выше по склону, маячил просвет. Максимка направился туда и вскоре увидел большую круговину, лежащую по обе стороны рытвины. Земля здесь была черной, твердой, почти каменной. Он не без опаски вступил на плотную, кое-где потрескавшуюся почву. Местами она вспучилась пузырчатыми стекловидными буграми. И ни кустика, ни травинки! Видно, не один десяток лет били в этот пятчок молнии.

Но почему именно сюда, в самую рытвину? Он подошел к ней ближе. Рытвина была широкой — не перепрыгнешь. И в глубину гораздо больше человеческого роста — настоящий овраг! В стенках ее виднелся тот же песок и гравий, что и в Вормалеевском обрыве. По дну текла вода, видимо, после недавнего дождя.

Как же перебраться через этот овраг? Максимка прошел немного дальше и увидел, что неподалеку поперек рытвины лежат несколько поваленных лесин. Он поспешил к ним. Настоящий мост! Три толстых бревна были плотно уложены одно к другому, даже закреплены по концам кольями.

Кому понадобилось строить такой мост? Максимка перебрался через рытвину и сразу увидел, что дальше в лес тянется заметная прогалина. Тропинка! Та самая тропинка, которую он так долго и безуспешно искал. Вот удача! Теперь шагать и шагать!

Часа через два тропинка резко свернула вниз и вышла к долине небольшого ручья. Максимка совсем повеселел. Все было так, как говорили охотники. А к вечеру ручей вывел его к подножию Лысой гривы. Он узнал ее сразу. Грива оказалась невысокой известковой грядой, внизу поросшей леском, а сверху почти голой, за что, видимо, и получила свое название.

Максимка прикинул время. Солнце едва коснулось верхушек деревьев. До ночи можно было подняться на

вершину гряды. И он снова двинулся вперед. Однако склон гривы оказался крутым, поросшим густым кедровником, поэтому подъем дался Максимке с трудом — он уже здорово устал и пожалел, что не заночевал внизу. Зато, преодолев последний уступ и выбравшись на плоскую вершину, он так и замер, пораженный открывшейся картиной.

Сразу за гривой лежала котловина, имевшая правильную форму огромной воронки. Склоны ее были покрыты частым ельником, а внизу блестело озеро, то самое озеро, одно упоминание о котором заставляло мрачнеть бывалых охотников. Оно открылось неожиданно, всей своей гладью и оказалось совсем не таким, каким представлял его Максимка. Перед ним разливалось море света. Небо здесь, над Лысой гривой, словно приподнялось, горизонт раздвинулся, а озерная чаша пылала в лучах заходящего солнца. Зрелище освещенной котловины было фантастическим. Солнце только что коснулось дальних сопок, и громадная чаша переливалась всеми оттенками желтого и красного: наверху деревья отливали металлической бронзой, ниже они были медно-красными, еще ниже — оранжевыми, а самая середина озера пламенела чистым пурпуром. Максимка стоял как зачарованный, вознагражденный этим зрелищем за все тяготы пути.

Но вот краски погасли. В котловине начали сгущаться сумерки. Пора было снова думать о ночлеге. Больших деревьев на гриве не было, зато ветер гулял здесь свободно, и поэтому ночь обещала быть прохладной. Максимка провел разведку сначала в одну сторону, потом в другую и вдруг заметил глубокую расселину. Две глыбы известняка сходились почти вплотную, но между ними мог свободно пройти человек. Как раз то, что надо Максимке. Осталось загородить одну сторону расселины сучьями, набросать сверху веток, и шалаш готов. Костра на ночь можно не разводить. Комарье на вершине гривы не держалось. А от холода

лучше поглубже закопаться в хвое. Так он и сделал. И сразу же крепко заснул.

Проснулся Максимка ночью, но не от холода и не от мошкеры. Сначала он вообще не мог понять, где он, что с ним происходит. Потом вспомнил, что это расседина на Лысой гриве. Что же разбудило его? Этот зуд за ухом, которое он, видно, снова надсадил? Нет, что-то другое... Что же? Да вот, вот оно! Он ясно услышал необычные звуки. В тот же миг знакомый горьковатый запах пахнул ему в лицо.

Музыка здесь, на Лысой гриве?! Максимка высунул голову из-под плаща и прислушался. Не показалось ли? Нет. Мягкая светлая мелодия, не прерываясь, лилась со стороны озера. Неясная тревога заставила Максимку выбраться наружу. Тьма была непроницаемой, воздух недвижим. Лишь в черном как тушь небе подрагивали холодные звезды. Здесь, на Лысой гриве, они казались особенно яркими и близкими. И никогда еще свет их не был так притягателен, как в эту ночь, наполненную музыкой и запахом неведомых цветов. Вначале Максимка решил, что все это идет оттуда, из самых глубин звездного неба, но скоро ему стало понятно, что музыка доносилась со стороны озера. Он обернулся к невидимой во тьме котловине и больше уж не мог оторвать от нее глаз.

Там, внизу, в чернильной темноте ночи, сияло аквариновое туманное кольцо света. Вот оно поблекло, на миг распалось на отдельные светящиеся пятна. Но тут же вспыхнуло с новой силой уже зеленым цветом. Зеленое сияние незаметно для глаз сменилось желтым, потом оранжевым, алым. А в следующее мгновение вся гамма красных, оранжевых, пурпурных цветов закружилась в стремительном хороводе, следуя тончайшему узору таинственной музыки.

Максимка забыл о том, где он находится. Он весь слился с этими звуками и этими красками, с чудесным ароматом, с мерцанием звезд, окружающей его тьмой...

Краски начали бледнеть все больше, больше, будто погружаясь в глубину вод, а вместе с ними замирали и звуки. Все погрузилось в темноту, тишина окутала окрестности. Лишь волны необычного аромата какое-то время еще реяли в воздухе. Потом исчезли и они. С севера потянуло холодом. Максимка вернулся к своей расселине. Разжег костер. Сна не было и в помине. Что все это значило? Откуда эта музыка? Значит, продолжается та давняя история на Вормалеевском озере? Он думал, думал, но так и не мог найти разумного объяснения происходившему на его глазах... Бросил в костер несколько толстых сучьев и, забравшись на свое ложе, накрылся с головой плащом.

Когда он проснулся, то увидел, что, хотя солнце стояло высоко, в котловине клубился туман, а клочья его запутались в лесах на вершинах сопок. Небольшое облачко тумана висело и над восточной окраиной озера, но поверхность его, похожая на огромную каплю ртути, была чиста.

Перекусив всухомятку, Максимка уложил вещи, осмотрел ружье, прикинул, где ему лучше спуститься к озеру. Рюкзак решил не брать, спрятал в расселине, мало ли что могло произойти там, внизу. Не взял и плащ. Просто сунул в карман кусок хлеба, несколько патронов, заткнул за ремень топор и, отметив по компасу азимут, начал спускаться вниз по склону.

Лес, по которому он шел, был чистым, не слишком густым, да и склоны котловины достаточно пологими. Но глубина ее оказалась много больше, чем он думал. Идти пришлось довольно долго, прежде чем деревья расступились и перед ним открылась водная гладь. Но это ли озеро он видел сверху? Оттуда оно казалось маленьким, стиснутым тайгой, вблизи же оказалось огромным — противоположного берега почти не было видно, вдоль всего берега шла широкая полоса песчаного пляжа.

Максимка осторожно спустился к прозрачной воде.

Стайка рыб метнулась в сторону. Он вскинул ружье и выстрелил в воздух. Лавинный грохот заполнил котловину. Салют! Максимка перезарядил ружье и выстрелил еще раз. И каждый раз тайга отвечала громовым эхом.

Вот она, разгадка ночного концерта: котловина действовала как гигантский естественный рупор, стократно усиливая любой звук, рожденный на поверхности озера. Но надо было найти разгадку до конца. Где источник звуков, которые он слышал ночью? Максимка снова обвел глазами просторную и неподвижную гладь озера. Ничего особенного. Тогда он двинулся вдоль по берегу, стараясь найти хоть какие-нибудь следы на песке. Но и пляж был абсолютно гладким, словно укатанный катком.

Долго бродил Максимка по берегу, потом решил вернуться наверх. Не прошел он и сотни шагов, как за спиной раздался всплеск, потом что-то свистнуло, тугой волной воздуха заложило уши, и огромная тень пронеслась у него над головой. Ну, это уж не галлюцинация!

Он сорвал с плеча ружье и бросился назад. По поверхности озера, примерно от середины его к берегам, бежали высокие волны. Они с шумом обрушились на берег, слизывая оставленные Максимкой следы. Он взглянул наверх — в небе не было видно ничего, кроме сгущающихся облаков. Озеро постепенно успокаивалось. Вот последняя волна схлынула с берега, и снова тишина. Песок был чист и блестел по-прежнему.

Максимке стало страшно. Он читал в журналах статьи о том, что в некоторых таежных озерах до сих пор обитают древние ископаемые ящеры. А что, если и здесь живет какое-нибудь летающее чудовище? Он инстинктивно отпрянул за дерево и, не оглядываясь, почти бегом начал взбираться вверх по склону.

Идти наверх совсем не то же самое, что спускаться. Только к вечеру, усталый и голодный, выбрался Мак-

симка на вершину Лысой гривы. Выбрался к самой своей расселине. Что за зрелище открылось перед ним? Ветви, закрывающие вход, разбросаны, хвоя внутри переверочена, плащ разодран в клочья, рюкзак исчез! Снова и снова переверолошил Максимка всю хвою. Выскочил наружу, осмотрел кусты, камни. Увидел следы... Слишком знакомые следы... Медведь! Значит, рюкзака не вернуть. А там и продукты и патроны. И это сейчас, когда его уже тошнит от голода, а впереди целых три дня пути. Что делать? Можно пойти, конечно, по медвежьим следам. Патронов зверь не съест, разбросает, можно будет их подобрать. Но оказаться один на один с матерым шатуном — а это наверняка он потрудился, — когда в ружье последний заряд...

Нет, лучше не рисковать, не тратить время. Максимка подобрал обрывки плаща, подтянул ремень на брюках и, даже не взглянув на озеро, начал спускаться вниз по другому склону гряды.

Весь следующий день он шел по охотничьей тропе. Шел быстро, не останавливаясь для отдыха, даже ягоды рвал на ходу. Однако ночь снова застала его в самой чащобе. Падь была, видно, много дальше. Пришлось второй раз ложиться спать на пустой желудок и снова дрожать от ночной сырости.

На следующий день погода испортилась. Утро было холодным, хмурым. Крепкий ветер подул со стороны сопки, серые космы облаков, казалось, накрыли тайгу, цепляясь за верхушки деревьев. Максимка спрыгнул с настила на дереве, где провел ночь, и тут же ухватился за ствол — закружилась голова, на правую ногу трудно было ступать. Пришлось выломить сук и идти, опираясь на палку.

А на третий день он совсем выбился из сил. И когда понял, что не может дальше сделать ни шагу, услышал далекий стрекот. Сначала Максимка принял его за шум приближающегося ливня. Но звук нарастал стремительно, становясь все ближе и ближе. Огромная зеленая

стрекоза зависла над головой. Вертолет! Скорей, скорей! Максимка судорожно шарил по карманам. Вот спички в резиновом мешочке. Вот сухой лист бумаги и носовой платок. Скорее, скорее! Не беда, что сырая хвоя не дает пламени, побольше бы дыму! Он изо всех сил дул на нехотя разгоравшийся костер. Плотный столб дыма поднялся к небу. Вертолет начал снижаться. Максимка встал на колени, замахал руками. Колеса вертолета коснулись верхушек деревьев, гибкая лесенка упала в двух шагах от Максимки. Он метнулся к ней, ухватился за скользкую перекладину. Сорвался. Схватился снова, просунул ногу в петлю, прижался всем телом к вибрирующим тросам. Сверху из кабины показалось лицо пилота. Он что-то кричал и махал рукой, видимо, призывая Максимку лезть вверх. Но Максимка знал, что разжимать ладоней ему нельзя.

Лестница ползла вверх, пока Максимка мешком не свалился на пол кабины. Над ним склонилось веселое, совсем еще молодое лицо пилота:

— Везучий ты, парень. Мы ведь на профилактику погнали машину, недели на две, не меньше. А тут эта радиограмма. Пришлось сделать крюк. Так что каких-нибудь три-четыре часа, и поминай как звали! Никто бы к тебе не прилетел. А ты, похоже, и в самом деле чуть не дал дуба.

— Нога... — ответил Максимка. — Совсем нельзя ступить. И потом... поесть бы чего.

— Давно не ел?

— Третьи сутки пошли.

— Подходяще! Откуда же ты столько времени топаешь?

— С Лысой гривы.

— Эге! Тут можно нагулять аппетит. На вот пока. — Летчик подал Максимке кусочек шоколада. — Больше ничего с собой нет. Ну да ничего! Через полчаса будем на базе.

— Какой базе?

— Как какой? На вашей, в Отрадном. Представляю, что там творится! Шуточное ли дело, человек чуть не погиб. Антонина таким голосом радировала...

— Какая Антонина?

— Антонина — радистка ваша! Немедленно, говорит, следуйте в квадрат семьдесят три. Да, послушай, у тебя рация, что ли, была?

— Нет.

— Как же ты сообщил им свои координаты?

— А я... ничего не сообщал.

— Как не сообщал? Откуда же им было знать? Вот, смотри. — Он показал радиограмму. — В пяти километрах от вершины, азимут восемьдесят шесть...

— Ничего я не сообщал, — повторил Максимка, и вдруг страшная мысль обожгла его. — Так это... Так это о ком-то другом вам радировали. Давайте скорее обратно!

— Ну дела! Слышишь, Алексей, — обратился пилот ко второму летчику, сидящему за штурвалом.

— Черт знает что! — выругался тот, не оборачиваясь. — Свяжись-ка с Антониной, пусть уточнит, что и как.

Григорий поправил шлем, покрутил ручку настройки.

— Антонина! Что там у вас случилось в квадрате семьдесят три, кто терпит бедствие? Как никто? Постой, постой, ты же только что радировала... Ну не ты, кто-то там у вас. Никто не подходил к аппарату? Ну как же... Ничего не понимаю! Значит, у вас все в порядке? Слышишь, Алексей?

— А, вечно у них так, сам черт не разберет. Идем на базу, там видно будет.

5

На следующее лето Максимка устроился рабочим в геологическую партию. Рыл шурфы, отбирал образцы, мыл шлиховые пробы. Много узнал, многому научился.

А главное — познакомился с интересными людьми, среди которых самым интересным был уже ему известный Петр Андреевич Крайнов.

Старший геолог Отраденской партии был человеком, что называется, в возрасте. За двадцать лет, отданных разведке сибирских алмазов, он исходил и изъездил столько дорог, что, если сложить их вместе, они могли несколько раз опоясать земной шар. Ему было что рассказать Максимке. Жизнь геолога бывает богаче приключениями, чем иной приключенческий роман. Но самым замечательным было то, что он раскрыл перед Максимкой совершенно неведомый ему мир — удивительный мир камня. Максимка, который прежде думал, что в тех местах, где он родился и вырос, нет ничего другого, кроме непроходимых лесов, болот и диких зверей, теперь понял, что под его ногами скрыты настоящие клады, понял, что поиски этих кладов можно сделать целью всей жизни. Ни о чем другом ему теперь не хотелось и мечтать. К концу сезона он решил бросить школу и навсегда остаться в геологической партии. Но Крайнов остановил его и убедил, что если он действительно хочет стать настоящим геологом, то должен обязательно кончить десятилетку, а потом поступить в геологический институт.

Максимка в школе остался, но теперь не мог дожидаться выходного. Наступало воскресенье, и Максимка брал геологический молоток, лопату, лоток для промывки шлихов и спускался в долину Студеной на «собственную разведку», овладевал навыками геолога.

Так пролетели сентябрь, первая половина октября. Стало холодно, пошли дожди. Пора было закрывать полевой сезон. И сегодня Максимка решил в последний раз покопаться на Студеной. Но погода закапризничала с самого утра. Сначала пошел дождь. Потом посыпал снег. Снизу от оврага задул порывистый ветер.

Максимка с досадой бросил лопату. Снег быстро покрывал только что сделанную расчистку, припудрил

лоток с пробой. Видно, придется кончать. Он подул на застывшие руки и, взяв лоток, спустился к речке. Вода жадно слизнула заснеженный верх пробы, подхватила тонкую муть. Привычным движением Максимка начал смывать легкие песчинки. Больше, больше... Вот уже темная каемка шлиха обозначилась в лотке. Вдруг что-то блеснуло. Неужели алмаз?

Максимка запустил руку в лоток. Большой, с двухкопеечную монету кристалл, совершенно чистый и прозрачный, лежал у него на ладони, отсвечивая чуть приметной голубизной. Максимка выхватил из кармана обломок корунда, который всегда теперь носил с собой, и царапнул по кристаллу. Твердое острие скользнуло по камню, как грифель по стеклу. Алмаз! Максимка стиснул его в кулаке и, забыв о брошенных инструментах, припустил со всех ног в Отрадное.

Старший геолог был в конторе один. Он сидел над картой фактического материала, просматривая пикетажки начальников отрядов. Максимка без стука влетел к нему в комнату:

— Петр Андреевич, алмаз!

Крайнов отодвинул бумаги, взялся за пачку с папиросами:

— В шлихе?

— Вот, смотрите! — Максимка разжал кулак.

— Это?! — Крайнов вскочил со стула, выронив нераскуренную папиросу, и бережно взял сверкающий кристалл. Казалось, он священнодействует — даже твердость камешка он проверял как-то по-особенному, чутко прислушиваясь к звуку, который издавал минерал.

— Ну что, алмаз? Алмаз, да? — нетерпеливо спрашивал Максимка, стараясь заглянуть через плечо геолога. Но тот долго ничего не отвечал. Наконец поднял голову:

— Где ты взял его?

— Там, на Студеной... Алмаз? Верно, Петр Андреевич?

— Алмаз-то алмаз, только... — Геолог снова склонился над камнем.

— Что только?

— Да огранка вот... Не бывает такой огранки у естественных алмазов.

— Но я же его только что отмыл. Прямо из обрыва.

— Прямо из обрыва, говоришь. На какой высоте от воды?

— Метров десять-двенадцать.

— Та-ак... Значит, опять в астийских слоях.

— Да, там же примерно, где я выкопал шестерню. Ну что шестерня! Правильно тогда смеялись надо мной. А тут алмаз!

— Алмаз! Не просто алмаз, а бриллиант — алмаз, обработанный рукой человека.

— Как человека? Ведь вы сами говорили, что в то время не только людей...

Крайнов как-то странно усмехнулся:

— Все говорят, что так, но... — Он достал лупу и снова склонился над камнем. Максимка следил за каждым его движением. Он услышал, как геолог пробормотал:

— Ничего не понимаю...

— А что? Что вы там видите, Петр Андреевич?

— Что-что! Или я брежу, или... Вот взгляни.

Максим взял лупу и направил ее на то место, куда указал Крайнов:

— Картинка какая-то...

— Картинка! Это гемма. Понимаешь, гемма! В астийских-то слоях! А главное, что здесь изображено!

Максимка снова взглянул через лупу:

— Похоже, цветок...

— Нет! Ниже, ниже. На большой грани.

— А здесь человек и вроде... обезьяна. Да, человек протягивает руку обезьяне. И внизу какие-то значки...

— Вот именно. Или буквы, или математические сим-

волы. Словом, то, что мог сделать лишь вполне цивилизованный человек.

— Значит, и эта вещь когда-то провалилась в трещину?

— Какой черт в трещину! Алмаз в сотню карат! Кто выпустит из рук такое сокровище? Тут что-то совсем другое. Камень надо сейчас же отправить специалистам. Нет, постой! — Геолог забарабанил пальцами по столу. — Отправил я однажды кое-что, до сих пор не могу простить себе... Что же нам с ним делать?.. Сначала, конечно, сфотографируем. Вот так. — Он поместил кристалл на черный лист бумаги и полез в шкаф за фотоаппаратом. Максим отошел в сторону.

Вдруг камень засветился. Все ярче, ярче... Максим дернул геолога за рукав.

— Петр Андреевич, он... Ой, Петр Андреич!!! — Больше Максим не успел ничего ни сказать, ни сделать. Кристалл вспыхнул ярким пламенем и... исчез.

Геолог бросился было к столу, но тут же без сил опустился на стул.

— Что с вами, Петр Андреич?

— Ничего со мной не случилось. Камень! Где камень?!

— Значит, это вовсе не алмаз?

— Алмаз! Алмаз чистейшей воды! Только алмаз и мог сгореть так вот, без остатка. Но почему? Почему? Восемьсот градусов надо, чтобы алмаз начал гореть. А тут...

— Петр Андреич, пойдемте завтра снова туда. Снег перестал. А там, наверное, этих камней...

— А, глупости! Такие находки не повторяются.

— Найдем, Петр Андреич, обязательно найдем. Если такой геолог, как вы...

Крайнов усмехнулся:

— Такой геолог... Пойми, дружок, это ювелирное изделие, а не геологический объект. И, стало быть, не геологи, а археологи должны теперь заняться Ворман-

леем. Описать этот случай и опубликовать? Нет, хватит с меня. Отписался! Да и какие у нас доказательства?

— Как какие? А алмаз?

— Алмаз! Где он, алмаз? Кто поверит, что мы видели его? Я сам себе не поверил бы, если б не это пятно. — Он указал на след, оставшийся на столе. — Бриллиантовая гемма из астийских слоев... Мистика! Наваждение! Бред сумасшедшего! Каждый здравомыслящий человек назовет нас просто шарлатанами. И правильно сделает.

Максим посмотрел прямо ему в глаза.

— Что же, значит, все так и бросить? Никому ничего не говорить?

Крайнов поднялся с места и долго ходил по комнате, покусывая тонкие губы. Наконец подошел к Максиму, бережно взял его за вихры.

— Нет, дружок, бросать нельзя. Ни в коем случае! Я думаю, что и этот алмаз, и та твоя первая находка могут стать прелюдией к очень большому открытию. Думаю, ты сможешь довести его до конца. Но для этого нужны знания. Много знаний. Кончай школу, Максим, и обязательно поступай в институт, изучай геологию, палеонтологию, основы антропогенеза. Тебе предстоит решить много загадок. У меня же нет ни времени, ни сил, чтобы их решать. Но кое-что я могу тебе подсказать. Несколько лет назад...

— Вы тоже нашли алмаз?

— Не торопись. Алмаз я не нашел, но мне встретились кое-какие окаменелости. Не совсем обычные окаменелости. Но ты не поймешь этого пока. — Геолог вдруг замолчал, словно спохватившись, что сказал что-то лишнее. А Максимка так и впился в него глазами.

— Окаменелости — значит кости? — осторожно спросил он Крайнова.

— Да, так мы называем кости вымерших животных.

— Так вы нашли... скелеты наших предков-обезьян? — выпалил Максимка.

— Экий ты прыткий! — улыбнулся Крайнов. — Такого никому и во сне не снилось. К тому же с этими окаменелостями вообще не все ясно.

— Не все ясно?

— Да. Только давай сразу условимся, мы будем говорить об останках не всех обезьян. Обезьян было много. Одни вымерли, не оставив после себя никаких новых видов. Другие стали пращурами современных горилл, шимпанзе, орангутангов. Мы будем говорить только о тех обезьянах, которые считаются прямыми предками человека. Их называют рамапитеками. Так вот, эти-то рамапитеки и ставят до сих пор в тупик антропологов. Дело в том, что останки их нигде не поднимаются выше азийских слоев. Кости же наиболее примитивных людей — питекантропов — встречаются лишь начиная с верхов свиты джетис — что-то около семисот тысяч лет назад. А от азия до питекантроповых слоев — ни одной косточки!

— За полтора миллиона лет?!

— Да, почти полуторамиллионный интервал лишен всяких ископаемых останков наших родичей*.

— Куда же они девались?

— Вот это и составляет самую загадочную страницу нашей родословной. А правильнее сказать, ее просто нет, этой страницы. Будто кто нарочно выдрал из летописи планеты. И что было между рамапитеком и питекантропом — одному богу известно... Так что трудное, но стоящее это дело. Поэтому и советую тебе — займись им в будущем. И не где-нибудь, а здесь, в Вормалее. Именно здесь слои азия хранят какую-то тайну. Может быть, самую большую тайну, с какой сталкивался человек...

* По последним научным данным, возраст обезьяноподобных людей определяется другими цифрами — свыше 2,6 миллиона лет. Соответственно сдвигается и датировка возникновения их предшественников — около 10 миллионов лет назад (австралопитеки). — *Примеч. ред.*

Долго не мог уснуть Максим в ту ночь. Разговор с Петром Андреевичем взбудоражил его. Он понимал, что геолог знает гораздо больше того, что открыл Максиму, и поэтому вся история с алмазом становилась особенно интригующей. Не давала она ему покоя и на следующий день. После занятий он не пошел домой, а направился к геологам, надеясь, что, может быть, удастся продолжить тот разговор.

На базе Крайнова не было. В конторе сидели два техника и молча курили. Максим поздоровался:

— А Петр Андреевич... Не знаете, где он?

— Улетел Петр Андреевич.

— Надолго?

— Может, и навсегда.

— Как навсегда? Что случилось?

Они ответили не сразу.

— Плохи дела у Петра Андреевича, — сказал наконец один из них. — Он уже сильно болел. А вчера вечером... В общем, увезли его в город, сделают, наверное, операцию. А при такой болезни операция, сам знаешь...

— Как же это, так сразу? — Максим присел на краешек стула, не зная, что еще сказать, не в силах уйти. Только сейчас он понял, как стал дорог ему этот человек.

Несколько минут прошло в молчании.

— А ты опять что-нибудь откопал? — спросил техник.

— Нет, я хотел только поговорить с ним.

— Да и он, наверное, тоже хотел... Письмо оставил. Вот возьми.

— Спасибо. — Максим вскрыл конверт. В нем оказался еще один — поменьше, на котором рукой Крайнова было написано: «Максим! Может случиться, мы больше не увидимся. Но если ты не забудешь мой совет, не потеряешь интереса к тому делу, о котором мы говорили, то вскрой этот пакет. Однако не раньше, чем

закончишь институт, и лишь в том случае, если займешься этим делом. Иначе просто сожги его. Крайнов».

Максим вышел на улицу. Там валил густой, мокрый снег. Он сунул письмо в карман, мысленно обращаясь к Крайнову:

— Нет, Петр Андреевич, я не забуду вашего совета. И даю самое торжественное слово — разгадать тайну Студеной.

6

Последнее лето перед поступлением в институт Максиму целыми днями пришлось корпеть над книгами. Незаметно наступил день отъезда. Вещи были собраны с вечера. Вчера же он простился с Мариной. Почти до рассвета простояли у ворот, клялись не забывать друг друга. Теперь осталось дожидаться вертолета. Время было, и он решил еще раз взглянуть на озеро, к которому так привык.

Здесь ни души. Максим искупался, потом растянулся в траве под старым кедром. Шесть лет прошло с тех пор, как он впервые увидел эти места. Как изменилось все здесь! Все, кроме озера и того, что вокруг него. Тот же обрыв над омутом, та же стена елей на другом берегу. Все изменилось, но и стало привычнее, уютнее, особенно старик кедр, под которым он лежал сейчас и где уснул в то самое утро, когда спас таинственную незнакомку.

Сколько раз вспоминал он это происшествие. Сколько раз старался понять, что же произошло в тот день на озере. Но все так и осталось загадкой.

Впрочем, если бы девчонки не было, то много из того, что произошло, можно объяснить так или иначе. Волки могли погибнуть от шаровой молнии. Свет в замке просто пригрезился: когда человек замерзает или теряет голову от страха, такое случается. Музыка на озере доносилась из какого-нибудь транзистора — мало

ли сейчас туристов в тайге. Ну а запах объяснить и того проще: цветы в тайге очень пахучие.

Максим потянулся, стал тереть глаза. Вздремнуть бы часок-другой... А кто разбудит? Нет, нет, нельзя, так и вертолет проспишь! Он ущипнул себя, чтобы отогнать назойливую дремоту. Однако тень от кедра как-то странно изогнулась, озеро сдвинулось в сторону, обрыв закачался перед глазами. Максим с усилием поднял набрякшие веки. Встать, встать! Он было поднялся, но вдруг увидел, как за деревьями мелькнуло что-то светлое.

Она?..

Он скорее почувствовал, чем понял, что это именно она. И даже не удивился этому. Только сейчас, здесь он и мог ее встретить. Не удивился и тому, что перед ним стояла уже не девочка, а взрослая красивая девушка. Максим рассмотрел ее. Узкое, даже чересчур узкое лицо. Прямой тонкий нос. Глаза огромные, удлинненные, с неестественно расширенными зрачками, которые, казалось, светились изнутри.

Девушка улыбнулась и коротко спросила:

— Уезжаете?

— Да... — еле выдавил он из себя, даже не удивившись ее вопросу, и почему-то уточнил: — Сегодня часа через три-четыре.

— Это хорошо, что вы уезжаете, — сказала она, бросив на него быстрый взгляд.

— Почему? — спросил Максим, немного приходя в себя и снова рассматривая незнакомку. Теперь его внимание привлек цветок, заколотый в прическе девушки. Цветок был, несомненно, живой, необычной расцветки. Он напоминал альпийский эдельвейс, только лепестки лирообразной формы были много нежнее, почти прозрачные. Максим был уверен, что где-то уже встречал такой же цветок, но не мог вспомнить где.

— Вы еще очень мало видели, — отвечала девушка. — Плохо знаете жизнь и людей. — Голос ее звучал тихо, как шелест листьев на слабом ветру, глаза

же струили мягкий свет. — О мире вы судите по своему глухому уголку и поэтому делаете много ошибок.

— Я делаю ошибки?!

— О, много! Очень много. Вчера, например, вы говорили девушке, что всю жизнь будете любить ее одну. Но ведь такое редко бывает. К тому же вы не любите ее даже сейчас. И вообще не знаете, что такое любовь.

Максим почувствовал, как мысли у него снова сбиваются. Еще час назад он был уверен, что любит Марину больше всего на свете. А теперь...

— Нет, я действительно люблю ее. Мы давно любим друг друга...

Девушка покачала головой.

— Вы заблуждаетесь, она тоже не любит вас.

— Как?! Значит, она обманывает меня?

— Нет, она тоже не понимает своих чувств.

— Ну это, знаете, уж слишком! — начал сердиться Максим, чувствуя, что девушка подчиняет его себе. — И вообще, зачем вы говорите об этом? Давайте не будем...

Взгляд его упал на цветок, и слова точно замерли на языке. Лепестки эдельвейса, только что отливавшие чистым изумрудом, на глазах у него стали оранжевыми, потом желтыми и вдруг вспыхнули ярким багрянцем. А лицо девушки, ее улыбка, голос оставались спокойными и приветливыми, как прежде.

— Я в большом долгу перед вами, и мне казалось естественным помочь разобраться в том, что недоступно еще вашим рецепторам и вашей мыслительной системе. Вы сами убедитесь, что ваши и ее чувства обманывают вас обоих. И будет очень плохо, если вы прежде этого решите соединить ваши жизни.

— Но почему, почему?!

— Потому что вся ее внутренняя конституция, все первичные элементы сознания и подсознания противоположны вашим.

Как будто он сам не думал о чем-то похожем. Но у него не было никого ближе Марины. Он привык к ней,

привык и к ее недостаткам. Ему хорошо было с ней. Она влекла его. Чего же еще?

— Что я, не знаю своей девушки! — пробовал он возражать. — Откуда вы-то знаете Марину?

— Я? Я... — Девушка засмеялась.

— Что вы? — настойчиво спросил он.

— Сейчас это не имеет значения, — ответила она и повернула голову, как бы прислушиваясь.

— Но вы даете такие советы...

— Я не вправе их давать. Вы вольны поступать так, как найдете нужным. Но если вы скоро встретите другую девушку, лучше, интереснее Марины? Если полюбите ее так, что не сможете без нее жить? — Она смотрела на него огромными глазами, в которых играло какое-то удивительное зеленое пламя, и Максим почувствовал, как в нем, в этом пламени, сгорают те нити, которые связывали его с Мариной.

— А теперь прощайте. И возьмите это на память о нашей встрече.

Она вынула из своей прически этот цветок удивительной красоты и протянула его Максиму.

— Это такой подарок... — Руки их встретились, и Максим, охваченный внезапным волнением, не мог больше сказать ни слова. Он молчал, вместо того чтобы хотя бы расспросить ее о всех загадочных событиях последних лет. А девушка уже поднялась с места, протянула руки ладонками вперед:

— Всего доброго.

Максим вскочил:

— Постойте! Я хотел сказать... Я хотел спросить...

— Мне пора, Максим, прощайте. — Она уже уходила в сторону леса.

— Как можно! Кто вы, откуда? — Он бросился за ней и... проснулся. — Фу, черт! Приснится же такое! — Он вскочил с земли, да так и застыл с поднятой рукой — в руке у него был... цветок. Тот самый цветок, который подарила ему незнакомка!

Что же это?! Он в два прыжка пересек прибрежную поляну, заметался по лесу. Никого не нашел. Никаких следов.

Он вернулся к озеру. Здесь ничто не напоминало о странном происшествии. Все та же сонная тишина висела над долиной. И те же неподвижные ели отражались в воде. А цветок — вот он, блестящий, словно покрытый лаком, с тонкими лепестками. И запах от него — тот самый горьковатый запах, который преследовал его все эти годы.

Максим поднес цветок к глазам, и повторилось чудо — зеленые лепестки вдруг стали желтыми, потом оранжевыми и наконец красными. Сон продолжался... Максим снова подумал, что где-то видел этот эдельвейс. Но где, где? Вспомнил! Алмазная гемма! Да, именно там, на грани сгоревшего бриллианта, видел он точно такой цветок. Но что же получается? Цветок из астийского времени? Астийский эдельвейс? И сама девушка — тоже из астийской эпохи? Астийская Нефертити? Тут уж действительно можно сойти с ума. Максим забыл и о времени, и об отъезде — обо всем на свете. Но в это время сверху, от кордона, послышались торопливые шаги. И голос Марины:

— Максим! Максимка-а-а!

Он сунул цветок в карман, пошел ей навстречу. Марина сбежала к озеру:

— Вот он, полюбуйте! Давно пора ехать, дома все с ног сбились! А он... Да ты что, заболел?

— Н-нет... Почему же?

— На тебе лица нет.

— Заснул...

— Нашел время! Пойдем скорее. Там все тебя ждут.

Только в вертолете, когда домики Отрадного скрылись за вершинами сопков, Максим сунул руку в карман, чтобы еще раз взглянуть на удивительный цветок. Там было пусто. Максим поискал вокруг — цветок исчез.

Видно, выронил его в суете. Дома Максим обшарил бы каждый уголок и нашел бы цветок. Но могучий винт машины нес его все дальше и дальше и от дома, и от озера. И низкий гул мотора перечеркивал все, что осталось за сплошным морем тайги.

7

Поступив в институт, в общежитии Максим оказался в одной комнате с третьекурсниками-палеонтологами. Ребята были интересные. К ним частенько заглядывали биологи, и они часто спорили — о путях развития жизни на Земле, о законах эволюции, о новейших открытиях в молекулярной генетике.

Многого в этих спорах Максим еще не понимал, о многом вообще слышал впервые. Но ребята охотно посвящали его во все тонкости своих профессий. И он все больше и больше увлекался той наукой, заняться которой советовал ему Крайнов: палеонтологией, наукой о вымерших животных.

Неудивительно поэтому, что и первым институтским другом Максима стал его сосед по койке, староста палеонтологического кружка Миша Глебов. Он сразу взял «зеленого» первокурсника под защиту своего авторитета, а вскоре затащил и на заседание кружка. Тон в кружке задавали те самые ребята, которые собирались у них в комнате. Но теперь нить их споров умело направлялась и поддерживалась доцентом Стоговым, совсем еще молодым ученым, но с огромной эрудицией, студенты благоговели перед ним. Стогов не обходил вниманием нового члена кружка, умело втягивая его в дискуссии. Уже к концу семестра Максим получил тему для доклада — «Филогения лошади в свете палеонтологических данных».

К докладу Максим готовился тщательно. Проштудировал всю рекомендованную Стоговым литературу, перерыл фонды музея и открыл для себя картину поисти-

не удивительную. Оказывается, предком лошади, жившим более шестидесяти миллионов лет назад, был некий эогиппус, животное величиной с кошку, с короткими трехпалыми ногами и плоской мордой. На лошадь оно походило не больше, чем Моська на слона. Но, поместив между этим эогиппусом и современной лошадью все известные палеонтологам промежуточные формы, Максим получил как бы сплошную лесенку, каждая ступень которой отличалась от соседней лишь самыми незначительными деталями.

Тогда и возникла у него мысль построить такую же лесенку для человека. В памяти, правда, были еще свежи беседы с Крайновым. Но, может быть, тот просто не знал всех достижений палеонтологии? Если родословная лошади изучена так подробно, какой же материал должен быть накоплен по филогении человека! С неделю Максим не вылезал из библиотеки, прочел все, что мог найти о наших предках. Потом поделился своими мыслями с Михаилом. Тот сразу умерил его пыл:

— О человеке мы знаем гораздо меньше. Слишком мало ископаемых остатков. Строго говоря, на сегодняшний день это уже сфера деятельности не палеонтологов. А ты вот что... Есть тут один парень с отделения бионики, Антон Платов. Он много лет этим вопросом занимается. Только... Как бы это тебе сказать?

— А что?

— Для него ни авторитетов не существует, ни общепринятых представлений. Все надо самому проверить, пощупать. Все известные теории готов вверх ногами перевернуть. А уж спорить с ним... Лучше не связываться! Но... голова у него на плечах есть!

— Он что же, филогению человека построил?

— Не то чтобы построил, не так это просто. Но во всем, что касается антропогенеза, у нас тут, пожалуй, никто с ним не потягается. Сам Стогов его в аспирантуру звал. Только теперь они как кошка с собакой. Из-за астия.

— Из-за аствия?!

— Ну да. Он, понимаешь, выступил у нас на кружке. И заявил, что, по его мнению, — как это тебе нравится: «по его мнению», — человек жил еще в астийское время. И не где-нибудь, а в Сибири.

— Так это здорово, Мишка, просто здорово! — чуть не закричал от радости Максим.

— Стой ты — здорово! Здоровее некуда. Стогов его, понятно, припер к стенке: где доказательства? А он свое: а какие, говорит, у вас доказательства, что в астийское время людей не было? Ну, дальше — больше. Такая перепалка началась, только держись!

— Слушай, Михаил, познакомь меня с ним!

— Хоть сейчас. Это над нами, на пятом этаже. Пойдем!

Друзья вышли на лестницу.

— Миша, а расскажи мне, какая растительность была в астийское время, — сказал Максим, но не услышал, что говорил его спутник. Он остановился как вкопанный. Навстречу им по лестнице спускалась... та, из рук которой он получил загадочный цветок. Она прошла мимо них, а когда Максим опомнился, она уже исчезла из его поля зрения.

— Михаил! Так это же... Ты знаешь, кто это?!

— Еще бы не знать! Ларочка Эри, профессорская дочка... Эдуарда Павловича, того самого, что вам математику читает.

— Не может быть!

— Почему не может быть? Она уже второй год у нас на радиотехническом. Первая красавица в институте. Только... Не подпускает она никого к себе. Да и сам Эри странный — настоящий Фауст. Но Лара удивительная, иногда, кажется, жизни бы не пожалел для такой... Впрочем, хватит об этом! Пошли к Платову.

Максиму ничего не оставалось, как последовать за ним.

Дипломант — бионик Антон Платов — был прямой

противоположностью веселому, словоохотливому; никогда не унывающему Михаилу. Друзья нашли его в самом дальнем углу дипломной комнаты, за шкафами, где он сидел один над грудой чертежей и в ответ на шумное приветствие Глебова сказал тихо, не поднимая головы:

— Привет. Что скажешь?

Максим с интересом рассматривал его — высокий, широкоплечий, с большими сильными руками и очень крупными неправильными чертами лица. Было что-то в нем очень располагающее к себе. Глаза, догадался Максим. Глаза у Антона были голубыми, почти синими, полные застенчивости и доброты.

Глебов подтолкнул Максима к столу:

— Да, вот познакомься — еще один любитель родословной человечества. И тоже бредит астием.

— Астием? — Антон быстро взглянул на Максима. — Чем же вас привлек астий?

— Астий — это так, к слову. А о предках человека мне действительно хотелось бы потолковать.

— А что вы уже читали, что знаете о происхождении человека?

— Прочитал все, что мог найти. — Максим назвал несколько книг и статей по антропологии.

Антон усмехнулся:

— Это, конечно, интересные работы, но наука не стоит на месте... — Он подождал, когда выйдет из комнаты Глебов. — На мой взгляд, все это было иначе. Кстати, ты знаешь, что писали о наших предках индусы? В античных санскритско-тибетских рукописях можно прочесть, что четыре с половиной махаюги * назад с гор, расположенных на севере Джамбудвипы, спустились на равнины двуногие существа. Вначале они бродили по лесам и саваннам, не имея пристанища. А в течение последней махаюги перешли к оседло-

* Временной промежуток в летосчислении древних индийцев.

му образу жизни, расправились со страшными чудовищами-девами и стали настоящими людьми.

— Что-то такое я читал, — сказал Максим. — Но ведь почти у каждого народа можно найти похожую легенду.

— Легенд много, — согласился Антон. — Однако сейчас считают почти доказанным, что именно Джамбудвипа — этот южный материк, объединяющий современный Индостан и Юго-Восточную Азию, был прародиной человека, именно здесь были найдены останки самого древнего человека — питекантропа, именно здесь обитали самые высокоразвитые человекообразные обезьяны — рамапитеки. Скелеты их встречаются здесь в отложениях всех эпох, начиная с середины миоцена вплоть до астия. И все это время, понимаешь, рамапитеки постепенно совершенствовались, все больше приближаясь к облику современного человека. Ведь эта Джамбудвипа, надо тебе сказать, была интереснейшим уголком Земли. Здесь буквально, как говорится, на пяточке чередовались самые разнообразные ландшафты — горы, долины, плоскогорья, низменности. То же самое с климатом: где палящая жара, где вечные льды, где тропические ливни, где полное безводье. Суший ад! А самое главное — постоянная нехватка пищи. Ели и листья, и корни, и червей, и насекомых — все, что удавалось найти. Природа все время как бы подхлестывала рамапитеков, не давая им долго задерживаться на одной стадии развития.

— Потому они превратились в человека?

— Постой! Этого я не сказал. До человека было еще далеко! Ты слышал, наверное, — в конце астийской эпохи произошло похолодание в масштабе планеты. Обрушилось оно и на Джамбудвипу. Условия жизни здесь стали совсем невыносимыми. Рамапитеки начали массовую миграцию из Джамбудвипы через современный Афганистан, Иран, Северный Ирак, Палестину в долину Нила.

— Почему ты думаешь, что миграция шла именно так?

— Это хорошо известно науке. Последние находки рамапитеков в этих странах позволяют точно проследить маршрут их переселения. Но вот, достигнув Экваториальной Африки с ее влажным тропическим лесом, обильной пищей и сравнительно безопасными условиями существования, рамапитеки, грубо говоря, «зажирили», то есть «специализировались» и тем закрыли себе все пути к дальнейшему прогрессу. Так и возник здесь знаменитый Гомо Габилис — Человек Способный, останки которого обнаружил Луис Лики в ущелье Олдовай и который, как оказалось, далеко еще не был человеком, хотя и использовал камни для охоты на животных.

— Но он уже не мог стать человеком?

— Конечно! Специализация Гомо Габилис зашла настолько далеко, что уделом его оставалось лишь одно — полное и окончательное вымирание.

— А как же люди?

— Гомо сапиенс? Тут-то и загвоздка... Что получается? Если останки рамапитеков встречаются на территории Джамбудвипы лишь до конца аствия, а дальше уверенно прослеживаются по всему Ближнему Востоку вплоть до Африки, то ясно — все они мигрировали туда из Джамбудвипы, так и оставшись обезьянами, и на них, как на предков человека, надо поставить крест.

— Допустим. А дальше?

— Дальше тоже ясно — поскольку останки питекантропов тоже найдены в пределах Джамбудвипы, а между ними и рамапитеками провал в полтора миллиона лет*, значит, на смену рамапитекам откуда-то с се-

* Существуют новейшие данные, касающиеся как условий возникновения, так и датировок происхождения Гомо Габилис и других представителей эволюционной цепочки, которые не названы автором, — Гомо Эректус, а также яванский питекантроп, занимающий промежуточное положение между Гомо Габилис и Гомо Эректус. — *Примеч. ред.*

вера пришли другие существа, не менее совершенные, чем рамапитеки, и они-то и были предками перволюдей.

— Постой, а почему они должны были прийти обязательно с севера?

— Больше неоткуда, кругом море. Перволюди могли спуститься только с гор Джамбудвипы. Помнишь, я говорил тебе о древних рукописях?

— Так это всего-навсего легенда.

— Может, и не просто легенда. Некоторые легенды, если их проанализировать, заключают в себе рациональное зерно.

— Но откуда взяться перволюдям в горах?

— Необязательно в горах. Горы они могли перевалить.

— Перевалить? Тогда откуда они шли, не из Сибири же?

— А почему бы нет? Почему не допустить, что прародиной человечества была Сибирь? Логика здесь не меньше, чем во всех других общепринятых гипотезах.

— А доказательства?

— Доказательств пока нет. Их надо искать. Искать в Сибири. В сибирском астии.

— В астийских слоях Сибири?! — У Максима во рту пересохло от волнения.

— Да. Ты не веришь?

— Верю! Там, в этих слоях... Я расскажу тебе как-нибудь...

— Что же, заходи завтра вечером, потолкуем. А сейчас сам видишь... — Он кивнул на свой стол, заваленный бумагами, и протянул Максиму руку.

Выйдя от Платова, Максим долго не мог привести в порядок свои мысли. Все, что сказал Антон, было слишком неожиданно, но главное — проливало совершенно иной свет на его собственные находки на Студеной. А ведь эти находки были как-то связаны и с астийской Нефертити. Какую же роль играла она во всем этом? И что значила сегодняшняя встреча с Ларой Эри?

Занятый этими вопросами, Максим забрался в самый дальний угол институтского городка, где высились и новые корпуса физтеха, и хотел уже двинуться обратно, как вдруг сзади, совсем рядом, громко хлопнула дверь, и, невольно обернувшись, он снова увидел ее, таинственную незнакомку. Максим остановился. Девушка оглядывалась в ожидании какой-то встречи. Она или не она? Девушка вдруг посмотрела на него, и разом исчезли все сомнения: знакомые сполохи метнулись из ее глаз. Она! Только у нее одной был такой необыкновенный взгляд. Максим уже решил подойти к ней, как стайка девушек вылетела из-за угла.

— Лара, скорей! Автобус! — Девушки гурьбой помчались к остановке автобуса. Лара устремилась за ними. Максим остался один и задавал себе все тот же вопрос: «Заметила ли она его? Узнала ли?»

8

— Ты нашел алмаз в астийских слоях? — ошеломленно спросил Антон Максима. — Но где гарантия, что это астий?

— Петр Андреевич определил, Крайнов.

— Мог и Крайнов ошибиться.

— Нет. Все образцы ведь посылались в Москву, в лабораторию абсолютного возраста.

— Та-а-ак... Но почему бриллиант сгорел? Это же совершенно невероятно, чтобы алмаз самовоспламенился.

— То же самое говорил и Петр Андреевич.

— А кто-нибудь, кроме вас с Крайновым, видел эту гемму?

— Нет, никто.

— Но с ним можно поговорить об этом?

Максим ответил не сразу:

— Петр Андреевич умер этой осенью...

— Н-да... — Антон забарабанил пальцами по столу. Потом начал ходить из угла в угол. Молчание затягивалось. Максим сухо спросил:

— Не веришь?

— Видишь ли, Максим, я сам уже второй год отстаиваю идею, что в астейское время у нас в Сибири жили люди. Но такая высокая ступень цивилизации...

— Значит, не веришь?

— А у тебя остались хоть какие-нибудь доказательства?

— Так я тебе все сказал. Все, как было! А ты... Ладно! Не веришь, не надо! — Максим встал и направился к двери.

— Да постой ты, горячая голова! Я рад бы поверить, но посуди сам...

— Не о чем больше с тобой судить! — Максим хлопучил шапку.

— А я говорю, стой! — Антон схватил его за плечо и оттолкнул от двери, силой усадил на стул. — Садись! И запомни, это легче всего — оскорбиться и хлопнуть дверью. Только у нас так дело не пойдет. Наука не сентиментальный роман. Я тебе верю. Но должен поверить и твоим фактам. Это не одно и то же. Никто не гарантирован от ошибок, вы с Крайновым в том числе. И нечего лезть в бутылку! Но и отмахнуться от этих фактов... — Он подошел к столу, взял какую-то книгу, с минуту полистал ее, снова бросил на стол. — Нет, надо быть круглым идиотом, чтобы пренебречь такими фактами! Мне просто необходимо докопаться до истины. Понимаешь, необходимо! — Он опять положил Максиму руку на плечо. — И помочь в этом сможешь только ты. Больше никому.

— Я хотел бы, да как?

— Это другой разговор. Как? Подумаем вместе. — Антон отошел к окну, потом круто повернулся к Максиму. — А вот как. Там, на Студеной, во время своих раскопок ты не вел записей, не делал зарисовок?

— Как же! — обрадовался Максим. — Я подробно описывал все в дневнике.

— Это уже кое-что! — прищелкнул языком Антон. — Дальше. Результаты раскопок отрядненских геологов... Они должны быть сведены в научно-производственные отчеты. Попробуем запросить эти их отчеты через научную часть. И еще. У этого Крайнова остался кто-нибудь — жена, дети?

— Нет, он был совсем один...

— Жаль. Но ничего, воспользуемся тем, что есть. Ты принеси мне свои записи.

— Ладно. — Максим встал. Антон легонько стукнул его меж лопаток:

— До скорого!

Максим, помедлив, сказал:

— Антон, я хотел еще спросить... Ты не знаешь случайно Ларису Эри с физтеха?

— Знаю.

— Знаешь?! Давно?

— Года два или около того. А что?

Максим замялся:

— Как тебе сказать... Ты никогда не замечал в ней чего-нибудь такого... необычного?

— Необычного? Нет.

— А... как ты думаешь, не могла она быть прошлым летом в наших краях?

— У вас в Вормалее? Едва ли. Хотя... летом она с отцом обычно путешествует, так что...

— Кто ее родители?

— Матери у Лары нет. А отец... Загадочная личность. Не зря его прозвали Доктор Фауст. В первые годы, что я здесь учился, он жил совсем один, ни с кем, говорят, не znalся, нигде не бывал. Потом вдруг появилась Лара... Чего только не болтали тогда! Страшнейший вздор, конечно. Кое-кто и сейчас еще не прочь почесать языки. Но не верь никому.

Лара неожиданно захватила все мысли Максима. Желание видеть ее и говорить с ней стало неодолимым. Иногда он прятался за угол, чтобы проводить ее глазами. Подойти же к ней не решался. Он не стал тогда рассказывать Антону о встрече в тайге с незнакомкой, чувствовалось, Платов почему-то явно не хотел долго говорить о Ларе. Единственным, кто мог еще внести хоть какую-то ясность, был Михаил. Максим решил разыскать его немедленно и узнать все о толках вокруг Лары. Кинулся в спортклуб, где часто пропадал Михаил.

В спортклубе былолюдно. Максим обошел баскетбольную площадку, где большая толпа болельщиков криками подбадривала институтскую команду, и направился в дальний конец зала к гимнастам, как вдруг услышал:

— Девочки, подождите, я еще раз!

Она! Ее голос! В каком-нибудь десятке шагов работала на брусьях Лара. Максим как замороженный двинулся к небольшой группе ребят, окруживших снаряд. Лара, казалось, не замечала ничего вокруг. Но вдруг глаза их встретились. Она остановилась, почему-то нахмурилась, хотела соскочить с брусьев. Но в последний момент резко накренилась и неловко упала на пол.

— Ой! — коротко вскрикнула она, зажимая ногу.

К ней сейчас же бросились все, кто был поблизости, засуетились:

— Перелом?

— Вывих?

— А я говорю, перелом! Врача! Врача скорее!

— Да нет его, ушел.

— Тогда «Скорую»! Звоните в «Скорую»!

Максим протиснулся сквозь толпу. Лара сидела на полу бледная, растерянная, в глазах боль.

«Нет, не Нефертити!» — пронеслось в голове. Он взглянул на ее ногу, которая чуть-чуть припухла, по-

краснела. Ясно, вывих! Сколько раз он выправлял такие вывихи ребятам на кордоне.

— Ну-ка, пустите!

Все расступились. Максим, ни слова не говоря, опустился на колени, взял Лару за щиколотку, чуть повернул ступню и сильно дернул.

— Ой, что вы делаете?! — закричала Лара, отдергивая ногу.

Но Максим уже поднялся:

— Все, можете вставать.

— Как... всё?

— Так, все.

Кто-то удивленно хмыкнул. Лара встала, сделала несколько шагов.

— Не больно... — Она посмотрела на Максима. — Спасибо... Проводите меня, пожалуйста, в раздевалку, простите, не знаю вашего имени.

Максим назвал себя.

— Вы, верно, первокурсник? — нарушила Лара затянувшееся молчание. — Бионик или...

— Я геолог.

— Похоже... Нет, я не о внешности! Присядем на минуту. — Она опустилась на скамью возле шведской стенки. — До раздевалки я дойду одна, вы действительно чудесный исцелитель. Но... я хочу вас спросить... — Лара сделала паузу. — Скажите, почему вы все время преследуете меня?

Максим покраснел. Несколько раз действительно, увидев Лару где-нибудь на улице, он незаметно для нее шел следом два-три квартала, а в пургу даже проводил до самого дома.

— Или я ошиблась? Если не хотите, можете не отвечать.

— Нет, не ошиблись. — Максим посмотрел ей в глаза и вздрогнул: столько было сходства в чертах лица Лары и той незнакомки.

— Тогда я хочу знать, почему вы ходите за мной по пятам?

— Мне кажется, я уже видел вас... за две тысячи километров отсюда, на берегу лесного озера, видел так же ясно, как сейчас, а потом... — Максим замялся.

— Что же было потом?

— Потом я проснулся.

Лара рассмеялась:

— Так вы видели меня во сне?

— Может быть, только... — Максим замолчал.

— Только что? — Лара перестала смеяться и выжидающе смотрела на Максима.

— Только вы... В общем, эта девушка дала мне цветок. Необыкновенно красивый. И когда я проснулся, цветок был у меня в руке. Я понимаю, это смешно...

Но она не смеялась и смотрела на него с интересом.

— Рассказывайте, прошу вас.

— Вот, собственно, и все.

— Но вы сказали, цветок... Она подарила его вам?

— Это мне приснилось.

— А после? Что было после? После того как вы проснулись? Что стало с цветком?

— Цветок пропал... Видно, я обронил его. Это было перед самым отлетом.

— Но вы помните его? Хорошо помните? Какой он?

— Как вам сказать... Главное... он все время менял цвет. И лепестки — лиры...

— Не может быть!

— Кому я ни рассказывал, все так говорят. Но я видел его так же ясно, как вот... вас сейчас. Он был у меня в руках.

В голосе Лары послышалось возбуждение:

— А когда это случилось? Когда вы видели меня... эту девушку на озере?

— Перед самым отъездом в институт. В конце июля. Двадцать...

— Двадцать шестого?!

— Да. Откуда вы знаете? Значит, вы...

Лара покачала головой и вдруг побледнела:

— Нет, я ничего не знаю. Ничего не знаю! Но двадцать шестого июля... И эти цветы...

— Вы тоже видели их? Где, когда?!

— Я расскажу вам все. Только не сейчас... Я плохо себя чувствую. Простите, пожалуйста...

9

Сквозь густые заросли джунглей, стремительно перелетая с дерева на дерево, движется стая бабуинов. Вот они останавливаются, плотно сбиваются в кучу и долго прислушиваются к шорохам леса. Кругом, кажется, все спокойно. И обезьяны снова пускаются в путь, озираясь по сторонам и принюхиваясь к окружающим запахам. Пути бабуинов не видно конца. Километр за километром покрывают они на головокругительной высоте, совершая замысловатые прыжки. Но вот внизу показались купы смоковниц. Сигнал вожака — и стая рассыпается.

Теперь отовсюду несется аппетитное чавканье и треск обламываемых веток. Бабуины торопятся наполнить желудки. Заботливые матери не забывают набить рот и маленьким, вцепившимся в их спины детенышам. Те же, что постарше, сами нагибают усыпанные ягодами ветки и очищают плоды губами, повизгивая от удовольствия.

Вдруг вожак перестал жевать и напряженно вытянулся — снизу из-за стволов на него смотрели прищуренные глаза человека-охотника. Вожак окаменел, потом издал короткий пронзительный звук. Мгновенье — и стая скрылась в зарослях.

Мвамба усмехнулся. Бабуины его не интересовали. Он ждал другую добычу. Но теперь это потеряло всякий смысл. Мвамба хотел уже двинуться дальше, как внимание его привлекло нечто совершенно необычное —

мимо промчалась отставшая молоденькая обезьянка, на спине у которой, вцепившись в ее густую шерсть, сидел... мальчик.

Мвамба чуть не выронил из рук ружье. Месяц назад у его соседа пропал сын, и он готов был поклясться, что обезьяна сейчас тащила именно его: Мвамба не раз видел того мальчика, копавшегося возле соседской хижины... Мвамба выбрался на тропу и побежал созывать людей.

Рассказ старого охотника всполошил деревню. Все взрослые мужчины как один выступили на поиски бабуинов. Но обезьяны словно сквозь землю провалились.

Прошло двенадцать лет. Умер сосед Мвамбы, а жена его в озере утонула. Все в деревне успели забыть об их ребенке, похищенном обезьянами. Все, кроме Мвамбы. Год за годом он выслеживал бабуинов. И упорство его было вознаграждено.

Однажды под вечер, пробираясь сквозь заросли смоковниц, он увидел, как в плотной листве мелькнуло голое тело. Мвамба замер. Высоко в ветвях, среди лакомющихся ягодами обезьян, ловко перепрыгивал с дерева на дерево рослый мальчуган. Свалявшиеся волосы космами падали ему на плечи, худое тело покрывали рубцы и ссадины. Но даже отсюда, с земли, было видно, как перекачиваются под кожей могучие желваки мышц. День клонился к вечеру. Обезьяны начали устраиваться на ночлег. Мвамба осторожно выбрался на тропу и поспешил к деревне.

Незадолго до полуночи два десятка охотников со всех сторон обложили смоковник. Луна была на ущербе, свет ее почти не проникал к подножию деревьев. Но привыкший к ночному мраку Мвамба быстро и бесшумно, как пантера, скользил между стволами, высматривая лежбище бабуинов. Ноздри его широко раздувались, улавливая ночные запахи. Наконец он остановился. Обезьяны были рядом, было слышно, как они бормочут во сне. Где же мальчуган? Мвамба до боли

расширил зрачки глаз. И вдруг увидел его почти на земле в небольшом гнезде, свитом из веток. Юноша спал, запрокинув голову, широко раскинув сильные руки.

Тихий свист — шестеро охотников присоединились к Мвамбе. Он подал знак — на мальчугана набросились все сразу, стащили его на землю, подмяли под себя. Мальчик кусался, царапался, отбивался руками и ногами, но ловкие руки охотников быстро скрутили его крепкими узлами, заткнули рот, поволокли сквозь чашу.

Утром вся деревня сбежалась взглянуть на пойманное существо. Мвамба разогнал любопытных и объявил, что, поскольку родители мальчика умерли, он берет его в сыновья.

Никто не возражал против этого решения Мвамбы. Но не так-то просто было подступить к зверенышу, скрючившемуся на земле и дико озиравшемуся. Он никого не подпускал, издавая нечленораздельные звуки. Когда Мвамба поставил перед ним корзину с фруктами, он даже не взглянул на нее. Едва охотник прикоснулся к голове мальчика, тот яростно оскалил зубы, и в глазах его сверкнула такая злоба, что бесстрашный Мвамба готов был отступить от него.

Но Мвамба не отнял руки, и мальчуган не укусил его.

Так началось приручение мальчика-обезьяны. Старый охотник не жалел ни терпения, ни ласки. Прошел не один месяц, пока мальчуган перестал рычать на Мвамбу, стал брать из его рук еду и не пытался бежать из хижины.

Но время шло, и постепенно он смирился с жизнью в деревне, привык к людям, привязался к Мвамбе, как может привязаться к хозяину собака. Он стал ходить с ним на охоту, помогал выслеживать зверя, доставал плоды с высоких деревьев. Но говорить он так и не научился, не полюбил домашней пищи и, конечно, не мог обращаться с ружьем, не принимал участия в де-

ревенских работах. Мысль, видно, так и не пробудилась в его дремлющем сознании.

...По экрану побежали титры: «Фильм поставлен по материалам... В нем приняли участие... В основу фильма положен достоверный факт... В него включены кадры, снятые на севере Мозамбика, в Африке...»

После этой передачи трое зрителей — Максим, Антон и Михаил — некоторое время сидели молча. Потом Михаил выключил телевизор:

— Удивительно!

— Ничего удивительного. Так бывает со всеми этими Маугли. — Антон встал и заходил по комнате. — Меня давно уже интересуют подобные феномены. У меня собран материал по девяти случаям: пятерых детей воспитали волки, двух — павианы и одного мальчика — антилопа. Это десятый. Во всех случаях одно и то же — дети, воспитанные зверями, не могут научиться говорить и мыслить и чаще всего погибают в неволе. Случай, который мы только что видели, по-видимому, с самым счастливым исходом. Но и здесь мальчик не стал человеком. В лучшем случае это преданное домашнее животное.

— Почему животное? — возразил Михаил. — Это же человек, существо с человеческим мозгом!

— Человек? А чем, собственно, отличается человек от животного? Думаешь, только строением мозга?

— Разумеется.

— Ничего не разумеется. Главное отличие человека — это способность мыслить.

— Разве это не просто физиологическая функция достаточно развитого мозга?

— В том-то и дело, что нет! — решительно заявил Антон. — И то, что мы сейчас видели, — прямое тому доказательство. Человеческий мозг несет две абсолютно различные функции. Прежде всего он управляет жизнедеятельностью организма: координирует работу его органов, перерабатывает поступающую от рецепто-

ров зрения, слуха, обоняния информацию, выдает команды на ответные реакции, направленные на защиту организма или избирательное поглощение нужных ему веществ. В этом он практически не отличается от мозга любых высших животных.

Вторая функция нашего мозга — способность абстрактно мыслить: воссоздавать картины окружающего мира, генерировать логические конструкции, предвидеть события. Повторяю, функции эти абсолютно различны. И если первую из них мы унаследовали от мозга животных, то истоки второй установить не просто.

Ясно одно — первую функцию мозг может выполнять без всякой предварительной подготовки, если не считать элементарного жизненного опыта. Вторая функция проявляется в результате обучения. Понимаешь, научить, настроить, заложить в него элементарные основы мышления! И сделать это может только другой мыслящий мозг. Поэтому способность мыслить передается от поколения к поколению, как эстафета, и достаточно прервать ее хотя бы в одном звене...

— Что же получается? Если бы, скажем, на Земле вдруг исчезли все взрослые люди, остались одни малыши, то человеческий разум, человеческая мысль исчезли совсем?

— Да, по крайней мере, на очень длительное время. Только человеческое общество с его преемственностью поколений может быть хранителем разума. Для одного человека или даже небольшой группы людей это невозможно.

— Давно доказано, что мысль — продукт мозга.

— С чего ты взял, что я не считаю мысль продуктом мозга? Я хочу лишь сказать, что только подготовленный мозг может дать такой продукт. И подготовка эта возможна лишь при наличии другого мозга и лишь в определенном возрасте. Ни о каких мыслях без мозга не может быть и разговора. И все же ни один здраво-мыслящий человек не поставит знак равенства между

мышлением и мозгом. Если мозг эволюционировал, как всякий другой биологический объект, то эволюция мышления шла, видимо, совсем по иным законам. Пробразом мозга может служить любая нервная клетка. Пробраз мышления мы не знаем.

Михаил сорвался с места.

— Пробраз мышления... Да возьми любую обезьяну!

— Обезьяна обладает лишь сложным комплексом условных рефлексов, — отрезал Антон.

— Это и есть прообраз мышления.

— Ничего подобного. Это разные вещи. Хотя бы потому, что нормальный процесс мышления вообще невозможен вне общества, чего нельзя сказать об условных рефлексах.

— Как это невозможен вне общества?

— Ты что, не знаешь, что люди, изолированные от общества и лишённые источников информации, постепенно дичают?

— Смотря какие люди, — упорствовал Михаил.

— Любые. Примеров тому тьма. Зато в жизни бывает и наоборот. Ты слышал, конечно, о знаменитом физике Нпролу?

— Кажется, слышал...

— Он родился в племени Западной Африки, которое до сих пор не имеет письменности и живет чуть ли не на уровне каменного века.

— Ну да!

— Вот тебе и «ну да». Когда ему было два месяца, его усыновил один миссионер-европеец. Потом он учился в Оксфорде, работал у нас в Дубне. И вот результат: Нпролу — выдающийся ученый. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Несколько минут прошло в молчании. Михаил, видимо, исчерпал все свои возражения и, насупившись, ходил по комнате. Антон спокойно стоял у окна, глядя на

синие сумерки, и, как всегда, о чем-то сосредоточенно думал.

— А все-таки, Антон, — обратился к нему Максим, до этого молчавший, но внимательно слушавший спор друзей, — трудно с тобой согласиться. Я представил такую ситуацию. Несколько космонавтов, мужчин и женщин, высадились на далекой чужой планете. Корабль вышел из строя. Связи с Землей никакой. Надежды на возвращение тоже. Что, в таком случае они должны одичать?

— Зависит от того, сколько их будет и что они с собой возьмут в рейс. Если их мало и они отправятся с пустыми руками, то да — одичают.

— Но почему? Почему они не дадут начало новой цивилизации?

— Да потому, что их слишком мало, потому что богатства человеческого разума им просто будут не нужны. Все их жизненные силы будут уходить на поддержание элементарных биологических функций, на борьбу за существование в самом прямом, самом грубом смысле этого слова. Ну зачем, посуди сам, им в таких условиях формулы высшей математики, законы астрономии, даже письменность? Все это забудется, умрет, если не у самих космонавтов, то у их ближайших потомков.

— И разум исчезнет совершенно?

— Ну если и не угаснет совсем, то потускнеет, померкнет на многие века, будет тлеть, как угли под слоем золы, до тех пор, пока не сформируется новое человеческое общество. Пойми, разум не может быть достоянием одного человека или даже нескольких человек. Он может быть достоянием человечества. Каждый человек может мыслить. Но лишь гомо сапиенс может быть хранителем разума.

— Ну, я на этот счет другого мнения. И вообще — пока! — Михаил схватил пальто и выскочил из комнаты. Максим подошел к Антону.

— Но ты, кажется, не все договорил, Антон. Если искра мышления передается как эстафета от поколения к поколению, то где ее начало?

— Никто сегодня точно не ответит на этот вопрос. Я убежден в одном: человеческий разум не мог возникнуть в тот ничтожно малый промежуток времени, который отделяет последние находки рамапитека от первых находок питекантропа. Полтора-два миллиона лет могли существенно изменить и обезьяну и человека. Но это слишком незначительный срок для того, чтобы обезьяна стала человеком. Эволюция происходит скачкообразно, я согласен. Но это уже больше, чем скачок. В конце концов, между обезьяной и ее предками, если можно так выразиться, лежит небольшая рывтина, человека же от обезьяны отделяет пропасть.

— Ну это как сказать, Антон. Последние наблюдения и эксперименты над поведением животных показывают, что не только обезьяны, но и многие другие млекопитающие обладают определенными элементами психики, ни в коем случае не укладывающимися в понятие рефлекса. Разве ты не слышал?

— Слышал, но не очень верю.

— Это не аргумент.

— Хорошо. Допустим, что все, что пишут о таких экспериментах, — верно. Но разве эти «элементы психики», сугубо конкретные, связанные лишь с определенными действиями животного, как бы они ни напоминали мышление, можно сравнить с абстрактным разумом человека?

— Можно. Во всяком случае, пропасти я здесь не вижу. И достаточно усложнения функциональных констелляций нейронов мозга...

— Усложнение функциональных констелляций нейронов! Коронный номер Стогова! Всеспасаящие констелляции... А кто и когда наблюдал это скачкообразное усложнение констелляций? Почему оно не возникает ни у одной из ныне живущих обезьян?

— Может, и возникало, кто знает. Ведь сейчас, когда обезьяны живут, по сути дела, в окружении людей, такое усложнение не дало бы им ни грана перевеса и, стало быть, должно бесследно исчезнуть как всякий бесполезный признак.

— Гм... Это уж что-то новое. Во всяком случае, не по Стогову. Тот просто сослался бы на чрезмерную специализацию и указал такую-то страницу такой-то книги. Откуда это у тебя?

— Да ниоткуда... Я сам так думаю.

— Сам? — Антон неожиданно рассмеялся. — А ты, оказывается, шевелишь мозгами. Ладно, потолкуем еще об этом. А теперь вот что... Лара вчера уехала.

— Как уехала?! Куда?

— В Москву. На Международный семинар. Недели на три — на четыре.

— Уехать сейчас почти на месяц! А как же лекции?

— Не лекциями едиными жив студент.

— И все-таки целый месяц! Это такой срок...

— Срок большой... — Антон хитро прищурился. — Вот она и просила передать, что то, о чем она обещала рассказать тебе — видно, что-то важное, я не знаю, — она скажет сразу по приезду. Если, конечно, ты снова не будешь прятаться от нее, как в последнее время.

— Так она и сказала?

— Нет, это я по глазам у нее прочел. Я же как-никак бионик.

— Понятно...

— Ничего тебе не понятно. С твоими констелляциями...

10

Он сидел в читальном зале, просматривая старые журналы, когда услышал за своей спиной:

— Здравствуйте, Максим. Еле разыскала вас.

— Лара... — От неожиданности он не знал, что ей сказать.

— Сидите-сидите! — Она подсела к нему. — Так давно не видела вас... Как вы жили все это время?

— Как я жил?.. — начал он, с трудом собираясь с мыслями, и замолчал. Это было слишком необычно и ново сидеть так близко к Ларе, он чувствовал тепло ее плеча. Все в нем смешалось от волнения. Да и можно ли было выразить словами, что он пережил за последние недели?

На пути из Москвы Лара сильно простудилась, ее положили в больницу, и сколько тревожных дней и ночей он провел, прежде чем узнал, что опасность миновала. Наконец она выздоровела, выписалась из клиники и сейчас же уехала в дом отдыха. Михаил провожал ее, пришел домой сияющий, весь вечер надоедал Максиму счастливой болтовней. А ему еще удавалось скрыть чувство обиды и боли: он даже не слышал об отъезде Лары.

Наконец она приехала. И опять он узнал об этом от Михаила. Тот успел уже встретиться с Ларой, нашел ее отдохнувшей, посвежевшей. А Максим не мог придумать, где и как хотя бы увидеть ее. Говорить об этом с Глебовым было по меньшей мере смешно. Антон же, занятый дипломным проектом, день и ночь не вылезал из лаборатории.

И вдруг эта неожиданная встреча здесь, в читальном зале. Он поднял наконец глаза и окончательно смешался, встретив ее взгляд:

— Как я жил в последнее время?.. Я только и ждал... только и думал о вас, Лара...

— Максим... — Скорее прочел он по движению ее губ, чем услышал свое имя. Узкая холодная ладошка Лары легла на его руку, а ее лицо придвинулось к его лицу. — Максим, мне нужно так много сказать вам. И я хотела бы... Вы не могли бы зайти сегодня ко мне? Часов в девять вечера. Хорошо?

И вот этот вечер наступил. Максим наскоро собрался и, желая побороть в себе чувство привычной робости и избежать лишних расспросов Михаила, вышел из дому задолго до назначенного срока. Вечер был тихий, теплый, и так как Лара жила далеко от института, он выбрал самый длинный окружной путь, через Заречье. Вот почему закат застал его на берегу реки, чуть выше Коммунального моста.

Вода здесь уже спала, кое-где обнажился бичевник, но было еще безлюдно и сыро. Максим сел на борт одной из лодок, во множестве расставленных вдоль берега, и задумался. Он чувствовал, был почти уверен, что сегодня Лара откроет ему свою тайну. Он ждал этого и в то же время боялся. После памятного разговора в спортзале он почти не сомневался, что ее тайна как-то связана с его вормалеевскими приключениями. Но как? Была ли там, на озере, сама Лара или астийская Нефертити, и Лара всего лишь двойник? Сегодня это должно решиться.

Максим взглянул на часы. Половина девятого. Пора! Он встал, отряхнул брюки и, бросив последний взгляд на розовеющую реку, направился было вверх по откосу, как вдруг до слуха его донесся тихий звон и голова закружилась так, что он почувствовал тошноту.

Что это могло быть? Но все вокруг было по-прежнему: берег пуст, и полное безмолвие.

Однако тошнота не проходила. Голова заболела сильнее. Как будто прессом сдавливало живот и грудь. Он снова сел. «Отравился?.. Этого еще не хватало! Как же к ней идти...»

И вдруг услышал голос:

— Никуда не надо идти, Максим. Не надо! И не расстраивайтесь, пожалуйста, сейчас все пройдет. Я рада видеть вас здесь... — Шепот Лары, тихий, успокаивающий, послышался над самым ухом. Она, казалось, была рядом, нет... склонилась к нему, как тогда в читальном зале.

Он обернулся — Лара стояла в двух шагах от него, теребя в руках прутик, тяжело дыша.

— Лара... — Никогда он не видел ее такой прекрасной, как сейчас, при свете вечерней зари.

— Лара...

Она бросила прутик, шагнула к нему:

— Нет, я не Лара. Разве вы меня не узнаете?

— Не Лара? Значит, все это время... Значит, вы... — Потрясенный внезапной догадкой, он не знал что сказать. И в тот же миг ни с чем не сравнимым ароматом астийского эдельвейса повеяло в воздухе, и разом исчезли все сомнения — перед ним была астийская Нефертити.

Она подошла совсем близко, коснулась рукой его плеча:

— Вы должны наконец узнать, Максим, что я...

Он понял, что сейчас станет ясным все, приготовился услышать что-то совсем невероятное. Но в это время нестерпимо яркий луч ударил ему в глаза. Он отшатнулся в сторону, закрыл лицо руками и... проснулся.

Как?! Снова все сон? И вормалеевская незнакомка, и этот звук, и это странное недоумение, и... разговор с Ларой в читальном зале? Но почему тогда он оказался здесь, на берегу реки? Нет, разговор с Ларой ему не приснился. А дальше?.. Где кончилась явь и начался сон? Все смешалось в голове у Максима.

Он вылез из лодки, с трудом выпрямил затекшую спину. Ночь была на исходе. Небо на востоке заметно посветлело. Звезды гасли. Белесая четвертушка луны недвижно висела над черной рекой. Длинные полосы тумана легли на росистую траву. Максим зябко поежился и, подняв воротник пиджака, побрел к себе в общежитие.

Там все еще спали. Он выпил воды и не раздеваясь лег на кровать. Но спать не хотелось. Что мог значить этот странный сон? Да и сон ли? Он помнил, что за-

пах эдельвейса преследовал его почти до самого отъезда в институт.

Максим встал с кровати, подошел к окну. С соседней койки поднялась голова Михаила:

— Ты где пропадал всю ночь? Тебе письмо на столе.

Максим машинально взял конверт. Писала мать. На листе, вырванном из простой школьной тетради, тесно сгрудились несколько кривых строк, нацарапанных тупым химическим карандашом. Обычно ему писал отец. Тревога стиснула сердце Максима.

«...И сообщаю тебе, что отец при смерти. Врач говорит, долго не протянет. Самое большое — неделю. Приехал бы простился, сынок. Да и сама я из последних сил...»

Строчки запрыгали перед глазами Максима, письмо шло из дому не меньше недели. Он лег на кровать, зарылся лицом в подушку. Но тут же встал, перечитал письмо, вышел на улицу.

Видны были первые прохожие. Дворники с заспанными лицами лениво шаркали метлами по мостовой. В луже, оставшейся от поливки газонов, шумно плескались воробьи. Максим сел на скамью, закрыл лицо руками.

Отец... Как мог он оставить его, больного, старого? Ехать! Ехать немедленно! Может быть, врачи ошиблись?

Он быстро оформил отпуск. Купил билет. До отъезда было время, чтобы повидать Лару. С бьющимся сердцем поднялся Максим по лестнице профессорского дома, позвонил у знакомой двери. Ее открыл сам Эри.

— Простите, пожалуйста, — смутился Максим. — Я бы хотел видеть Лару...

— Лара не совсем здорова.

— Я уезжаю... Очень далеко...

— Желаю вам счастливого пути.

Глаза профессора скрывали темные стекла очков.

Но и по тону было ясно, что просить его о чем-либо бесполезно.

Максим вернулся в институт проститься с Антоном. Тот, как всегда, был краток:

— Надолго едешь?

— Не знаю, может, и навсегда.

— Почему?

— Мать тоже плоха. Как ее оставишь?

— Н-да... А как же Лара?

— Что Лара?

— Любишь ты ее, Максим.

— Так можно любить и Сикстинскую мадонну.

— Не понимаю... Случилось что-нибудь?

— Да нет...

— Нет? — Антон заглянул ему в глаза и, схватив за плечи, надавил на них так, что у Максима подогнулись ноги. — А ну, выкладывай все напрямик!

Пришлось рассказать о странном приступе болезни на реке и о том, как выставил его профессор Эри. Ни слова не сказал лишь о встрече с таинственной девушкой.

Антон нахмурился:

— Черт знает что! От болезней, конечно, никто не застрахован. А вот профессор... Профессор не умеет себя вести. Когда у тебя поезд?

— Часа через два.

— Ну что же, всего, как говорится. Провожать не могу.

И вот Максим на вокзале. Посадка заканчивается. Вдали уже вспыхнул зеленый глазок светофора. Последние рукопожатия, последние поцелуи и напутствия. Шумно вздохнули отпущенные тормоза. А он еще медлит, все еще стоит на платформе, чего-то ждет. И вдруг...

Лара? Да нет, не может быть, откуда же! Он вскочил на подножку, высматривая ее над головами. Она!

— Лара! — Максим прыгнул на перрон, расталкивая толпу, бросился к ней.

Она еще не видит его, медленно идет по платформе, бросая взгляд то на вокзальные часы, то на окна вагонов.

— Лара-а!

— Максим!.. — Она подбежала к нему, схватила за руку. — Вы... уезжаете?

— Так получилось... Я должен извиниться перед вами, Лара. Вчера вечером...

— Я все знаю, Максим. Все-все. Антон рассказал мне. Но вы вернетесь? Скоро?

— Не знаю...

— Дома плохо?

— Да. И потом... И потом, все как-то перепуталось в последнее время. Жаль, что мы так и не успели ни о чем поговорить...

— Все, что я могу сказать, Максим, мы оба — вы и я — стали жертвой какой-то страшной тайны. Я очень боюсь за вас...

— Но почему? Что вы знаете?

Поезд тронулся. Глаза Лары наполнились слезами:

— Потом, Максим, потом! Садитесь скорее! Мы поговорим еще обо всем. Только возвращайтесь!

Тревожно прошло время в дороге. Скорей, скорей! Что там — дома?..

11

Вот и кордон. Знакомое крыльцо, давно покосившаяся, обитая клеенкой дверь, трясущиеся руки матери.

— Мама?.. — Он судорожно глотнул воздух и не мог больше сказать ни слова. Все было ясно и так: по тому, как бессильно упали руки матери ему на плечи, по тому, как склонилась она к нему на грудь и затряслась в беззвучных рыданиях, по тому, какой холодной пустотой дохнуло из раскрытых настежь дверей дома.

ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ

1

— Достаточно! — Председатель Государственной комиссии кивнул Максиму и обернулся к экзаменаторам. — Я полагаю: такая работа сделала бы честь и студенту дневного отделения. Не так ли?

— Безусловно! — ответил за всех профессор Стогов. — Поздравляю, Колесников. Ваша дипломная работа может перерасти в диссертацию. Желаю успеха!

Максим вышел в коридор. Вот и закончен институт. Не совсем так, как он думал об этом восемь лет назад, и все же — гора с плеч. К нему подошла секретарь факультета:

— Колесников, зайдите в деканат. Вас ищет доцент Платов.

— Платов? Антон? Он здесь?

— Он приехал из Восточносибирского филиала. Очень просил разыскать вас.

Максим вошел в деканат. Навстречу ему поднялся высокий человек в светлом плаще. Максим в нерешительности остановился. И вдруг узнал:

— Антон! Как изменился!

— Максимка, черт! — Платов стиснул его в крепких объятиях. — Поздравляю! Слышал о твоей работе. Молодец!

— Да вот, кончил-таки... А как ты?

— Ну, это длинная история. Да и не стоит мешать людям. Едем ко мне в гостиницу.

— Зачем в гостиницу? Пойдем ко мне. Или в ресторан. Сегодня такой день, что не грех и отметить...

— Идем, идем ко мне.

В номере Антон сбросил плащ, усадил Максима:

— Располагайся.

Он достал бутылку коньяка, и друзья выпили за успешную защиту диплома.

— Рассказывай, Антон, где ты, что ты, как жизнь?

— Жизнь идет, Максим. В прошлом году получил кафедру. Оборудовал лабораторию. Подобрал людей. Начали трудиться...

— А как же астий?

— Не забываю. Я, видишь ли, однолюб. Но с ним все же плохо. По-прежнему нет конкретных фактов, нет помощников, которые загорелись бы этим делом. Ты думаешь, зачем я сюда приехал? За молодыми специалистами. А точнее — за тобой. Давай ко мне в аспирантуру!

— Но как ты узнал, что я кончил институт?

— Встретил в Новосибирске твоего руководителя. Он рассказал. Ну как, идешь ко мне?

— Подожди, Антон. Как же так сразу? Надо подумать. Ты лучше расскажи, как живешь, семья есть?

— «Семья-то большая...» — Антон засмеялся. — Две дочери, теща, ну и жена, само собой. Да ты ее знаешь. Помнишь Светку Снегиреву с агрономического? Она еще в тот год с Ларой... Что с тобой?

Максим больно закусил губу.

— Н-да... — Антон нахмурился. — А в общем — чудачки...

— Кто?

— И ты и она. Да вот полюбуйся, специально для тебя таскаю. — Он порылся в карманах пиджака и вынул небольшую любительскую фотографию.

Максим бережно положил ее на ладонь. Лара... Такая же, как семь лет назад. Только очень худая, а в глазах боль или испуг.

— Вот такой я и встретил ее нынешней весной.

— Где?

— В Ленинграде. Теперь она там живет, работает в каком-то НИИ.

— Замужем?

— Да. Только, кажется, не все у них ладно... Теперь ты рассказывай.

— Да что рассказывать... Похоронил сначала отца, потом мать. Женился на Марине. Работал, учился. Вот и все...

— Работал, учился! Ты что, анкету заполняешь? Почему никому не писал? Почему спрятался от друзей?

— Так получилось... Отца я не застал в живых. А вскоре слегла и мать. Пришлось пойти работать. До писем ли было? К тому же тебя здесь уже не было, Михаила тоже. А Лара... Не мог я ей писать. Мать не вставала с постели. Марина ухаживала за ней как могла. Ну и сам понимаешь...

— Приходится понять... И все-таки как с моим предложением?

Максим долго молчал:

— Я хотел бы работать с тобой...

— Так в чем дело?

— Боюсь, не стану твоим союзником.

— Почему?

— Видишь ли, за эти годы у меня было достаточно времени подумать, перечитать все, что написано об астии, поговорить с биологами, медиками, антропологами. Но интересней всего оказались материалы последних раскопок Ричарда Лики в Восточной Африке.

— Ты имеешь в виду «череп 1470» *?

— Да. Ведь возраст его, по данным калий-аргонового анализа, около трех миллионов лет. Он много старше тех, кто участвовал в предполагаемом тобой переселении рамапитеков в Африку.

* Под таким регистрационным номером числится череп ископаемого человека, найденного Ричардом Лики в 1972 году к востоку от озера Рудольф (Восточная Африка), в коллекционных описях Национального музея Кении в Найроби.

— Так...

— К тому же объем мозга этого ископаемого человека не меньше восьмисот кубических сантиметров, а надглазных валиков нет совсем.

— Допустим.

— Но это позволяет поставить его выше и питекантропов, и синантропов, и неандертальцев, то есть практически всех ископаемых гоминид, которых до сих пор рассматривали в качестве эволюционных предков человека!

— Ничего не имею против.

— Но при чем тогда Джамбудвипа и перволюди, пришедшие с севера?

— А как же твои находки на Студеной? — ответил Антон вопросом на вопрос.

— Это другое дело. Другая загадка. И я буду ее решать.

— Вот и будем решать вместе. И посмотрим, кто прав. Я не люблю навязывать свое мнение коллегам.

— Что же, если так — я соглашусь, наверное. И вот мой первый вклад. — Максим вынул из кармана затертый пожелтевший конверт. — Сегодня я могу наконец прочесть это и даже показать тебе.

Антон взглянул на конверт.

— «...не раньше, чем закончишь институт, и лишь в том случае, если займешься этим делом...» Каким делом? Что это за письмо, откуда?

Максим ответил не сразу:

— Этот пакет оставил мне очень хороший человек, ты знаешь о нем, — мой первый учитель геологии, на глазах которого сгорел известный тебе алмаз, оставил как свое завещание. А дело, о котором идет речь... То самое, каким ты предлагаешь мне заняться.

— Читай скорее!

Максим осторожно вскрыл конверт. На листке, вырванном из пикетажной книжки, было написано простым карандашом:

«Дорогой мальчик! Я знаю, меня не будет в живых, когда ты прочтешь это письмо, поэтому могу сказать, что любил тебя, как сына. Это и не позволило мне взвалить на твои плечи загадку, которой я тяготился многие годы. Не решился бы я на это и сейчас, если бы не твои собственные находки на Студеной. А дело в том, что лет за пять до встречи с тобой при шурфовке астийских отложений в верховьях ручья Гремячий, что в десяти километрах к северо-западу от Вормалея, мне встретился зуб, мало чем отличающийся от зуба человека. Потрясенный находкой, я перерыл весь ручей и нашел еще один зуб. Оба они лежали «ин ситу». Зубы были сейчас же отправлены специалистам. А через три месяца пришло письмо, в котором меня обвиняли в шарлатанстве, научной недобросовестности и тому подобных грехах. Это не помешало, впрочем, вежливым ученым на мой запрос любезно уведомить меня, что оба зуба, «к сожалению, утеряны». Вот почему я так болезненно реагировал на твои находки в Вормалее и посоветовал никому не говорить о них до поры до времени. Ты был еще слишком молод и неопытен. Я же ни в чем не мог тебе помочь. Теперь ты взрослый, по-видимому, горный инженер, и сможешь найти факты огромной ценности. Но! Никаких ссылок на то, что уже потеряно. Только новые факты, как можно больше фактов. Успехов тебе, мой родной.

Крайнов».

Максим медленно свернул листок, положил в конверт. Антон схватил его за руку:

— Ты обещал показать!

— Да-да, читай. — Он положил письмо перед Антоном.

Тот прочел его залпом:

— Н-да... Сенсация! Новость, о какой я не мог и мечтать! Зубы человека в слоях сибирского аствия! Едем, Максим!

— Куда?

— Сначала ко мне, потом в Вормалей. Других путей у нас теперь не будет. Надо использовать и это лето. Считай, что ты уже мой аспирант.

— Но я еще не все сказал, Антон. Почему, как ты думаешь, исчезли эти зубы, пропала шестерня, сгорел алмаз?

— Да мало ли... Этого теперь не узнать.

— В том-то и дело, что я знаю... кое-что.

— Знаешь, отчего сгорел бриллиант?!

— Я не могу сказать точно, отчего сгорел алмаз. Но существует какая-то определенная связь между ним и еще одним... человеком. Дело в том, что на одной грани алмаза был вырезан цветок. И этот цветок, вернее, точно такой цветок, я однажды держал в руках.

— Ничего не понимаю.

— Я сам еще многого не могу понять. Все началось давно. Лет, наверное, пятнадцать назад. В один из таких же вот летних дней, точнее, ранним утром... — И Максим рассказал обо всех событиях, случившихся за его жизнь.

— Так-так... — Антон недоверчиво покачал головой. — И все это, думаешь, тоже не обошлось без той девушки?

— Я уверен в этом. Иначе нет никаких объяснений...

— Ну если исходить из таких «доводов», можно доказать что угодно.

— Поэтому я и не пытаюсь ничего доказывать. Ведь то, что тогда, на озере, я ощутил запах астильского эдельвейса, тоже не «довод». По крайней мере, для тебя.

— Нет, это уже кое-что. Ну а саму ее, эту... ты больше не встречал?

— Ни разу! Вот уже семь лет. Словно ее и не бывало. И я знаю почему. Потому что женился на Марине или потому что уехал от Лары...

— От Лары?! Она-то здесь при чем?

— Так разве я не сказал? В том-то и дело, что эта зеленоглазая Нефертити и Лара очень похожи друг на друга.

— Ну знаешь!

— Да, Антон! Оттого и сложилось все так глупо в моих отношениях с Ларой. Когда я увидел ее в первый раз, то был убежден, что встретил вормалеевскую незнакомку.

— Но почему, черт возьми! Мало ли на свете похожих людей?

— Верно. Но Лару тоже окружала какая-то тайна. Она сама хотела рассказать...

— Знаю я эту «тайну». Пустяки, и больше ничего!

— А все-таки?

— Да понимаешь, Лара не всегда была такой красавицей. А летом перед твоим приездом в институт... Словом, она вдруг заболела. Совершенно неожиданно. И как-то странно. Целый день была в почти бессознательном состоянии. Врачи ничего не могли определить. Потом все прошло, и от болезни не осталось и следа. Зато через несколько дней... Через несколько дней, Максим, у нее начал меняться цвет волос и глаз. И вообще она становилась какой-то другой. Постепенно изменился даже голос. Я думал, она увлеклась косметикой, начал вышучивать ее, а она в слезы. И вот понимаешь...

— Невероятно!

— Все так считают. А мне кажется, ничего невероятного. Многие болезни мы просто не знаем. Конечно, для ее психики это было нелегким испытанием. Любителей позлословить у нас достаточно. К тому же, как она говорила, мы были друзьями, она мне доверяла, у нее произошло нечто вроде раздвоения сознания.

— Раздвоение сознания?

— Понимаешь, словно в ней поселился кто-то другой, какой-то подсказчик: делай так, делай то... Даже во сне ее будто кто-то поучал. Да и сами сны стали не-

обычными: то приснится какой-то незнакомый ландшафт, то послышится музыка, какой она никогда нигде не слышала...

— А цветы? Она ничего не говорила о каких-нибудь цветах?

— Цветы? Да, верно. И цветы снились. Но у больного это в порядке вещей, особенно когда нарушена психика. Так что видишь, ничего особенного. Просто редкая болезнь...

— Да... Может быть, тут и не было бы ничего особенного, если бы она не заболела двадцать шестого июля, в тот самый день, когда я увидел на озере Нефертити...

— Ну мало ли совпадений!

— И если бы цветы, которые она видела во сне, не были астийскими эдельвейсами.

— Не может быть!

— Да, Антон, мы говорили с ней о них.

— Но это уже...

— Во всяком случае, это уже не пустяк. Я абсолютно убежден, что и Лара, и вормалеевская незнакомка... Словом, какая-то связь существует между ними. Только какая?

— Трудная задача. На долю Лары во всей этой истории выпала, очевидно, самая незавидная роль — роль жертвы. Ну а тайна... Тайна осталась и теперь. Кому и зачем нужны были эти фокусы? Почему выбор пал именно на Лару? Какое отношение имеет все это к твоим находкам на Студеной, к астийскому человеку? Словом, задал ты мне загадку! Жаль, что мы говорим об этом не семь лет назад. Но все равно поступай ко мне, Максим! Будем работать вместе. Один ты не решишь этой загадки. А ее нужно решать. Во что бы то ни стало! В общем, так — даю тебе три дня на сборы, оформление и тому подобное. Через три дня выезжаем. Устроишься пока у меня.

— Постой!

— Никаких «постой». К осени выхлопочем квартиру. Да, совсем забыл спросить, какая все-таки у тебя семья?

— Жена, сын.

— Отлично. Жене работу подыщем. Детсад у нас ведомственный... А что, в Вормалее по-прежнему, кроме вертолета, никакого транспорта?

— Нет, в позапрошлом году железную дорогу протянули. Там сейчас леспромхоз.

— Вот и прекрасно. Понимаешь, не переносу самолета...

2

— Копай здесь! — скомандовал Антон, выключая радиометр и очерчивая носком сапога круг в углу ямы. Максим с размаху вонзил лопату в землю.

— Не так, легче! Снимай грунт тонкими слоями и сыпь сюда, на эту площадку.

Максим осторожно срезал дерновину, поднял первый слой земли. Антон начал просеивать его через металлическое сито...

Они прибыли в Отрадное вчера вечером, сняли квартиру, перенесли багаж. А сегодня с восходом солнца, не тратя времени на распаковку вещей, захватив лишь самое необходимое, отправились на Малеевское пепелище, о котором тоже говорили как о месте «гиблом» и загадочном — никто на нем не прижился. Расчистка пепелища была первым пунктом из того, что они наметили сделать летом нынешнего года. Затем предполагалось заложить с помощью бригады рабочих несколько штолен в обрывах Студеной и, если позволит время, посетить ручей Гремячий. На следующий год была запланирована экспедиция к Лысой гриве.

Кордон Вормалей за эти годы стал неузнаваем. Дома взобрались на сопку, сбежали вниз чуть не до самого озера. Густой ельник, что окружал Малеевское пепели-

ще, поднялся в рост человека. Само пепелище еле удалось разыскать, так поросло оно малинником и пихтачом. Обоим пришлось основательно помахать топором, прежде чем Антон смог спрыгнуть в яму и пустить в ход радиометр. Зато первые же замеры превзошли все ожидания. В северо-восточном углу ямы прибор обнаружил такую аномалию, что стрелка, как сумасшедшая, заметалась по шкале. Теперь оставалось копать и копать.

Но прошел час, другой. Возле Антона выросла целая гора просеянной земли. А на сите все так же оставалось лишь стекло, ржавые гвозди, битый кирпич и тому подобный мусор. Яма углубилась настолько, что Максим давно уже стоял на коленях и орудовал не столько лопатой, сколько одними руками. Антон снова включил радиометр, спустил щуп в закопушку. Стрелка метнулась в сторону.

— Яму надо расширить и копать глубже. Давай лопату!

Вскоре закопушка превратилась в удобный шурф, лопата вошла в плотный коренной песчаник. Лишь в центре ямы выделялось небольшое пятно замусоренной почвы. Антон тщательно подчистил дно шурфа:

— Все ясно. Я стою на дне бывшего подвала. А это — закопанный тайник. — Он осторожно погрузил лопату в мусор. Она уперлась во что-то твердое. — Есть! Дай нож, Максим!

Они углубились еще на четверть лопаты.

— Стоп! Видишь? — Антон подчистил землю щеткой. В яме проступил обруч, обтянутый кожей.

Максим потянулся к нему с лопатой.

— Куда? С ума сошел! Рой по краям. И по сантиметру, не больше.

Вскоре из земли показался большой глиняный горшок. Антон окопал его со всех сторон, обвязал снизу веревкой. Через несколько минут горшок лежал на земле. Антон аккуратно распутал стягивающую его прово-

локу, снял кожаную крышку. Под ней оказались полуистлевшие царские ассигнации.

— Только и всего! — разочарованно протянул Максим.

— Этого следовало ожидать. — Антон расстелил плащ. — Ну-ка, тряхнем!

Друзья перевернули горшок, и целая груда разноцветных кредиток вывалилась на плащ.

— А это что? — Максим вытащил из-под ассигнаций небольшую красноватую пластинку. Антон взял из его рук искусно выточенную четырехлопастную деталь, напоминающую миниатюрный гребной винт. В центре его было отверстие с нарезкой. По краям лопастей шла тонкая вязь замысловатого орнамента.

— Такого же цвета была и моя шестерня. — Максим царапнул деталь алмазным стеклорезом. Следа на металле не осталось.

Антон поднес находку к радиометру.

— Ого! Ладно, потом исследуем досконально, а сейчас давай его сюда. — Он положил находку в свинцовый контейнер и плотно завинтил крышку.

Максим сложил в рюкзак инструменты.

— Клади и контейнер, места хватит.

— Ну нет, я его из рук не выпущу. — Антон перекинул через плечо радиометр и выпрыгнул из ямы. Максим выбрался за ним следом.

— Давай напрямиком. Тут, правда, лесом. Зато сразу выйдем к озеру.

Антон взглянул на часы.

— Пошли. Мне самому не терпится взглянуть на него.

Друзья вышли к обрыву, озеро лежало у них под ногами.

— Вот тут, Антон, и началась эта удивительная история. Там, против мыска с кривой лиственницей, я вытащил ее из воды. А под тем кедром — видишь, с об-

ломанной верхушкой? — разговаривал с ней в день отъезда.

Антон как будто не слушал Максима.

— Что с тобой?! — Максим бросился к побледневшему приятелю. Но тот сразу как-то обмяк, пошатнулся и, неловко взмахнув руками, рухнул вниз.

Максим не раздумывая прыгнул следом. Через секунду оба вынырнули на поверхность. Максим что было сил поплыл к Антону.

— Держись! Я мигом.

Антон лихорадочно срывал с плеча радиометр. Максим помогал ему сдернуть ремень.

— Давай к кедру, там мельче.

— Зачем к кедру? Бросай радиометр, ныряй!

— Да что случилось?

— Контейнер!!

Тут только Максим вспомнил, что в руках у Антона был контейнер с драгоценной находкой.

— Ты выпустил его? На такой глубине?! Эх, Антон...

Но тот уже скрылся под водой... Вынырнул, чертыхаясь и отплевываясь:

— Ну что же ты?!

— Без толку, Антон. Все пропало. Ты не знаешь озера. Помню, был еще мальчишкой, когда вормалеевские мужики спустили в этом месте четверо вожжей, да так и не достали дна. С контейнером придется проститься.

Они вылезли на берег, разожгли костер.

— Садись, Антон, сушишь! Кто отважится лезть в такую глубину! К тому же там ледяные ключи. И потом... Этого следовало ожидать, я говорил тебе.

— Ерунда! Так можно внушить себе что угодно. Просто закружилась голова от высоты. Недаром не переносу самолета. — Он подсел к огню, зажмурил глаза от дыма. — Словом, заметь поточнее место, где я упал, — и в Отрадное! Надо еще местным властям представиться, может быть, они что-нибудь посоветуют.

И действительно, председатель сельсовета, выслу-

шав Анто́на, рекомендовал обратиться к недавно демобилизовавшемуся матросу, у которого был вполне исправный акваланг. Максим не замедлил воспользоваться советом.

Солнце едва показалось над верхушками елок, когда они подогнали плот к тому месту, где затонул контейнер, и закрепили его расчалками под обрывом. День обещал быть погожим: небо синело во всю ширь, и трава в ложках словно поседела от росы. Максим с нетерпением посматривал на Костю, бывшего водолаза. Тот не спеша докурил папиросу, пощупал рукой воду и принялся облачаться: надел толстый фланелевый костюм, подвесил на спину баллоны, тщательно закрепил маску и, присев на край плота, начал напяливать на ноги неуклюжие ласты. Максим с Антоном ему помогали. Костя опробовал подачу воздуха и поднял руку:

— Ну?

— Постой! — Максим еще раз осмотрел его со всех сторон и привязал к поясу конец капроновой бечевы.

— Это зачем?

— Мало ли что может случиться. Дернешь два раза — сразу вытащим наверх.

— Лады! — Костя надвинул маску на глаза и, взяв в рот мундштук, соскользнул в воду. Веревка быстро побежала за ним следом. Максим лег на живот, стараясь рассмотреть приятеля сквозь толщу воды. Но снизу вырывались лишь гроздьи серебристых пузырьков.

Наконец веревка остановилась. Прошло полчаса. Время от времени бечева снова начинала скользить под воду. Однако условных сигналов не было. Вот веревка ослабла, потом всплыла. Антон принялся торопливо выбирать бечеву на плот. Наконец Костя вынырнул. Вынырнул с пустыми руками. Он быстро подплыл к плоту, сбросил маску:

— Какой он был, контейнер, пятнадцать на пятнадцать?

— Так примерно. Ты видел его?

— Его — нет! А углубление в иле, вроде как от банки таких размеров, прямо под обрывом.

— Куда же девался контейнер?

— Похоже, кто-то уволок его!

— Как уволок? Куда?

— Понимаете, углубление есть на дне метрах в пяти от обрыва. А в самом обрыве — дыра, примерно в мой рост. И из нее вода прет: словно тебя отталкивает от обрыва. Так вот, от самого углубления в эту дыру вроде следы...

— Не может быть! — воскликнул Антон.

— Точно сказать, конечно, трудно. Течение все заносит помаленьку. Но, кроме этих углублений, на дне ничего нет. Я все кругом осмотрел. Стоило бы еще в дыру заглянуть, да темно там... А следы как будто человека, продолговатые такие...

— Так... — Максим с минуту подумал, потом решительно потянулся за вторым аквалангом. — Нырнем, Костя, вместе. Надо посмотреть.

— С ума сошел! Ты же не плавал с аквалангом.

— Неважно! Покажешь — что и как. Веревки хватит на двоих. В крайнем случае он вытащит обоих.

Костя в нерешительности взглянул на Антона. Тот покачал головой:

— Рискованно, Максим.

— Ну если с самого начала думать о риске... Давай, Костя, помогай!

— Тогда захватим фонари. Похоже, это вход в пещеру. Попробуем заплывать.

— Само собой разумеется!

Через час одетый по всем правилам Максим вслед за Костей ушел под воду. Костя уходил все глубже, Максим спешил за ним. Вода становилась холоднее, света было все меньше. Окраска воды теряла красно-желтые тона, уступая холодным голубым и зеленым. И вот уже ледяной аквамариновый сумрак обступил пловцов со всех сторон. Но неожиданно стало светлее.

Костя перестал скользить вниз и подал знак рукой. Максим замедлил движение — снизу наплывало дно. К удивлению Максима, на нем легко можно было рассмотреть каждый камешек, каждый бугорок.

А Костя уже звал его к себе, нетерпеливо указывая пальцем на дно. Максим подплыл к нему. Так вот оно, это углубление! Пожалуй, Костя прав. Очень похоже, что именно здесь стоял контейнер. Максим спустился к самому дну. Да, несомненно, это отпечаток днища. И сразу за ним следы. Это была цепочка очень правильных углублений, их нельзя было принять за что-то другое, только за следы.

Но вот и обрыв. Темная громада его выросла неожиданно, будто поднялась со дна. Максим едва не стукнулся головой о камень, за которым открывалась черная зияющая дыра. Костя был уже тут. Он указал кивком на вход в пещеру и включил фонарь. Тонкий, ослабленный водой луч проник всего метра на полтора, но не встретил преграды. Дыра уходила дальше и, похоже, не сужалась, в нее свободно можно было протиснуться даже с баллонами за спиной. Целая стая рыбешек метнулась в свете фонаря и стремительно умчалась в глубь каменного грота.

Максим включил фонарь и осторожно полез в отверстие. Костя последовал за ним. Двигались медленно, тщательно высвечивая все вокруг, то опускаясь вниз, то всплывая к самому потолку пещеры. Фонари давали слишком мало света, к тому же все время приходилось бороться со встречным течением. Однако постепенно стало ясно, что грот превращается в длинную узкую щель с неровными голыми стенками, но не было никакого намека на то, что здесь могли побывать другие аквалангисты.

Максим решил уже повернуть обратно, чувствуя, что длина веревки на исходе, как вдруг луч его фонарика выхватил из мрака круглое оранжевое пятно. Что это? Или показалось? Максим снова двинулся вперед. Но

сильный удар отбросил его назад, все тело словно сдавило прессом, голова запрокинулась, мундштук вырвался из губ. Он попытался задержать дыхание, но не успел закрыть рот, и поток воды ворвался в горло, раздирая грудь, выталкивая из орбит глаза...

Очнулся Максим на берегу в тени старого знакомого кедра. Он попытался подняться, но почувствовал слабость и опять закрыл глаза. Голос не подчинялся ему. Каждый вдох давался с трудом.

— Лежи-лежи! — склонился к нему Антон. — Ничего страшного. Все обошлось, но придется полежать. Надо оставить в покое все здешние тайны. По крайней мере, до будущего года. Но время терять не будем, Максим. Займемся пока раскопками на Студеной и Гремячем. Это ведь тоже важно. Нет, не вставай! Я сейчас в леспромхоз за машиной. Костя побудет с тобой.

Костя подсел ближе, поправил плащ под головой.

— Ну, Максим, считай, повезло тебе. Мог бы и на дне остаться. Веревка-то оборвалась. Меня в сторону отбросило. Где тебя искать? И тут будто окликнули меня. До сих пор в толк не возьму, что это был за голос и почему я пошел за ним. Только вижу — ты на дне. И без мундштука. Тут уж я дал работу ластам! Вот так и обошлось. А то бы...

Максим благодарно кивнул и закрыл глаза.

Голос... Неужели ее голос?

3

Солнце едва успело согнать снег и подсушить тропинки в тайге, как Максим и Антон вновь приехали в Отрадное.

Первая их экспедиция закончилась безрезультатно. За два с лишним месяца были перерыты и прошупаны радиометром все выходы астийских пород по обоим бе-

регам Студеной, заложены десятки шурфов, пропущена через сито не одна сотня тонн песка с ручья Гремячий. И все без толку — никаких следов астийского человека.

Но друзья не собирались сдаваться. Всю зиму они готовились к новой экспедиции, а как только сошел снег, снова выехали в тайгу. Главное внимание в этом году предполагалось уделить району Лысой гривы. Одно неожиданное обстоятельство заставило их изменить планы.

В то утро Максим решил поработать в небольшом котловане на окраине кордона, у больницы. Котлован был свежий, видно, его только что вырыли. Но ударивший морозец так прихватил сырой песок, что стоило Максиму нажать на черенок, как он хрустнул и сломался у самого основания.

Молотка под руками не оказалось. Чтобы выбить обломок из штыка, пришлось воспользоваться куском конкреции, каких немало торчало в астийских песках и глинах. Но не тут-то было! При первом же ударе камень разлетелся вдребезги. Максим в сердцах швырнул обломок далеко в сторону.

— Вы что, этими булыжниками интересуетесь?

Максим удивленно поднял глаза. У больничного крыльца, облокотясь на тонкую балясину, стояла незнакомая женщина — молодая, невысокая, в короткой беличьей шубке, с непокрытой головой. Глаза ее, темно-карие, почти черные, смотрели на Максима с любопытством. Щеки слегка порозовели от смущения.

Максим бросил ненужную теперь лопату, неловко поднялся:

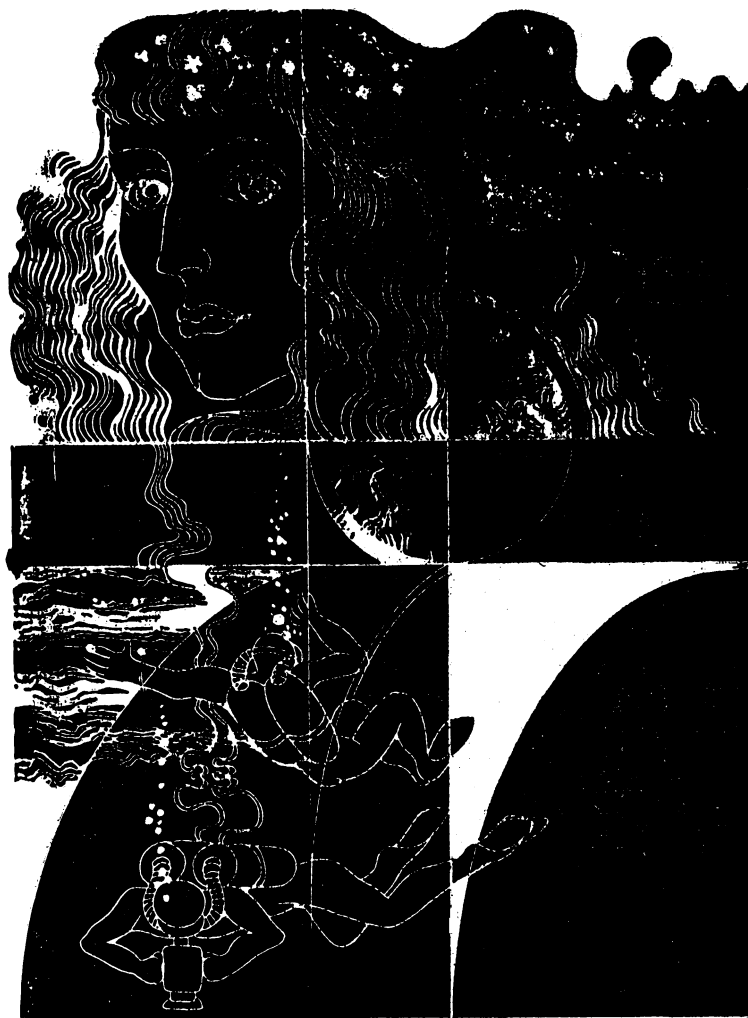
— Как вам сказать...

— Я это не просто из-за любопытства. В прошлом году мне тоже попался такой камень, а внутри был металл.

— Что вы говорите! А где он сейчас?

— Сохранила. Сейчас принесу.

Она вернулась с куском породы. Максим с нетерпением принялся ее рассматривать. Один край камня был

отбит, на нем отчетливо проступал металлический предмет.

— Спасибо! А вы помните, где нашли этот камень?

— Конечно. Я даже колышек там вбила на всякий случай.

— Даже колышком заметили! Слушайте, да вы... вы... — Максим сжал ее маленькие горячие пальцы. — Я готов расцеловать вас за такой подарок, честное слово!

Антон заканчивал прокладку маршрутов, когда в комнату вбежал Максим и выложил перед ним конкрецию:

— Вот!

— Что это?

Максим рассказал историю удивительной находки.

— Максим, ты в сорочке родился! А место?

— Я только что оттуда. Я думал, конкреция из надастийских глин. Но оказалось, она из самых верхов астийских песков.

— «Ин ситу»?

— Несомненно. Сохранилось даже углубление в песчанике. Я сделал все замеры. Двадцать сантиметров от кровли.

— Так-так... Значит, все-таки чуть выше твоих прежних находок. Любопытно! Что же в ней?..

Максим схватил молоток.

— Нет, стой! Сначала нас интересует конкреция как таковая. — Антон сфотографировал кусок породы в нескольких ракурсах, снял все размеры. — Теперь заглянем внутрь. — Он взял молоток и начал осторожно сбивать мергелевую корку. Максим первым понял, что это был за предмет:

— Топор... Рубило!

— Да, что-то похожее на рубило. Грубоватое, прав-

да. Но то, что над ним потрудились человеческая рука, — вне всякого сомнения.

— Но что же получается? — разочарованно протянул Максим. — В слоях более древних — алмазные геммы, детали из высококачественных сплавов, а тут — кусок металла!

— Да, работа, прямо скажем, не ювелирная, но... — Антон взял лупу и долго вглядывался в поверхность рубила. — Как ты думаешь, из чего сделан этот инструмент?

— Что тут думать, из железа, конечно. Взяли кусок метеорита и тяп-ляп!..

— Из железа? Ну, это покажет анализ. Я говорю о другом. Не кажется ли тебе странным, что на этом «куске метеорита», вот тут, видишь, остались следы нарезки и даже что-то похожее на клеймо? Взгляни...

Максим сквозь лупу придирчиво рассматривал то место, на какое показал Антон.

— Невероятно! Я же видел эти серповидные знаки...

— Где?

— Где? Не помню, Антон. Где-то видел. Может, позднее вспомню. Но ты-то что думаешь об этом?

— Думаю: это примитивное рубило выковано из более тонкого изделия, вроде тех, что находил ты. Кстати, дай-ка радиометр.

Максим включил прибор. Антон поднес к нему рубило.

— Видел?

— Да-а, радиоактивность очень большая! Но почему?

— Не знаю, брат, не знаю. И не хочу делать пока никаких выводов. Сегодня же отправим наш топор на анализ. А сами... Сами будем дробить эти конкреции и здесь и на Гремячем, пока не завалит их снегом.

— А как же Лысая грива?

— Грива от нас не уйдет. — Антон сгреб со стола подготовленные карты маршрутов и бросил в шкаф. —

Там еще никто ничего не находил. А здесь... Подумать только, какую уймищу конкреций мы побросали в прошлом году в отвалы. Теперь не пропустим ни одной!

Однако следующие недели не дали им ничего нового. Все опробованные конкреции были так же пусты, как и включающие их астийские пески. Зато присланные из института данные анализов превзошли все ожидания. Химическая лаборатория сообщила, что рубило изготовлено из сложного сплава, состоящего из никеля, титана и ниобия с заметной примесью нептуния. А лаборатория абсолютного возраста дала умопомрачительный результат — два с половиной миллиона лет назад был изготовлен этот топор.

— Два с половиной миллиона! — Максим растерялся от неожиданности. — Ничего не понимаю. Ни одно исследование астийских пород не давало им больше двух миллионов лет. Даже на самых нижних горизонтах. А тут... Ошибка!

— Я предвидел возможность ошибки. И послал дублетные пробы в Москву и Ленинград. Вот результаты. — Антон вынул из стола еще два телеграфных бланка.

Максим пробежал их глазами:

— То же самое! Как объяснить это?

— Не знаю, но тем не менее это факт. К тому же я отправил на анализ и мергелевую корку конкреции. Вот, полюбуйся!

— Миллион шестьсот пятьдесят тысяч лет? Ну знаешь! Тут уж абсолютно одно с другим не вяжется. Выходит, топор был сделан чуть не за миллион лет до того, как попасть в эти пески. Так, что ли?

— Топор не мог быть таким древним, нет сомнения. А вот тот металл, из которого он сделан, возможно, был изготовлен за миллион лет до него.

— Кем?

— Почему кем? А не где?

— Что значит где? Какой состав металла?

— Никель, титан, ниобий, нептуний... а нептуний —

то же трансуран! Девяносто третий элемент периодической системы, металл с атомным весом двести тридцать семь и естественной радиоактивностью с периодом полураспада около двух миллионов лет. На Земле до сих пор он встречается, если ты помнишь, только в урановой смоляной руде и монацитах, где образовывался в результате реакции с ядрами урана и давал концентрацию порядка одной-двух триллионных по отношению к концентрации урана.

— Но это значит...

— Это значит, что металл, из которого сделано рубило, не имеет никакого отношения к Земле. Недаром на нем следы нарезки, да еще надпись на непонятном языке. Может быть, это деталь космического корабля?

— Космического корабля?

— Да, Максим. Только так можно понять и удивительный состав рубила, и возраст металла, из которого оно сделано. Я уверен, такой возраст показала бы и твоя шестерня, и лопасть, и...

— Алмаз?

— Алмаз — не знаю. Алмаз мог быть и земным. Но то, что он также побывал в руках пришельцев, — несомненно. Помнишь, ты говорил: на одной из его граней...

— Были вырезаны человек и обезьяна!

— Обезьяна, да. А вот человек... Это был не человек, Максим. Это был один из обитателей корабля, позволь мне пофантазировать...

— Подожди, Антон, я вспомнил!

— Что вспомнил?

— Вспомнил, где видел знаки такие же, как на тополе. Это было там же, на гемме, как раз под рисунком.

— Серьезно? Это же здорово! Теперь все, кажется, становится на свое место. Как ты не догадался сам? Все здешние астийские находки, все до единой, связаны с одним — прилетом к нам гостей из космоса.

— И зубы, о которых писал Крайнов, тоже их?

— Пожалуй, их.

— Но как же идея астийского человека? Ты хочешь бросить ее?

— Бросить гипотезу о людях астийского времени?! После всего, что мы узнали? Как ты не поймешь? Теперь-то она и приобретает наконец реальное очертание. Я не хотел еще говорить всего, но теперь послушай... Кстати, тебе не приходилось читать Фрезера?

— Какого Фрезера?

— Англичанина Джеймса Фрезера, известного специалиста по истории религии, автора «Золотой ветви». В этой книге множество любопытных фактов. Анализируя их, можно сделать любопытнейшее заключение: в религиях почти всех народов боги всегда приходят с неба. Почему с неба? Почему не с гор, не из пещер, не из дальних заморских стран, а именно с неба?

Но это не все. Боги не только приходят с неба. Они и людей создали где-то там, на небе. И только позднее временно — заметь, временно! — поселили их на Землю, чтобы впоследствии забрать, если не всех, то, по крайней мере, наиболее достойных обратно к себе на небо.

А как оно рисуется, это небо, рай, обитель святых? Как что-то воздушное, неосязаемое? Ничуть не бывало! Это нечто вполне земное, с богатой растительностью, животным миром, прозрачными струями воды, музыкой. Вспомни все эти «райские кущи», «райских птичек», «райские яблоки».

А сами боги? Чаще всего это носители высшего разума, высших знаний, высшей справедливости и порядка. Они были на Земле и снова вернутся на Землю. И верующие люди их ждут. Ждут возвращения их на Землю, ждут суда их над преступниками, ждут награды от них за добрые дела. И опять-таки высшая награда мыслится как возврат туда, на небо, в тот прекрасный мир, где был создан человек, где осталась его родина — родина всех людей. Всего человечества! Мы

говорим об истоках религий. О тех временах, когда еще складывались представления о богах. Откуда, кроме того, возникло наше стремление выйти в космос?

На мой взгляд, объяснение этому может быть одно. Представления эти отражают вполне реальные события, запечатлевшиеся в памяти человечества. Разумные существа, прибывшие к нам из космоса, в силу каких-то обстоятельств не смогли покинуть Землю. Они остались здесь. Но, лишившись корабля, а значит, всякой связи со своей Системой, лишившись источников энергии, синтезирующих устройств, механизмов, ЭВМ и прочего, словом, оставшись один на один с враждебными силами планеты, они должны были одичать. Не они, так их дети. Не дети, так внуки, правнуки. Это не значит, конечно, что они стали обезьянами. Нет! Их разум не угас. Но сузился до предела. Замкнулся в элементарных понятиях, необходимых для чисто биологического существования: выследить добычу, утолить голод, защититься от холода, побороть врага. А это повлекло за собой изменение и внешнего облика человека. Трансформировался его череп, кости лица. Иной стала осанка, увеличился волосяной покров...

— В общем, тот же питекантроп, только с другой родословной? — заметил Максим.

— Ну если и не питекантроп, то, во всяком случае, не современный человек. Кстати, Энгельс в «Диалектике природы» прямо пишет о дикарях, «у которых приходится предполагать возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением».

— Энгельс, положим, только упоминает о дикарях, чтобы подчеркнуть, что даже они «стоят гораздо выше переходных существ», — возразил Максим.

— Здесь важно одно — Энгельс допускает возврат человека к «более звероподобному состоянию». И я предполагаю, что нечто подобное как раз и произошло здесь, в окрестностях Вормалея. Да-да! Может быть, именно прапраправнук пришельцев и выковал из де-

тали какого-то их прибора более подходящее орудие — рубило.

Потом наступили холода. Все живое потянулось к югу. Двинулись на юг и потомки пришельцев. Это был трудный и длительный переход. Лишь немногие из них дошли до гор и, перевалив через них, вышли в долины Джамбудвипы. Это и были те люди, о которых повествуется в санскритских рукописях. Их было немного. Но у них был разум. Пусть в значительной мере угасший, но все-таки разум! И это дало им возможность не только выжить, но постепенно начать новое восхождение по ступеням прогресса.

А теперь — самое главное. Очевидно, их мозг не только сохранил элементарную способность мыслить. Но где-то в сокровенных уголках их памяти остались картины давно пережитого, того, что было им всего дороже, что крепче всего врезалось и закрепилось в коре или подкорке головного мозга. Но могло ли быть это чем-то иным, как не тоской по родине, далекой, затерянной в глубинах космоса, но бесконечно прекрасной, достигшей подлинного совершенства во всех областях человеческой деятельности и человеческих отношений? И не эти ли воспоминания составили основу первичных религиозных представлений? Вот какую гипотезу можно выстроить, базируясь на наших находках. Согласен?

Максим покачал головой:

— Нет, не согласен. Получается, что мы с тобой... Что все человечество не имеет никакого отношения к Земле.

— А почему бы не так?

— Потому что мы, люди, — часть биосферы Земли. Потому что мы связаны с ней во всем, даже на внутриклеточном, внутригенном уровне. А куда ты денешь обезьян, этих прямых родственников человека?

— А зачем их куда-то девать? Обезьяны как были обезьянами, так ими и остались. Земные обезьяны. А обезьяноподобные существа, действительно являю-

щиеся нашими родственниками, возможно, до сих пор прыгают по деревьям где-то на одной из планет галактики.

— Вот как! Значит, там где-то развитие человека все-таки прошло через стадию человекообразных обезьян?

— Безусловно! Нет сомнения, что теория Дарвина справедлива для всех биосфер, сходных с биосферой Земли.

— Так почему, скажи пожалуйста, эти обезьяны дали человека, а наши так и остались обезьянами?

— Время! Времени не хватило нашим обезьянам. А прибытие разумных существ сделало вообще невозможным дальнейшее развитие этого процесса. Словом, я давно уже предполагал, что человеческий разум принесен на Землю, а теперь, после наших с тобой находок, окончательно убедился в этом. Истоки мышления надо искать за пределами солнечной системы. Или не так?

— Не знаю... Ты поднял такой серьезный вопрос, что надо хорошо подумать, прежде чем прийти к какому-то решению. Пока же все без исключения факты, какие накапливаются все больше и больше, говорят о том, что мы ближайшие родственники наших обезьян. В последнее время даже молекулярная биология подтверждает это.

Антон нахмурился:

— Ладно, поговорим еще об этом. А сейчас — работать и работать. Ясно, что одного этого рубила мало. Надо искать еще. Я имею в виду источники твоих галлюцинаций...

— То есть?

— Да я, видишь ли, предполагаю, что все твои видения, все эти встречи с русалкой и прочие таинственные вещи были лишь следствием особых излучений тоже каких-то внеземных объектов, каких-то источников информации пришельцев, и если найти их...

— Как?! Ты хочешь сказать, что Нефертити... — У Максима перехватило дыхание. — Нет! Нет, Антон! Это не так! Она — живой человек, я знаю. И я найду ее во что бы то ни стало.

— Найди, и время покажет, кто из нас прав.

4

Это зрелище было самым ярким, самым захватывающим из всех, какие когда-либо видел Максим. Ослепительно белый болид, с грохотом прорезая плотные слои атмосферы, оставляя за собой огненно-дымный след, вырвался из-за темного горизонта и, описав гигантскую дугу, на миг будто повис над головой. На какие-то доли секунды все вокруг замерло, как бывает иногда в кино, когда останавливают проектор. Затем нестерпимо режущий свет ударил в глаза, пронзительный свист заложил уши, и волна горячего воздуха прижала его к перронной решетке.

Когда свист и гул затихли, Максим огляделся, но ничего не увидел, вокруг была непроницаемая тьма. Тяжелый запах гари повис в душном воздухе.

— Антон! — крикнул он в темноту.

— Здесь я, — откликнулся откуда-то рядом Антон, — фонарь не найду.

В следующую же минуту вспыхнуло аварийное освещение. К удивлению как Максима, так и всех находившихся на станции, ни здание вокзала, ни сам состав, только что поданный к перрону, почти не пострадали. Лишь кое-где зияли окна без стекол. Зато на месте багажного сарая, куда они полчаса назад сдали бронированный сейф с бесценным рубилом, разверзлась огромная воронка. Края ее дымились. На дне кратера не было ни кирпичика. Сарай со всем его содержимым, казалось, испарился или глубоко ушел в землю.

Надо ли было проявлять пленку, на которой были сняты конкреция и рубило?.. Максим заранее пригото-

вился к новой неожиданности. И действительно, вся пленка оказалась засвеченной.

На Антона тогда нельзя было смотреть. Он клял и себя, и Максима, и всю «вормалеевскую чертовщину», но все-таки взял себя в руки:

— Не отступлюсь! Не-ет! Не на такого напали. Вы не знаете Антона Платова!

Однако, когда новой весной они снова приехали в Отрадное и начали уточнять план предстоящих работ, Антон вдруг заявил:

— Ну если и в этом году мы вернемся с пустыми руками, придется проститься с Вормалеем.

— Как проститься?! Совсем? После всего, что мы здесь нашли?

— После всего, что мы здесь потеряли. Но не в этом дело. В институте я не хотел тебя расстраивать, а теперь скажу. Незадолго перед отъездом вызвал меня наш директор, профессор Победилов, и прямо заявил, что пора нам отчитаться, представить результаты наших экспедиций. И если мы не дадим этой осенью полноценный материал, то сам понимаешь...

— Да-а, ситуация! Почти все всяких неведомых сил. Но до осени-то мы сможем работать спокойно, я так понимаю?

— До осени — возможно, а дальше — едва ли.

— Тогда надо сделать хотя бы самое главное.

— Что ты имеешь в виду?

— Озеро на Лысой гриве. На него вся надежда. И еще — по пути к гриве есть любопытное местечко, куда вот уже много лет молнии бьют практически в одну точку...

— Молнии бьют в одну точку?! Что же ты молчал до сих пор?

— Геологи решили, что скорее всего это залежь магнетита.

— Залежь магнетита! Где-нибудь в другом месте это

могло быть и рудной залежью. Но здесь... В общем так, продумай все детали — и к Лысой гриве!

Через два дня с восходом солнца друзья отправились в тайгу. Благополучно миновали Гнилую падь, без всяких происшествий переночевали под сопкой Дальней. Наутро легко отыскивали лесную тропу и к вечеру должны были выйти к рытвине. Максим с минуты на минуту рассчитывал уже увидеть знакомый мостик, как вдруг лес как-то сразу расступился, и оба остановились, пораженные видом открывшегося зрелища.

Весь склон сопки был совсем голым, он вспух бугристыми наплывами свежей земли. Оползень. Гигантский оползень. Верхняя часть склона примерно на одну треть от вершины была срезана, как ножом, и вся эта многомиллионная масса грунта обрушилась вниз, завалив и часть сопки, и вековую тайгу.

Друзья осторожно взобрались вверх по осыпающемуся под ногами откосу, огляделись. Унылая картина голой буровато-серой земли, из которой лишь кое-где торчали искореженные стволы и корни деревьев, тянулась на многие сотни метров вперед и вниз, сливаясь там с черной болотистой низиной. Никаких следов тропинки дальше не было видно — оползень произошел совсем недавно, может быть, даже несколько дней назад.

Друзья молча переглянулись. Максим сбросил с плеча рюкзак и опустился прямо на землю.

— Кто мог предположить...

Антон, нервно ломая спички, закурил:

— Да, чистая работа, ничего не скажешь. Мат в два хода!

— Главное — озеро, Антон. Есть еще надежда...

— Что озеро! Думаешь, там сохранилось что-нибудь? Не-ет, пожалуй, мы уже бессильны. И как ни горько признавать поражение, а придется. — Он бросил недокуренную сигарету, сел на землю. — Но кто мешает нам, кто? Ты посмотри на это. Какой толчок

должен быть, чтобы сдвинуть такую уйму грунта. Нет, мы с тобой два кустаря-одиночки. И к тому же, кажется, выпустили из бутылки такого джинна... — Антон вздохнул, потом взглянул на часы. — Однако время связи с Отрадным.

Максим вынул рацию, надел наушники. База ответила сразу.

— Вас слышим. Как успехи? — послышался бодрый голос практиканта Геры.

— Все хорошо, — устало ответил Максим. — Как вы там?

— Порядочек, Максим Владимирович! Только вот телеграмма из института.

— Читай.

— Значит, так... «Отрадное. Главпочта. Платову, Колесникову...»

— Ну что ты замолчал?

— Да тут, понимаете, такое... — Гера явно медлил, нехотя прочитал: — Вот... «Профессору Платову немедленно прибыть в институт. Доценту Колесникову свернуть экспедицию, распустить штат, отправить малой скоростью снаряжение и оборудование, следовать в институт. Срок — неделя. Подпись — Победилов».

— Что-что?! Повтори! — Максим сдернул наушники и нацепил их на голову Антона. Тот выслушал телеграмму с каменным лицом:

— Та-а-ак... Приехали! Гера, ты вот что... Телеграфируй в институт, что мы в маршруте, на базе будем дня через три. Ну и... пока все. Завтра связь, как обычно. Привет всем! — Он неторопливо снял наушники, помял папиросу, чиркнул спичкой.

Максим вскипел:

— Что это значит, Антон?

— Не знаю. Во всяком случае, ничего хорошего.

— Но ты позвонишь им?

— Конечно, позвоню. Однако боюсь — это не изменит дела. Телеграмма похожа на приказ.

Через два дня состоялся телефонный разговор с институтом. Трубку взял профессор Победилов:

— А-а, Антон Дмитриевич! Привет! Очень рад, очень рад! Вы что же, всё там, в тайге? А у меня для вас новость. Да-с! Бросайте все и езжайте домой. Немедленно! Предстоит командировочка э-э... совсем другого рода. В Канаду.

— В Канаду?!

— Да, в Канаду — в Монреаль, по приказу самого министра. В порядке, так сказать, научного обмена. Года на два, не меньше. Что же вы молчите?

— Думаю. Но зачем такая спешка? Могу я провести отпуск здесь?

— Что вы, что вы, Антон Дмитриевич! Командировка с первого июля. А всякие там оформления и прочее, разве вы не знаете? Ехать придется с семьей.

— Понимаю, но как же лаборатория?

— Лабораторию передадим Колесникову. Не возражаете?

— Конечно, нет.

— Вот и отлично. Так что ждем! — Победилов повесил трубку.

— Все слышал? — обратился Антон к сидящему рядом Максиму. Тот молча кивнул.

— Надо ехать, Максим, — вздохнул Платов. — И мне и тебе. Не будем прощаться с Вормалеем навсегда, но...

— Все ясно, Антон.

— Хочешь сходить на озеро?

— Надо, сам понимаешь.

Антон скомкал папиросу:

— Ну что же, две недели дам. Но не больше. Дела не позволяют.

— Спасибо и на этом. Когда едешь?

— Сегодня, чего тянуть. Дел там действительно невпроворот. А здесь... Днем больше, днем меньше...

— Да, конечно, — согласился Максим.

Они вышли с почты, пересекли тихую деревенскую улицу. Долго шли молча, приближалось расставание. Антон пожелал Максиму только одно:

— Иди не в одиночку на Лысую гриву.

— Нет, в одиночку, Антон. Сам понимаешь, иначе нет смысла.

— Ну смотри. Я не могу запретить тебе этого, как не могу отнять твоей мечты. Хочу только предостеречь. Пожалуй, будь я на твоём месте, поступил бы... точно так же.

— Спасибо, Антон...

— Чего уж... Ну! — Он крепко стукнул Максима по плечу, тот прижал свою щеку к небритой щеке Антона.

5

Это было как чудо, о котором не мог и мечтать Максим. Он приехал в Ленинград на очередной научный семинар, как зачарованный ходил по улицам и площадям этого удивительного города, овеваемого весенним ветром, и вдруг увидел ее.

Лара шла по аллее со стороны Исаакия, шла задумавшись, глядя под ноги, и, конечно, не видела его. А он как остановился у памятника Петру, так и застыл от неожиданности, не в силах ни окликнуть ее, ни пойти за ней следом. Только тогда, когда она обогнула монумент и, свернув к Дворцовому мосту, смешалась с толпой, он словно очнулся и бросился следом, стараясь не потерять ее из виду.

Лара была уже далеко. Она шла все так же, опустив голову, не обращая ни на что внимания.

— Лара!

Она обернулась.

— Лара...

Глаза ее широко раскрылись, губы дрогнули, руки, словно в испуге, поднялись к груди. Несколько мгнове-

ний она смотрела на него, будто вспоминая что-то давно забытое, потом слабо вскрикнула. Он взял ее холодные тонкие пальцы и молча прижался к ним губами.

— Ларуся, милая... — прошептал он.

Она грустно улыбнулась:

— Я знала, что ты найдешь меня. Только очень уж долго пришлось ждать...

Этот день пролетел как одно мгновение. Теперь, когда опустилась ночь и приходилось расставаться, Максим вдруг понял, что и чудо кончается, и самая прекрасная сказка не продолжается бесконечно.

Она коснулась ладонью его щеки:

— Надо прощаться! Максим!

— Уже?

— Да. Где ты остановился?

— В Петергофе, в университетском общежитии. Это на электричке с Балтийского вокзала...

Она рассмеялась:

— Знаю, прекрасно знаю. Давно было пора отправить тебя домой. Когда ты доберешься теперь до этого общежития...

— Ерунда! Подумаешь, Петергоф!

— Никаких Петергофов. — Она решительно взяла его под руку. — Сегодня ты мой гость, пойдем ко мне. Это здесь, рядом.

— Идти к тебе?! Но как же...

Она нахмурилась, легко вздохнула:

— Я живу одна, Максим. Вернее, с дочкой. Но сейчас она с папой на даче. Замужество мое было неудачным. И мужа моего больше нет. Для меня нет. И как человека тоже. И хватит об этом! На той квартире, где я живу сейчас, он не был ни разу. Это папина квартира. Вот и все... Идем! О себе не говори ничего, я знаю. В прошлом году проездом в Монреаль у меня были Антон и Света.

— Как?! И он ничего не написал мне!

— Не сердись на него, Максим. Я взяла с них слово никому не говорить, не писать обо мне. Мне хотелось, чтобы ты... сам нашел меня.

— Ларуська... — Он осторожно прижался губами к ее дрогнувшим ресницам.

Площадь опустела. Туманные крылья белой ночи распростерлись над спящим городом. Густой аромат сирени плыл со стороны Марсова поля, провожая их по тихой Инженерной улице, мимо мрачного Михайловского замка и дальше, к Фонтанке, над которой еще плыли белые, чуть подрумяненные облака...

Лара провела его в кабинет отца.

— Здесь тебе будет удобно, Максим.

Он привлек ее к себе и поцеловал — в первый раз за этот день и за то время, пока знал ее. Она мягко высвободилась из его рук:

— Спокойной ночи.

— Нет, Лара, нет! Я не отпущу тебя.

— Милый Максим... Спокойной ночи! — Она, легонько оттолкнув его, захлопнула за собой дверь.

Утром они расстались у подъезда ее института, условившись встретиться сразу же после работы. Но через два часа ему позвонили из общежития и попросили срочно приехать в Петергоф. Максим узнал голос дежурного вахтера.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, удивленный такой просьбой.

— Тут телеграмма пришла. Не совсем ладно у вас дома...

Максим схватил портфель и бросился к остановке автобуса.

Вахтер встретил его в дверях. В телеграмме было всего несколько слов: Марина ушла от него. Это было так неожиданно, хотя внутренне подготовлено, что Максим испытал потрясение. Что будет с их сыном?.. За-

чем вообще надо было телеграфировать об этом, а не подождать его возвращения?

Остаться в Ленинграде он больше не мог. Надо ехать домой...

Из аэропорта он позвонил Ларе, сослался на служебные дела. Разговор получился коротким и невеселым.

6

Часы в лаборатории пробили полдень. Сотрудники выключили приборы, погасили нагреватели, остановили моторы и шумной толпой повалили на обед. Максим подождал, когда за ними закроется дверь, поставил на плитку чайник, достал из шкафа сверток с бутербродами.

С тех пор как ушла Марина, ушла, когда его не было дома, забрав сына, не оставив даже письма или записки, ушла зло, разбросав его вещи и рукописи, забрав с собой все, вплоть до постельного белья, Максим почти совсем переселился в лабораторию. Здесь он дневал и ночевал. Здесь проводил за работой длинные осенние вечера, благо дел было много. А только они и помогали ему пережить потерю семьи и сына.

Вот и теперь. Он налил чаю и принялся машинально жевать, не спуская глаз с экрана осциллографа. Дверь тихо скрипнула. В комнату вошла секретарь, положила на стол пачку писем:

— Вы бы спустились ко мне, Максим Владимирович. Я только что кофе сварила...

— Спасибо... — Максим быстро перебрал почту, отложил письма, адресованные ему лично. Все они пришли из Ленинграда, одно было из Монреаля, от Антона, написанное еще в Петергоф и пересланное оттуда «за неостребованием», два других оказались его собственными письмами к Ларе, со штемпелем «Адресат выбыл».

Адресат выбыл... Почему она не захотела читать его письма? Что с ней происходит? Отложив в сторону эти смятые, потертые на сгибах конверты, стал читать письмо Антона.

«Дорогой друг...» Сначала шли подробности новой жизни Антона, потом кое-что поинтересней: «Здесь, в Канаде, я начал с того, с чего следовало бы начать еще в студенческие годы — с детального изучения сравнительной анатомии и физиологии человека и обезьяны. Не по книгам, не по атласам, а в натуре. И это сравнение, доведенное до внутриклеточного, до субмолекулярного уровня, убедило меня еще раз, что мы, конечно же, ветви одного материнского древа. Что стоит один факт, что и у обезьян и у человека, как и у всех без исключения организмов Земли, для поляризации мононуклеотидов, приводящих к созданию молекул ДНК, используются исключительно связи между 3' и 5' — концами (хотя вполне равновероятны и другие комбинации)!

Затем я тщательно проанализировал материалы, относящиеся к последним находкам Ричарда Лики в Восточной Африке, перечитал все работы наших советских антропологов и понял, что мои попытки искать предков человека за пределами Земли — вздор.

Написал, по-моему, недурную статью, скоро напечатают. Но ты мой главный судья, поэтому я хотел бы знать твое мнение еще об одном моем соображении. Мысль, которая не покидает меня сейчас. Кто не знает, что смерть — обычное и необходимое биологическое явление. Почему же человеческий разум никогда, ни при каких обстоятельствах не может принять ее без страха? Почему человек не может примириться с уходом из жизни? Почему разум реагирует на смерть так, будто он сформировался в организмах практически бессмертных или, по крайней мере, исключительно долгоживущих? На этот вопрос не отвечает никакая теория происхождения человека... Подумай об этом на досуге.

И еще — должен покаяться перед тобой. Я знал адрес Лары. Но она взяла с меня слово не давать его тебе. Наверное, зря я сдержал свое слово. Она живет...»

Антон сообщал ему адрес, тот самый, который уже был известен Максиму, на котором стоял безжалостный штемпель «Адресат выбыл».

Адресат выбыл! Но куда? Зачем? Надолго? А если навсегда? Что толку гадать об этом... Максим вдруг почувствовал себя таким одиноким, никому не нужным, вышвырнутым из этой жизни.

Резкий порыв ветра ворвался в окно и бросил на стол сухой сморщенный листок. Журавлиный клекот слышался высоко в небе. Мелкие капли дождя упали на подоконник. Неприятно задребезжал телефон, и хриплый раздраженный голос потребовал:

— Лаборатория бионики! Когда будут процентовки? Процентовки, я говорю! Или вам денег не надо?

Максим бросил трубку и обхватил голову руками...

А когда поздним вечером он подходил к дому, из темноты навстречу вышел высокий молодой человек:

— Здравствуйте, Максим Владимирович. Не помните меня? Я Николай Силкин, сын дяди Степана из Вормалея.

— Коля?.. Здравствуй, заходи!

— Извините, заходить некогда, меня ждут. Я должен только письмо вам передать, отец прислал, говорил, что хочет сообщить важные новости.

— Спасибо, Коля. — Максим поднялся к себе и, не снимая пальто и шляпу, вскрыл толстый самодельный конверт.

Письмо было длинным. Дядя Степан подробно рассказывал о своих охотничьих делах, о всех vormалеевских знакомых, а в конце писал: «...И еще я хотел сказать тебе — самое главное. Пришлось мне промышлять на Лысой гриве: зверя-то мало осталось в наших лесах. Ну пришел я туда, спустился к озеру, разложил

костер, сижу эдак, чай кипячу, вдруг слышу — плачет кто-то в лесу. Что за наваждение! Привстал я, смотрю — мать честная! — стоит неподалеку от меня девица, славная такая, пригожая и лицом и статью, только как есть в одном платышке. Это в тайге-то! Стоит, стало быть, прислонилась к пихточке, а из глаз — слезы. Ну я, понятно, к ней. «Что, — говорю, — ты, девонька, плачешь? Заблудилась, что ли?» Она сначала испугалась меня, шарахнулась, потом видит — с добром я, сама подошла ближе и говорит: «Дедушка, ты ведь знаешь Максима Колесникова?» — «Как, — говорю, — не знать, соседями были». — «А как написать ему, знаешь?» — спрашивает. «Нет, — говорю, — адреса его у меня нет, но вот поедет скоро туда в город мой сын, так он доставит ему письмо». Обрадовалась, плакать перестала, погладила меня, старого хрыча, по бороде и душевно так сказала: «Дедушка, напиши ему, что видел меня тут, говорил со мной и что тягостно мне, тоскливо, а помочь некому». — «Да кто ты, — говорю, — такая? От кого поклон-то Максиму посылать?» — «А он, — говорит, — знает, от кого, напиши только все, как было, и прощай, дедушка!» Тут она глянула так, словно всю душу высветлила, и хочешь верь — хочешь нет, а только помутилось у меня вдруг в глазах, и такой сон напал, что свалился я на землю и уснул, как в омут провалился.

Просыпаюсь утром — никого. Думал, приснилось все. Да гляжу, трава под пихтой притоптана, и от пихты к озеру — следы. Ее, стало быть, следы. Только вот какая закавыка: идут следы из воды и уходят опять в воду, вроде как бы из воды она вышла и опять в воду схоронилась. Вот ведь какая история! Может, и на смех ты подымешь старика. А только так она просила отписать тебе, что пишу во всех подробностях и завтра же отправляю письмо с Николаем...»

Читал и перечитывал Максим письмо старого охотника. Можно было не сомневаться: Степан встретил

астийскую Нефертити, и ей нужна помощь Максима. А раз так...

Максим тут же набросал заявление об отпуске, запечатал в конверт, чтобы опустить по пути в почтовый ящик, взял документы, деньги, запихнул в портфель самое нужное и, сбежав по лестнице, пошел ловить такси, чтобы ехать в аэропорт.

7

Ночь наступила слишком быстро. Следовало бы заночевать еще до подъема на оползень. Но Максима гнала вперед тревога. И без того он потерял на Гнилой пади полдня. Дорога оказалась тяжелой. Осенние дожди превратили голый суглинок в сплошное месиво, и теперь Максим с трудом вытаскивал ноги из тугой, как резина, грязи.

Между тем стало совсем темно. Узкий серп луны скрылся в тучах. С неба посыпал дождь. Максим почувствовал, что окончательно выбился из сил. Смертельная усталость сковала ноги, свела спину, свинцовой тяжестью навалилась на плечи.

Он остановился. Но надо идти. Надо! Он попытался снова двинуться вперед, однако уже через минуту поскользнулся и повалился в вязкое месиво. Встал, сделал еще несколько шагов, упал опять, с трудом поднялся и вдруг понял, что не знает, в какую сторону идти. Тьма стала непроницаемой. Дождь усилился. Ледяной ветер пронизывал насквозь.

Он с отчаянием огляделся по сторонам. Где же вершина сопки? Где падь? Где Лысая грива? А не все ли равно! Больше не сделать ни шагу. Голову сдавила тупая боль. Сильный озноб завладел телом, к горлу подкатила тошнота. Хотелось одного — лечь и никогда не вставать. Лечь сейчас же!

Но тут что-то больно кольнуло в висок, раздался тихий звон. Максим вздрогнул. Что это? Звенит в ушах?

Но звон повторился. Ясно. Отчетливо. И он вспомнил — он уже слышал этот низкий звук. Кажется, тоже ночью. И в таком же критическом положении. Но где, когда? Боль в голове смешивала все мысли. Слабость во всем теле. Максим нащупал ногой место потверже и сел, сжав голову руками. Не мог ничего вспомнить...

Порыв ветра ударил в лицо, освежил, и сразу приподнялась завеса памяти. Ветер принес с собой запах астийского эдельвейса, и Максим сразу же узнал, когда и где он слышал эти спасительные звуки: за несколько минут до появления вертолета, перед взрывом на тропе, под старой лиственницей, перед появлением загадочного света в окне лесной сторожки...

Конечно, это она всегда спасала его, а теперь ей самой нужна помощь. Максим вскочил на ноги. С ней что-то случилось, ей трудно, может быть, труднее, чем ему. И, собрав последние силы, он снова двинулся вперед.

Запах астийского эдельвейса становился все сильнее и сильнее, а звуки, реявшие во тьме, будто плакали, молили о помощи. Скорее, скорее! Она ждет его. Максим уже не сомневался, что вот-вот увидит ее, слабую, беззащитную, как в день их первой встречи, и знал, чувствовал, что не пожалеет жизни для ее спасения.

Но с каким трудом давался ему каждый шаг! Ноги подкашивались. Он то и дело терял равновесие и падал. Но снова вставал, вытаскивая ноги из липкой глины, шел вперед и вперед...

Вдруг острая боль пронзила левый бок, потом плечо. Он рухнул в холодную грязь. Все! Кажется, больше не встать...

Внезапно ветер стих, дождь прекратился. Максим заставил себя открыть глаза. И сразу зажмурился от яркого голубого луча, ударившего в лицо. Все вокруг вспыхнуло ослепительным пламенем. Что это?.. И снова свет погас, снова потемки вокруг.

Он подставил лицо навстречу ветру, чтобы вдохнуть

живительный аромат эдельвейса, и увидел нечто заставившее его вздрогнуть. Огромный голубой тор, словно сгусток светящегося тумана, медленно опускался из ночной бездны. Вот он почти коснулся земли и так же медленно двинулся на него. Ближе, ближе... Совсем рядом остановилось странное сооружение, разрисованное мозаикой кругов, ромбов и треугольников.

Максим невольно прижался к земле. Объятая голубым пламенем стена подступила почти вплотную к нему, нависла над головой. Холодные космы огня клубились рядом, почти касаясь его лица. Еще миг, и эта стена обрушится на него, раздавит его, как муравья.

Нет! Пусть не думают они, кто бы ни был там внутри, что он встанет перед ними на колени. Нет! Пусть рухнули последние его надежды в жизни, но он не чувствует себя побежденным! Пусть он никому не нужен, зато осталась его Мечта. Его Любовь. И никакие силы не помешают отдать за нее жизнь. Собрав все силы, Максим поднялся во весь рост и, сжав кулаки, шагнул навстречу пылающей стене...

«АО ТЭО ЛАРРА» (ЛЕТАЩИЙ ЗА ЗНАНИЯМИ)

1

Мягкий аккорд, повторяясь, звал все громче, все настойчивее. Сознание медленно возвращалось. Максим через силу открыл глаза. Сначала он не увидел ничего, кроме зеленоватого тумана, и слышал лишь глухой шум, похожий на шум прибоя. Потом туман рассеялся, и он увидел, что лежит в большой комнате с прозрачными изломанными стенами, прозрачным был и потолок. Не было видно ни дверей, ни окон, никаких отверстий или вентиляционных решеток. Но воздух каким-то образом свободно проникал в комнату: дышалось легко, как в весеннем утреннем лесу.

Где он? Как попал сюда? Максим попытался вспомнить, что произошло перед этим. Но память подчинялась ему с трудом... Ночь, дождь, холод, тяжелая дорога, невероятная усталость. А потом... потом... Что же было потом?

И вдруг вспомнил все: тихие протяжные звуки в ночной тьме, запах астийского эдельвейса, голубой тор, словно сгусток светящегося тумана, опускающийся медленно и беззвучно. Он снова представил ту страшную минуту, когда пылающая громада надвинулась на него, дохнула пламенем ему в лицо. Вспомнил, что заставил себя подняться, чтобы встретить свою смерть, если это была она, мужественно, с достоинством... Потом пламень угас, стало совсем темно, но, когда глаза привыкли к темноте, сквозь сетку дождя Максим разглядел тускло поблескивающую стену, исчерченную мозаикой кругов, ромбов, треугольников. Тайнственный тор оставался неподвижным, но один из кругов, ближе всего

расположенный к Максиму, вдруг засветился, а затем превратился в круглый люк высотой с человеческий рост.

Тихий знакомый голос произнес:

— Войдите, Максим!

Он чувствовал, что не может сделать и шага — силы окончательно оставили его. Но тот же голос нетерпеливо потребовал:

— Входите!

Он смог лишь подняться на нижний обрез освещенного туннеля и сразу же опустился на днище. Мерцающий полумрак опутал его. Крышка люка беззвучно закрылась, и Максим провалился в черное безмолвное небытие...

И вот теперь — пробуждение в этом странном помещении. Максим приподнялся и огляделся, потом встал со своего ложа.

Комната имела форму высокой шестигранной призмы и меньше всего была похожа на жилое помещение. Все шесть ее стен напоминали сплошные пластины полированного нефрита. Таким же был, по-видимому, и потолок. Пол покрывал густой белый пластик, похожий на литую резину. Этот интерьер мог показаться элегантным, если бы в голове все-таки не вспыхнула мысль о сверхсовершенном застенке. В то же время слишком странный каземат! Станным был воздух, будто напоенный ароматом цветов, странным был свет, пронизывающий потолок и стены, странным было это ложе — ни простыни, ни подушки, ни одеяла — сплошной брус того же белого пластика.

Максим подошел к стене, из-за которой особенно ясно доносился ритмичный гул, и, приложив ухо, постарался уловить какие-нибудь другие звуки. Однако не успел он коснуться стены, как раздался тихий щелчок, и стена... исчезла. Яркий солнечный свет ослепил Максима, и он зажмурился, а когда открыл глаза, то чуть не вскрикнул от изумления.

Морская гладь простиралась далеко во все стороны. А в нескольких шагах от Максима, у самого подножия каменной лестницы, полого сбегавшей вниз, кипел прибой. Бирюзовые волны ритмично накатывали на берег. Чайки реяли над ними, а крепкий влажный востер дул в лицо, неся с собой свежесть и запах моря.

Максим с жадностью осматривался. Он быстро убедился, что попал на остров — на небольшой остров, километра три длиной. Он довольно высоко поднимался над морем, а его крутые склоны, имевшие террасы, сплошь были покрыты лесами, такими пышными, что, казалось, остров покрыт кипящей зеленой пеной, над которой высились, как свечи, узкие белые здания, искрились на солнце серебристые купола, сверкали белые ажурные беседки и массивные пролеты лестниц.

Здание, которое только что покинул Максим, тоже узкое и высокое, располагалось в нижней части склона, метрах в десяти над морем. Оно было сложено из камня, белого с голубоватыми искорками, из того же камня, что и площадка перед ним и лестница, идущая вниз к воде. Максим обратил внимание на небольшую сигароподобную гондолу, лежащую на двух металлических полозках, круто взбегавших к вершине острова. Он увидел, что легкие паутинки таких полозков тянутся и от других зданий и беседок, сплетаясь в причудливую сеть, опоясывающую весь остров.

Ничего подобного Максиму не доводилось видеть. Неужели это новое средство передвижения? По-видимому, так — в гондоле вполне могли уместиться два-три человека. Только как выдерживают их столь тонкие полозки? И зачем понадобилась такая уйма путей на небольшом острове?

Он вышел на площадку, опоясанную невысокой балюстрадой. Куда же он все-таки попал? Далеко на юг, если судить по растительности... да и по всему вообще — и солнцу и морю... Только почему оно такое

голубовато-зеленое, здешнее солнце, да и небо, и листья тоже с голубоватым отливом. Не сон ли это?

Да и деревья вокруг какие-то непонятные. Вот только этот куст он, пожалуй, узнает. Сирень! А все остальное... Максиму вдруг стало не по себе. И почему пусто вокруг? Что за мертвое царство?

Максим решил идти наверх, но не успел он ступить на дорожку, огибающую виллу, как слабый шорох раздался у него за спиной и тонкий аромат эдельвейса заглушил запах моря. Привычное чувство надежды и отчаяния током пронзило Максима: «Нефертити?..» Он обернулся. И увидел ее — таинственную незнакомку. В памяти всплыло то далекое утро — над тихим таежным озером. Максим сделал шаг навстречу и решительно проговорил:

— Я знаю, сейчас вы исчезнете... как всегда, а я проснусь и... И все-таки, прошу вас, скажите, кто вы, откуда вы пришли? И что все это значит?

Девушка ответила:

— Меня зовут Миона. Здесь я живу. Вы у меня в гостях. Вы можете мне не поверить, но это так...

— Где этот остров, в каком море? — нетерпеливо начал допрашивать Максим.

— Сейчас вам кое-что будет понятно. Идите вот сюда. — Она подошла к гондоле, откинула прозрачный колпак. — Садитесь.

— А вы? — Максим поспешно сел в аппарат.

— И я с вами. — Девушка села рядом с ним, задвинула фонарь, потом нажала несколько клавиш на приборной доске, ногой коснулась педали. Гондола устремилась вверх. В несколько мгновений лес, море, белые свечи домов остались далеко внизу. На миг мелькнули вершина острова и большое озеро. И вот они уже скользнули вниз, к самой земле, миновали раскрытые ворота низкого куполообразного здания, промчались узким полуосвещенным туннелем и оказались в просторном высоком зале...

Миона, остановив движение гондолы, жестом велела Максиму выйти и идти за ней. Одна из стен зала раздвинулась, и они прошли в небольшую овальную комнату, сплошь задрапированную черным бархатистым материалом. Свет падал теперь лишь из небольшого светильника в потолке, с трудом были различимы два кресла и невысокий пульт.

— Садитесь, Максим.

Девушка передвинула несколько рычажков на пульте, свет погас, а одна из стен превратилась в огромный экран. Максим не сразу понял, в чем дело. Экран сначала был черным, но затем золотистая россыпь звезд вдруг заполнила его, и какая-то неведомая сила стала втягивать Максима в этот зияющий провал. Он невольно подался назад и тут же почувствовал, как прохладная ладонь легла ему на руку:

— Это только изображение, Максим. Изображение на экране. Смотрите дальше!

Экран словно ожил. Звездная россыпь сдвинулась с места. Еще мгновение, и откуда-то выплыл огромный бело-голубой диск, стал расти, пока не заполнил весь экран.

Желто-зеленые силуэты, проявившиеся на поверхности диска, нельзя было не узнать.

— Земля? — тихо спросил Максим.

— Земля, — в тон ему ответила Миона.

— Так это... Так, значит... — запинаясь, проговорил Максим.

— Да, Максим, мы не на Земле. Мы очень далеко от нее, на звездолете, в моем доме. А эта комната — центр дальней связи корабля. — Она погасила экран, свет озарил помещение.

— На вашем звездолете?! А как же остров, лес, дома?

— Все это корабль, его жилой сектор.

— А голубой тор?! Значит, это в нем... — Максим не знал, как реагировать на происходящее.

— Это был лишь маленький транспортный корабль, мы зовем его челночок. Он курсирует между звездолетом и Землей.

— Маленький корабль?! Такая громадина! И вся в огне...

— Это так только кажется, но все же он невелик. А светился он оттого, что был окружен мощным защитным полем. К сожалению, без него нельзя спускаться на Землю. А наш звездолет — своего рода планетка со своей атмосферой, со своим климатом, со всем, что необходимо для обитания на ней.

Максим не верил своим ушам.

— И все-таки: планета или корабль?

— Корабль. От космоса он защищен надежной многослойной оболочкой и силовым полем.

— Но я же видел Солнце...

— А ночью будут и звезды, и две луны. Но это уже имитация, воспроизведение солнца и луны моей родины...

— Где же она?

Девушка не успела ответить. Откуда-то донесся отчетливый музыкальный аккорд:

— Сигнал ближней связи! Максим, меня ищут. Придется расстаться ненадолго. Так надо, хотя я не хотела бы сейчас этого. Пройдемте к гондоле, я провожу вас к вашему дому. Вечером мы увидимся. Вернее, вы увидите меня на экране ближней связи. Всего доброго. Пройдитесь, осмотрите все, что вам будет интересно. Постарайтесь только вернуться до темноты. Можете ходить где угодно, на корабле нет ни одного хищного животного, ни одного вредного растения и... ни одного человека, кроме нас с мамой.

— Как? На всем корабле только два пассажира?

Она молча кивнула.

— А все эти дома, дворцы? Для кого они?

— Они пустуют, Максим, давным-давно. Скоро вы узнаете все. А пока... Пока можете осмотреть эти двор-

цы. Кроме круглого здания на берегу верхнего озера. Там живет сейчас мама. Она не знает, что вы на корабле... — Миона запнулась. — Так надо.

Максим почувствовал, как неприятный холодок пробежал у него по спине.

2

Солнце стояло почти над самой головой, когда Максим снова ступил на белоснежную площадку перед виллой и, не заходя в свой таинственный дом, сбежал по лестнице к морю. Откинувшись спиной на теплые плиты, стал смотреть в странное неземное небо, пытаясь осознать, что же с ним происходит. Проходил час за часом, а Максим оставался в том же положении.

Солнце тем временем склонилось к горизонту. Длинная тень закрыла площадку. Максим очнулся, поднялся к дому, но, не решаясь войти в него, направился вверх по склону к вершине.

Путь наверх оказался дольше, чем он предполагал. Узкая дорожка, укатанная розовым гравием, пологим серпантинном вилась между деревьями, открывая перед Максимом все новые и новые удивительные виды этого нового мира.

Наконец дорожка сделала последний поворот, и Максим вышел к озеру, которое, как оказалось, занимало почти всю верхнюю часть острова. Далеко за озером, на небольшом холме слева было хорошо видно круглое здание. «Дом ее матери», — вспомнил Максим слова Мионы. Но почему Миона скрывает его присутствие? Максим снова почувствовал, что ему становится неуютно здесь. К тому же солнце опускалось все ниже и ниже. Как-то сразу оно погрузилось в море, и наступила ночь. Первая звездочка загорелась в небе. Мягким светом озарился круглый дом за озером.

Максим почти бегом направился вниз. Но где поворот, где спуск к морю? Дорог так было много, одинаковых, аккуратно покрытых слоем гравия. Пришлось

идти наугад. Опыт таежника не очень ему помог. Он вышел к какому-то дому, но явно не к своему. Такое же высокое, сложенное из белого камня, но совсем другое. А главное — на площадке не было куста сирени. Ясно, он заблудился.

Что же делать? Максим попробовал сориентироваться. Дом этот, видимо, тоже стоял над морем, но шум прибоя едва доносился сюда, а запах моря почти не ощущался. Значит, он еще высоко. Зато отсюда было хорошо видно, как далеко за горизонтом начинает разгораться яркое оранжевое зарево.

Пожар? Нет, всего лишь луна, маленькая, размером, пожалуй, в четвертую часть привычного лунного диска, но испускавшая очень сильный, совсем не лунный свет: оранжево-красный. Красная полоса побежала по морю. Красноватый отблеск лег на белые плиты, на которых он стоял, на стены домов. Ночь стала зловеще-красной, неприветливой, чужой. Другой дороги, как только к озеру, Максим не мог бы сейчас найти, и он пошел обратно.

Лес, окружавший со всех сторон тропу, преобразился. Максим именно сейчас убедился, что попал в действительно фантастический мир. Лист на ветке, цветок, травинка были окружены красноватым ореолом, оранжевые клубы тумана теснились на опушках. Однако любоваться Максиму было некогда. Поднявшись к озеру, он прошел метров триста береговой тропой и, найдя дорожку в лес, поспешил вниз по склону. Этот бесконечный серпантин! Выведет ли он его к дому или вновь уведет в сторону?

Так и случилось. Тропинка привела Максима к низкому куполообразному зданию, стоящему почти на уровне моря. Узкая кольцевая дорожка обегала его со всех сторон. Низкий гудящий звук доносился изнутри.

Но что это? Лес уже стал другим. Красный туманный полусвет, к которому Максим привык, сменился желто-зеленым... Неужели утро?

Он продрался сквозь росистые кусты и вышел на берег моря. Новое зрелище предстало перед ним: из-за горизонта выкатилась вторая луна, побольше первой, сияющая неярким голубовато-зеленым светом. Две дорожки бежали теперь по морю: оранжевая и нежно-бирюзовая. Максим снова забыл о том, что он заблудился. Вторая луна двигалась быстрее первой, словно догоняя свою красную соперницу, и лесная опушка преображалась на глазах: красный свет убегал в глубину зарослей, вытесняемый аквамаринowymi волнами...

Максим спустился к самой воде, собрался зачерпнуть ее в пригоршню, но неожиданно черная тень пронеслась у его ног и что-то, похожее на зловещий хохот, ударило ему в лицо. Он отпрянул за ближайšie деревья, не спуская глаз с моря: из прибрежных вод на него смотрели огромные синие глаза морского чудища.

Не оглядываясь, Максим бросился к тому же круглому зданию и здесь, найдя тропу, побежал вверх по склону. Теперь он уже не знал, куда и зачем идет. Только подальше от этого места, от этих страшных глаз. Он вспомнил слова Мионы о том, что здесь нет ни одного опасного животного. Что же это за глаза и чей это хохот?..

Вот и озеро. Идти куда-либо дальше было бессмысленно. Он прилег на какое-то подобие каменной скамьи и сразу же заснул. Проснулся он от шороха. Открыл глаза — рядом с ним стояла Миона.

— Максим! Вы невредимы?

— Невредим. А могло разве быть иначе?

— Да, именно ночью на этих дорожках. Ночью отключаются люки смотровых и ремонтных шахт. Я отключила ваш элемент связи с Кибером, который предупреждает вас об опасности.

— Тот, что у меня за ухом? Кажется, я догадался теперь...

— Да. Я отключила его, чтобы мама не знала, что

вы сейчас здесь. И вот... — Она смущенно улыбнулась. — К счастью, все обошлось. Идемте!

— Почему вы скрываете меня от нее?! — Максим чувствовал, как раздражение снова поднимается в нем.

— Это трудно объяснить в двух словах, но вы все узнаете. Скоро... через два дня.

— А что будет через два дня?

Она помедлила с ответом:

— ...Никаких расспросов!

Они углубились в лес, и скоро Максим увидел знакомую гондолу. Он отодвинул фонарь.

— Позвольте, на этот раз я? — Он помог Мионе сесть в кабину, задвинул фонарь и, нажав нужные клавиши, надавил педаль. Гондола взвилась вверх.

— Можно и не так быстро, — сказала Миона.

Он отпустил педаль. Гондола почти остановилась. Они словно парили в звездной выси.

— А вас не будут искать? — спросил Максим дипломатично, чтобы узнать что-нибудь еще о матери Мионы.

Она улыбнулась:

— Возможно. Но не найдут — я выключила и свой элемент связи.

Максим сдвинул фонарь. Встречный ветер ударил в лицо, подхватил локоны Мионы. Она придерживала их рукой:

— Я ничего пока не рассказывала о себе, о нас. Хотела, чтобы вы, Максим, привыкли немного...

— Здесь все так необычно... И знаете, мне не хотелось бы играть в прятки.

— Все, что я знаю о себе, о звездолете, я узнала от мамы. Она говорит: это точная копия одного из уголков второй планеты нашей звезды Агно. Но я ее не видела. Моя родина здесь.

— Вы родились на корабле?

— Да. Тот большой мир я знаю только по сеансам иллюзионория и рассказам мамы. Он прекрасен. Но на

планете слишком мало суши. Она сплошь состоит из островов. Поэтому люди живут и на воде, и на большом спутнике — Риге. Вон на этом, зелено-голубом, — указала она на одну из лун. — Сейчас он лучший из миров Системы. Хотя вся атмосфера и вода на нем искусственные. А малый спутник — Церо — заселить не удалось, там слишком высока радиоактивность поверхностных пород. Недаром он такой зловеще-красный...

Гондола остановилась у знакомого куста сирени. Миона легко спрыгнула на дорожку.

— А это ваш земляк, — сказала она, указывая на куст. — Я сама выкопала его, совсем крохотную веточку. Потом я покажу вам и других таких же переселенцев с Земли. Вы знаете, они прекрасно чувствуют себя на новой родине.

Миона проводила его к дому, протянула руку:

— Я должна идти. Прощаюсь на целых два дня.

— Так надолго!

— Открою секрет. Через два дня я стану совершеннолетней. Мне очень много надо еще сделать, чтобы быть готовой. Ведь в день совершеннолетия молодой астронавт подключается к Главному кибернетическому устройству, а это требует особой подготовки, многих сил и нервов... Мне надо сосредоточиться.

— К Главному кибернетическому устройству? К электронному мозгу? Миона, скажите два слова об этом, не оставляйте меня снова в неведении.

— Это прежде всего хранитель наших знаний. У нас нет ни книг, ни киноплёнок, ни магнитных записей. Вся информация накапливается, систематизируется, хранится только в киберах. Главный Кибер — самое емкое хранилище информации. Человек, подключенный к нему, становится обладателем всех знаний Системы. Но это еще не все. Главный Кибер управляет и всеми механизмами корабля, следит за состоянием биосферы, воды, воздуха, руководит работой универсальных автоматов, контролирует режим внешнего защитного поля.

Он же помогает командиру корабля составить маршрут движения в космосе и ведет корабль по этому маршруту. Он же, наконец, следит за сохранностью жизни астронавтов как на корабле, так и во время их пребывания на чужой планете. Немедленно предоставляет в распоряжение каждого все, что тот потребует в соответствии с кодексом прав гражданина Системы или, наоборот, блокирует любые действия астронавта, если они выйдут за рамки этого кодекса.

— Но кто определил эти права и кодекс, неужели сам Кибер? Что же — вы подчинили себя машине?

— Все астронавты подчинены Киберу, но Кибер подчиняется командиру корабля. Одному командиру, в условиях космического полета это неизбежно и необходимо. Ведь воля командира решает все.

— Воля командира, догадываюсь, это воля вашей матери?

— Да, Кибер корабля подчиняется только ей.

— А она, я чувствую, не очень-то расположена к землянам?

— Как вам сказать... Командир всегда должен быть настороже... Чужая планета чревата многими опасностями...

— Но вы-то хорошо, думаю, знаете Землю. Почему же не повлияли на мать?

— ...Мы поговорим еще об этом. Во всяком случае, я-то люблю Землю. Люблю людей. Я такая же землянка, как и дитя своей Системы. И это главное, с чем не может примириться мама.

— Вот оно что! Понимаю...

— Да... Не провожайте меня. А послезавтра... Послезавтра утром вы придете на мой праздник и познакомитесь с мамой. Счастливо! — Миона исчезла как-то сразу в ночном мраке, оставив обескураженного Максима.

Оба последующих дня он был в такой тревоге, что старался не отдаляться от дома. Ему стало ясно, что он попал на корабль без ведома и, возможно, против

воли старой инопланетянки. Она не любит его, возможно, потому, что не любит Землю и ее обитателей. Дочери, наверное, достается за другие ее чувства. Теперь Максим не сомневался, что там, на Земле, деспотизм матери вынудил Миону молить о помощи. Это она запретила Мионе даже думать о нем, Максиме. И не по ее ли воле он попадал в губительные для себя ситуации?

Что произойдет послезавтра? Матери уже, очевидно, нельзя будет безраздельно командовать дочерью, как то было до сих пор. Но значит ли это, что Миона станет совсем свободной? Едва ли. Кибер подчиняется старухе. Она по-прежнему останется командиром корабля. И делает все возможное, чтобы заставить Максима покинуть корабль.

Зачем все это ему? Почему кто-то должен играть его судьбой? Если бы не Миона, если бы не те их встречи, перевернувшие всю его жизнь, он бы... Максим не знал, что бы он сейчас натворил.

3

Два дня прошли в томительном ожидании. А знаменательный день начался с неожиданно раннего вызова к экрану ближней связи. Максим нажал ответную клавишу. Одна из стен его комнаты превратилась в экран, и он увидел возбужденную Миону.

— Максим! Поздравьте меня. Сегодня самый большой праздник в моей жизни. Теперь я полноправный гражданин Системы Агно! — С экрана к Максиму протянулись ее руки, она будто хотела передать ему частичку своей радости.

— Я очень рад, Миона!

— Спасибо. Мне нужна ваша поддержка... Вы помните, где находится мамин дом? Это и есть Дворец командира, как мы его называем. Вы должны быть там, я познакомлю вас с ней.

— Вы все рассказали ей обо мне?

— Да.

— И что она?

— Дала хороший урок, как должен держать себя в подобной ситуации истинный гражданин Системы: ни взглядом, ни жестом не выдала себя — никакого удивления или неудовольствия, не отвела взгляда от вводной системы Кибера, за которой следила. Сказала только: «Но я смогу уделить землянину очень мало времени». Так что, Максим, надо ехать, этой встречи все равно не избежать... Она говорит на многих языках Земли. Она поймет вас... Мне пора! Я иду во Дворец. До скорой встречи. — И снова ее руки протянулись к нему. Экран погас.

Гондола взвилась ввысь и уже через несколько секунд опустилась на широкой площади перед Дворцом правителя. Максим несмело ступил на ее белые плиты, усыпанные золотистыми блестками. Круглое здание не имело ни дверей, ни окон, фасад его был украшен гигантским барельефом — мужская фигура сжимала в ладони массивный зеленовато-белый шар, вокруг которого вращалось несколько мелких бирюзовых шариков. «Символическое изображение Системы Агно», — догадался Максим.

Торжественная тишина, знакомое безлюдье сковывали. Медленно Максим прошел сквозь строй колонн, ведущих к Дворцу, и лишь миновал последнюю, как стена растаяла, открыв перед ним огромный круглый зал, ярко освещенный в центре. Свет падал сверху, очевидно, из круглого окна в кровле здания, но не рассеивался, а был подобен широкой колонне, стены зала поэтому топились в густом мраке.

Не встретив никого, Максим решил не прятаться и подошел вплотную к освещенной части зала. Мощные аккорды зазвучали сверху, и сразу же, будто распахнулось гигантское окно, лавина света сверху залила весь зал, осветив его белые стены, поддерживаемые массив-

ными пилонами из прозрачного золотисто-розового камня.

Максим вздрогнул от неожиданности: перед ним стояли две прекрасные молодые женщины с одинаково вскинутыми руками, ладонями вперед, и чуть запрокинутыми вверх лицами. (Откуда они взялись?!) Одна из них была Миона. Другая...

В эти последние два томительных дня Максим часто старался представить себе другую инопланетянку. Воображение рисовало ее то моложавой, но суровой и придавленной тяготами ее высоких обязанностей женщиной, то гордой, мужеподобной особой, а чаще дряхлой, но крепкой старухой. А наяву перед ним стояли две совершенно одинаковые женщины. И не привыкли он к Мионе, Максим, пожалуй, сейчас не отличил бы ее от матери. Как похожи! Те же черты лица, одинаковый рост и осанка. Тот же цвет волос и глаз. Женственность и обаяние — вот что больше всего роднило их.

Но одеты они были по-разному: Миона в знакомом белом платье, ее мать в синем, стянутом в талии поясом из золотистых и красных камней. Видимо, эти же драгоценные камни с вкрапленными в них сверкающими, как бриллианты, кристаллами украшали диадему на ее голове.

Максим сделал шаг навстречу, склонив голову. Он не знал местных приветствий. Музыка смолкла. Мать Мионы приблизилась к Максиму, коснулась рукой его плеча:

— Житель Земли! Мы рады приветствовать вас от имени старших братьев по разуму из далекой Системы Агно. Мы счастливы предложить вам свое гостеприимство на борту галактического корабля Ао Тэо Ларра, этой частице Системы. Вы будете пользоваться всеми благами нашей цивилизации и сможете познакомиться со всеми накопленными Системой знаниями, кроме тех, разумеется, какие могут принести вред слишком несовершенной цивилизации Земли, если бы вы захотели ими

воспользоваться. Мы сделаем все, чтобы ваше пребывание здесь было интересным. Вы можете оставаться у нас столько, сколько захотите, но достаточно одного вашего желания, чтобы мы возвратили вас на родину... Я сожалею, но сама не смогу уделить вам много времени. Моя дочь Миона познакомит вас с кораблем, научит пользоваться нашими источниками информации. Ваше пребывание здесь не будет регламентировано никакими ограничениями, кроме тех, какие налагает на всех нас Главное кибернетическое устройство корабля. Но когда вы захотите покинуть нас, я буду просить вас выполнить три непереносимых условия: вы не возьмете на Землю ни одного предмета внеземного происхождения, вы никогда никому не должны рассказывать о звездолете, вы не должны просить вернуться сюда снова — это невозможно. С моей дочерью вы знакомы. Ваше имя мне известно. Меня же зовут Этана. Мы всегда будем рады служить вам, — закончила она с улыбкой, отходя к Мионе.

Теперь Максим понял, как непохожи между собой мать и дочь. Миона была нежным, только что распустившимся цветком, красота Этаны — это красота сверкающего ледяного кристалла. В ее улыбке, безукоризненно вежливой, даже благожелательной, Максим почувствовал холод космических глубин, загадочных и бесстрастных.

Ледяное «радушие» хозяйки корабля вернуло Максиму уверенность в себе:

— Спасибо за добрые слова и гостеприимство... Я понимаю, что не имею права говорить от имени всего человечества, — сказал он, глядя прямо в глаза суровой инопланетянки. — Но прошу вас верить, что и нашей «слишком несовершенной» цивилизации присущи некоторые достоинства, которые могут вызвать у вас интерес.

— Земля—планета чувств, но не разума, а уровень цивилизации измеряется не спектром чувств его обитателей, а могуществом их разума, — холодно возразила Этана.

— Мне кажется, это не совсем так... — ответил Мак-

сим. — Наш разум, знаю, не всемогущ, но это все-таки разум, и он совершенствуется. Кроме того, не один интеллект участвует в познании мира...

— Вы полагаете? — перебила, слегка усмехнувшись, Этана.

— Да. И возможно, смогу убедить вас в этом.

— Вы — нас?! — Ледяная метель взметнулась во взоре инопланетянки. Она усмехнулась снова, теперь мягко, и, отвернувшись от Максима, сказала:

— А теперь, по древнему обычаю, пройдите к дереву мудрости, чтобы стать свидетелем ритуала, который по традиции совершается у нас тогда, когда молодой человек становится полноправным гражданином Системы.

Они вышли через противоположное крыло дворца в сад и остановились у невысокого дерева с крупными розовато-коричневыми плодами. Миона сорвала один из них.

— Плод дерева мудрости, — сказала Этана, — может сорвать лишь совершеннолетний.

Миона порозовела от смущения. Она разломила плод на три части и подала одну из них матери, другую Максиму.

Максим надкусил плод. Вкус вяжущий, горький, как у яблока-дичка, но только он проглотил кусочек, как мозг его начал работать с особой энергией, мысли приобрели необычную ясность.

Глаза Этаны чуть смягчились; Максиму показалось, что в них промелькнуло что-то похожее на грусть. Она подошла к Мионе и положила ладони ей на голову:

— Сегодня утром ты в последний раз назвала меня мамой, а я тебя дочерью. Теперь я для тебя только Этана. Теперь ты свободна в своих поступках. Будь счастлива, Миона!

— Спасибо, Этана.

Две женщины на миг прижались друг к другу, потом Этана резко отпрянула от Мионы:

— Прощайте. Я должна оставить вас. Корабль требует присмотра.

Она протянула к ним руки ладонками вперед и скрылась за деревьями сада.

Миона подняла на Максима свои огромные, полные слез глаза, смущенно улыбулась:

— Максим! Не пугайтесь ее холодности. Так принято там, в мирах Системы. Я сама цепенею, когда вижу их жизнь в иллюзионории... Но сегодня такой день! Все должны быть радостными! Как сказала мама... Этана? Я свободна в своих поступках? Но мне казалось, что я никогда не была стеснена в них, особенно когда была там, у вас на Земле. И все же: свободна в поступках! Если так, то вот мой первый свободный поступок — признаюсь, Максим, я люблю... тебя.

— А я, Миона, всю жизнь, с той самой ночи на Лысой гриве, я любил только тебя...

— Я знала это, Максим. Знала всегда. Знала, еще не понимая, что это значит. Знала... Столько лет ждала этой минуты! — Она подняла голову, посмотрела Максиму в глаза долгим сияющим взглядом, потом прижалась губами к его губам...

4

— Вот видишь, как далеко от нашей звезды до вашего Солнца, — сказала Миона, выключая экран, на котором она только что рассматривала замысловатый завиток Галактики.

— Как же ты оказалась впервые на Земле? И почему живешь вдвоем с матерью? — не унимался Максим.

— Да, пора рассказывать... вернее, показывать. Сейчас ты увидишь и это. — Миона провела его в ту часть комнаты, где в пол была вделана небольшая площадка из голубого гофрированного металла

— Встанем сюда.

Площадка, дрогнув, пошла вниз и плавно опустила их в большой круглый зал.

Зал этот располагался, видимо, где-то глубоко в недрах корабля и представлял собой огромный полый шар с черными идеально гладкими сферическими стенами и высоким сводчатым потолком. Лишь небольшой матовый светильник высоко вверху скупо освещал это мрачное пустое помещение.

Впрочем, едва они прошли в середину зала, как свет усилился и снизу поднялись два глубоких мягких кресла.

— Садись, — сказала Миона, усаживаясь в одно из кресел. — Положи руки на подлокотники и откинь голову. — Миона сделала какое-то неуловимое движение, и Максим почувствовал, как руки и ноги сжали тугие эластичные захваты, а на голову опустился тонкий металлический обруч.

— Вот и все, — продолжала Миона, руки и ноги которой также были стянуты кольцами из серебристого пластика. — Мы с тобой в нашем главном иллюзионории. В принципе это нечто похожее на кино. Там тоже искусственный внешний раздражитель действует на органы чувств человека, на зрение и слух. Но можно ведь добавить к этому, скажем, ощущение запаха. Почему бы, сидя в кинотеатре и рассматривая цветущую черемуху, не ощущать одновременно и ее аромат?

— Со временем так будет и у нас, мы же достаточно разумная цивилизация, — проговорил Максим.

— Так вот, наш иллюзионорий действует одновременно на все без исключения органы чувств, включая осязание и обоняние, словом, все-все. Есть и еще одно отличие. В кино действие разворачивается по заранее подготовленному сценарию, а герои говорят то, что велит им автор. В иллюзионории же действующее лицо просто живет, черпая соответствующую информацию из хранилищ Главного Кибера. При желании ты можешь поговорить с ним на любую тему, поспорить, даже участвовать в его жизни, пойти с ним куда-то, познакомиться с други-

ми людьми, можешь вмешаться в действие так же, как вмешался бы в жизнь реально существующих людей. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, — улыбнулась Миона. — Не вздумай, например, прыгнуть вниз головой со скалы. С тобой ничего не произойдет, но психика переживет весь комплекс соответствующих эмоций. Впрочем, сейчас ни во что не вмешивайся. Только смотри и слушай. Речь будет синхронно переводиться на русский язык. Я буду с тобой. Только не говори со мной громко. Готов?

— Да.

— Включаю генераторы. Сейчас мы окажемся в центре управления кораблем. Не пугайся, пожалуйста.

Светильник погас. Зал сначала погрузился в темноту, но затем сразу осветился. Максим понял, что они находятся в другом месте, в небольшом овальном помещении, в котором вместо стен были сплошные приборные панели, на которых мигали и разбегались во все стороны тысячи разноцветных огоньков. В передней части помещения перед большим светящимся экраном сидел в кресле высокий седой мужчина с тонкими чертами очень усталого лица. За его спиной бесшумно двигались два оранжевых робота, напоминающих земных «божьих коровок», только очень больших размеров. Руки мужчины лежали на клавиатуре приборного щита. Длинные рычаги роботов манипулировали над приборными досками.

Миона вдруг встала, и Максим испугался, что мужчина или роботы увидят их. Она сделала несколько шагов вперед, потянув Максима за руку:

— Сядем здесь, за этими пилонами, — шепнула она, переходя в самый дальний угол помещения. — То, что ты видишь, произошло тридцать земных лет назад. Сейчас ночь. А в кресле командира корабля, перед экраном — мой отец.

— Отец?

— Да.

Командир поднял голову от пульта, и Максим снова

испугался, что он заметит их. Но он нажал на небольшой рычаг. Экран сразу потемнел, а в центре его, среди золотой россыпи звезд, выступил яркий голубовато-белый диск с темными провалами морей, желто-зелеными пятнами материков, причудливыми нагромождениями облаков.

Командир устало откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза рукой. Полная тишина царила в корабле, только какой-то прибор отстукивал равные промежутки времени. На экране медленно разворачивался диск планеты.

Мужчина положил руку на одну из клавиш:

— Этана!

Максим вздрогнул от этого имени. Он вздрогнул еще раз, когда на пульте вспыхнул небольшой экран, и на нем появилось знакомое лицо.

— Иду, дорогой. Только уложу Миону.

— Не надо, возьми ее с собой.

Вошла Этана, почти не изменившаяся по сравнению с той, какой он видел ее вчера, просто сегодня она казалась худой и утомленной. На руках держала грудного младенца. Командир обернулся к ней:

— Садись, Этана, смотри. Вот она — цель нашей далекой дороги. — Он указал на голубой диск планеты. — Я выверил все координаты, проверил все константы. Это и есть третья планета звезды Галио, на которую два миллиона лет назад высадились наши соотечественники. Прибыли! — Голос его задрожал. — Дорогой ценой заплатили за эту находку. Чертова планета! Та чудовищная гравитационная аномалия, что сбила с пути, стала роковой. Но дело не только в ней. Я хочу, чтобы Система знала, что главной ошибкой экспедиции было укомплектование корабля слишком пожилыми астронавтами. Вторая ошибка — и я хочу, чтобы о ней тоже знала Система, — заключалась в том, женщины звездолета, как все женщины Системы, не хотели иметь детей, не созданных искусственным путем. Вот мы и остались

одни. Это чудо, что твоя мать оказалась разумным исключением. Если б не ее ум и доброта, через несколько часов это замечательное творение разума стало бы мертвым астероидом, и Система никогда не узнала бы о результатах экспедиции.

— Через несколько часов?.. Что ты говоришь? Тебе просто нужно отдохнуть.

— Нет, Этана, я знаю, что говорю, не позвал бы я тебя с дочкой так поздно. Мое сердце на исходе. Это точно. Приборы подтверждают... Слушай внимательно, что я тебе скажу. Я уже дал Киберу приказ ввести тебя в ранг командира корабля. Датчик командира надо вживить до истечения этих суток...

— Но...

— Не перебивай, Этана, время дорого. Итак, о датчике ты не забудешь. Теперь главное — сейчас корабль выведен на оптимальную орбиту вокруг планеты, при необходимости Кибер внесет нужные поправки. Защитное поле на максимальном уровне, бояться нечего. Все системы приведены в состояние минимального энергопотребления. Я уже исследовал физико-химические параметры атмосферы. Они практически не изменились. Стало немного меньше углекислоты и побольше свободного кислорода — это естественно. Не удалось определить, есть ли здесь разумная жизнь. Для этого нужно вывести на более низкие орбиты спутники-ретрансляторы. Этим придется заняться тебе. И последний совет... нет! Приказ — если на планете разумных существ не окажется, сажай корабль. И первое, что надо сделать, — попытаться выяснить судьбу предыдущей экспедиции. Потом рассчитаешь с Кибером обратный маршрут к Системе. Если же обнаружишь разумную жизнь, то независимо от уровня цивилизации и ее происхождения — ни в коем случае не уходить с орбиты! Только наблюдать! Никаких контактов с цивилизацией. Спуск на планету в челночке лишь в исключительных случаях со всеми мерами предосторожности. Ну а дальше я полагаюсь на

твой ум. И самое главное — береги ее! Вы с ней должны вернуться. Дай мне дочку...

— Спит... — Мать осторожно передала девочку отцу. Он поцеловал ее, потом бережно передал матери, откинулся на спинку кресла.

— Все... Прощайте... — И он закрыл глаза. Этана положила ребенка ему на колени и без сил опустилась к ногам мертвого мужа.

Тысячи огоньков все так же мигали и струились по бесчисленным панелям и приборам. Отсчитывал равные промежутки времени бесстрастный метроном. Медленно поворачивался на экране диск чужой планеты...

Максим осторожно перевел дыхание. Комок подкатил к горлу... Но все, что он подсмотрел, уже исчезло. На секунду наступила полная темнота — и снова вспыхнул матовый фонарик, осветив пустой зал иллюзионория.

Максим удивился, что они с Мионой сидят в тех же креслах с зажимами — ведь только что они ходили по кораблю. Лицо Мионы было бледным, слезы катились по щекам.

— Вот так мы прибыли на Землю, — сказала она вполголоса, словно самой себе, — и остались одни с Этаной. Обе мы, как видишь, родились здесь, на корабле, и знаем о Системе лишь по фильмам вроде этого. Стоит ли говорить, как тяжело было Этане в первые месяцы и годы, когда надо было растить меня. К Земле были посланы спутники-ретрансляторы, на поверхность планеты опустились автоматы. Наблюдения велись и в море, и на суше, и в лесах, и в городах. И весь этот гигантский поток информации молниеносно перерабатывался Кибером, который выдавал Этане лишь самые важные, самые обобщающие сведения о Земле. Скоро она узнала, что на планете существует довольно высокая цивилизация существ, похожих на нас. Естественно было предположить, что это потомки наших астронавтов, оставшихся здесь, как ты слышал, два миллиона лет

назад. Этана очень надеялась на это. Но что ожидало ее!

Свет снова погас, и через мгновение они оказались в знакомом Центре дальней связи. В кресле перед экраном сидела Этана. Максим и Миона расположились в стороне, за ее спиной. Этана передвинула рычажок на пульте. Экран осветился. Отдаленные районы Земли, такой далекой и одновременно близкой, открылись перед их глазами.

Горы, долины, реки, тщательно возделанные поля... Уютные коттеджи с лужайками и искусственными бассейнами... И люди — красивые, изысканно одетые, с беззаботными улыбками на лицах. Но... Что это там, вдали, у обочины дороги? Большая толпа грязных, изможденных оборванцев медленно бредет под жгучим солнцем. Вот они остановились, свернули с дороги и, рассыпавшись по плантации, начали срывать пушистые комочки хлопка. Пот на лицах дряхлых стариков, пот на голых, остро выпирающих лопатках девушек, казавшихся почти девочками. А чуть поодаль стоит и дымит сигарой молодой упитанный мужчина. Надсмотрщик!..

Этана уже сместила следящую систему звездолета на другой объект. Горы. В долине приземистые строения за колючей проволокой. Из машины выходит молодой человек, у него долго проверяют документы. Наконец он входит в одно из строений, облачается в белый халат, вешает на шею полумаску, входит в лифт. Лифт уносит его глубоко под землю. Тут длинные коридоры, белые керамические стены, трубы, провода, плотно закрытые двери, над которыми мигают красные лампочки.

Молодой человек натягивает полумаску на лицо и открывает одну из дверей. За ней обширное помещение, сплошь заставленное приборами, вытяжными шкафами, термостатами. В лаборатории еще двое в таких же халатах и полумасках. Молодой человек здоровается с ними и, открыв журнал наблюдений, придвигает к себе микроскоп.

Вдруг дверь открывается, и входит четвертый.

На нем тоже халат и полумаска. Халат небрежно надет на военный мундир. Те трое вскакивают. Четвертый нетерпеливо машет рукой:

— Доброе утро, господа. Что нового?

Молодой человек подходит к военному.

— Хорошие новости, шеф. Культура вибриона холеры прошла последние испытания. Техника воспроизводства отработана полностью. Можно запускать в серию.

— Опять холера! — Военный не скрывает неудовольствия. — Что в ней проку? Мои агенты в порядке эксперимента завезли ваш хваленый эмбрион в три города известной державы. И что вы думаете? Через два месяца все три очага болезни были локализованы и практически ликвидированы. Вот вам и культура эмбриона! Глупая трата денег. Нам надо не это. Нам нужны возбудители таких болезней, какие не знает человечество, против которых нет защитных средств, с которыми не справится никакая медицина.

— Но, шеф...

— Знаю, что вы хотите сказать. Но это лишь подтверждает ваши ограниченные способности мыслить, господин профессор. Надо искать. Искать всюду! Искать не только в настоящем, но и в прошлом!

— В прошлом?

— Именно так! Известно ли вам, что древние гробополатели, расхитители египетских пирамид, часто умирали от страшной, никому не известной болезни? Год назад точно такой же болезнью заразился французский археолог, производивший раскопки в Египте. Медицина была бессильна спасти его. Возбудителем болезни оказался э-э... вирус-глистоплазмодис...

— Гистоплазмозис, — осторожно поправил профессор

— Именно! Стопроцентный смертельный исход! Вот что нам нужно.

— Я обязательно займусь этой проблемой.

— И немедленно!

Этана проговорила мрачно:

— Это цивилизация!

Максим был потрясен — то, что подсмотрели автоматы инопланетян, мало кому известно и на Земле. Что же еще может скрываться в этих мрачных подземельях?..

На экране — джунгли. Крохотная деревня из нескольких хижин. Смуглые полуголые люди, мужчины и женщины, заняты нехитрым трудом: чинят одежду, мастерят корзины, что-то пекут на углях. Рядом играют дети, пиная на лужайке пустой высушенный орех. Древний старик смотрит на них слезящимися глазами, улыбка озаряет морщинистое лицо... Вой и свист раздаются в безоблачном небе. Черные тени самолетов пронеслись над солнечной поляной. Грохот потряс тишину девственного леса. И все потонуло в клубах дыма и огня...

Когда дым рассеялся, не было уже ни леса, ни хижин. Лишь мертвые искореженные стволы деревьев, холмы дымящейся земли, пепел. Трупы мужчин, женщин, детей... Только древний старик, каким-то чудом избежавший смерти, как потерянный смотрит на этот хаос, на его лице не улыбка, а гримаса ужаса...

Откуда-то из глубины Центра связи вышла маленькая девочка лет трех в коротком белом платье, с пышными, рассыпавшимися по плечам волосами. Подбежала к матери, прижалась к ее ногам.

— Миона! Ты видела? — Этана подхватила ее на руки, прижала к груди. — И они-то строят ракеты, космические корабли, пытаются проникнуть в тайну гравитации, собираются лететь к иным мирам, ищут контакта с иными цивилизациями! — Этана рывком выключила экран, держа девочку на руках, вышла из Центра связи...

Миона включила свет:

— Пора и нам, Максим. Пойдем на свежий воздух.

Гондола фуникулера перенесла их в глубокую бухту на западной стороне острова. Тут Максим еще не бывал.

Бухта замыкалась крутыми высокими склонами, сплошь поросшими большими деревьями, напоминающими крымские сосны. А в верхней части ее, далеко выдвигаясь в море, нависала над водой, подобно балкону, площадка с расположенной на ней беседкой из знакомого розово-белого камня.

Миона прошла в беседку, села на низкую широкую скамью. Максим стал рядом. Он понимал, что должен сказать ей о важных вещах, прежде всего о том, что не все жители Земли такие, каких они видели в иллюзиях. Она заговорила первая:

— Были, конечно, и другие картины, светлые, даже идиллические, но...

— Но на Земле ведь масса государств с самыми разными социально-политическими системами! Как вы не могли понять? — спросил Максим.

Миона улыбнулась:

— Мы это поняли. Земные государства находятся на разных ступенях общественного и экономического развития. Этана, естественно, самое пристальное внимание решила отдать самой высокоразвитой стране. А как ее выбрать? Кибер указал ей, что надо взять за основу общий энергетический потенциал государства. Тем более что его проще всего было установить нашим приборам-разведчикам.

Вскоре такая страна была найдена. Она располагалась на юге Северо-Американского континента и надолго стала объектом самого пристального изучения. Изучалась и сама страна, и ее связи, и взаимоотношения с другими государствами. Но чем больше мы наблюдали за ней, тем большее отчаяние охватывало Этана. Она узнала одну любопытную деталь. Оказалось, что эта огромная, богатая, могущественная страна живет в постоянном страхе. Страх пронизывал все стороны ее жизни. И чем более высокое положение занимали граждане этой страны, чем большим богатством они владели, тем больше страх определял их поступки. Это был

страх перед крушением их мировоззрения, их общественного уклада, страх перед будущим. В той «высокоразвитой» стране царит страх перед другими людьми, живущими по иным, не по тем жестоким законам, по каким живет она. Так постепенно мы пришли к открытию вашей страны, вашей идеологии, вашего образа жизни, представлявшего совершенно новый, безусловно прогрессивный тип цивилизации. В то же примерно время наши спутники-ретрансляторы и специальные зонды установили, что именно на территории вашей страны находятся технические остатки первой экспедиции Системы. К счастью, они оказались почти в безлюдной местности и были погребены под мощным чехлом грунтов.

Осталось решить проблему высадки на поверхность планеты. Но и в этом природа Сибири пришла нам на помощь — и Миона рассказала, как их разведочные зонды обнаружили в глухой тайге, недалеко от места посадки первого корабля, глубокую естественную котловину с обширным озером, которое могло бы служить гаванью для челночных кораблей. Особенно ценным было то, что озеро это сообщалось подземным туннелем с другим озерком, а это позволяло погружать в него корабль без заметного изменения уровня воды, а высокие склоны котловины полностью скрывали челночок от случайного наблюдателя в момент взлета или приводнения.

Теперь Этана часто высаживалась в этом районе Сибири, даже брала с собой Миону. Потом, став старше, Миона сама совершала полеты к Лысой гриве. И хотя ей строго-настрого было наказано не отходить далеко от челночка, однажды она проплыла весь туннель и, выбравшись в Вормалеевское озеро, чуть не утонула от страха, услышав голос человека.

Так юная инопланетянка познакомилась с «мальчиком с Земли», а Этана, наблюдавшая за ней из Центра связи и пораженная самоотверженностью паренька, приказала автоматам вживить Максиму электронный эле-

мент, благодаря которому Кибер наблюдал за каждым его шагом и приходил на помощь в минуты крайней опасности, маскируя свое вмешательство стихийными явлениями в природе.

— Случалось, правда, и мне самой вмешиваться в его действия, — добавила Миона. — Но как же мне попадало в таких случаях от Этаны!

Она рассказала, как все больше и больше рос ее интерес к «мальчику с Земли», как страдала она во время его похода к Лысой гриве, как исполнила там ему Звездную симфонию, подняв челночок к самой поверхности озера, и как, не дождавшись вмешательства Кибера, включилась в земную радиосвязь и вызвала к нему вертолет геологов.

С изумлением слушал Максим ее рассказ о болезни Лары, когда Этана «чуть подправила» ее внешность, о «встречах», разыгранных по просьбе Мионы в иллюзионии и таким образом инсценированных перед Максимом посредством его же элемента, перед отъездом в институт и позднее в городе.

— Так тебя не было ни на реке, ни на озере?! — воскликнул потрясенный Максим. — А как же цветок?

— Да, ты встречал меня только во сне, такую смешную, говорившую по-русски так скверно и скованно. — Миона смущенно рассмеялась. — А цветок... Его вложили тебе в руки наши автоматы. Они же и забрали его обратно.

Да! Очень большой гнев у Этаны вызвала женитьба Максима на Марине. Она решила, что он очень нехорошо поступил с Ларой. Она не захотела иметь с ним больше никаких дел и отключила от Кибера. Вот почему перестал он «встречаться» со своей Нефертити, вот почему не ощущал больше таинственного аромата. Миона долго не знала о нем ничего. Она умоляла мать разыскать своего спасителя, узнать, где он, что с ним. Но тщетно. Этана запретила даже бывать Мионе на Земле, заблокировала от нее Центр дальней связи.

— И тогда, Максим, — продолжала Миона, — я пошла на неслыханное преступление. Вооружившись гравиоизлучателем, я разрушила блокирующую систему шлюзов и бежала в челночке на озеро. Там я прежде всего соединилась с Этаной и заявила, что немедленно уничтожу челночок и себя, если они с Кибером попытаются вернуть меня на корабль. Этана вынуждена была уступить, но взяла с меня слово, что я не покину Лысой гривы. Тогда я начала обшаривать оптическими системами окрестности Вормалея и через несколько дней нашла тебя. Но я знала, что твой элемент отключила Этана. Это было ужасно. Мысленно я прощалась с тобой навсегда. И все-таки я решила всеми способами увидеть тебя в последний раз. Помню, в каком-то забытии пошла в Центр дальней связи, и автоматы мгновенно разыскали тебя. Я даже растерялась от неожиданности. Только потом я узнала, что Этана снова подключила к Киберу твой элемент. Я ждала, ждала, ждала... Чувствовала, что ты по-прежнему любишь меня, что тебе очень трудно. Люди заставили тебя страдать, но против них мы были бессильны. К тому же я стала достаточно взрослой, чтобы понять, что не имею никакого права вторгаться в твою жизнь. А она у тебя становилась все запутаннее, все тяжелее. Даже Лара... Но о ней после, после! Но отчаянию и гибели я тебя не отдала бы! Пусть дальше было бы со мной что угодно. Я уже любила тебя настоящей земной любовью. И когда той осенью встретился мне дядя Степан, я не раздумывая попросила его написать тебе. Я знала, что ты разыщешь меня... — Миона чуть помолчала, спрятала голову у него на груди. — Теперь ты знаешь все!

Максим боялся проронить хотя бы слово. От какого-то внутреннего страха он спросил совсем о другом:

— А ваши автоматы? Как же люди не замечают их? Как вы не боитесь, что один из них рано или поздно будет обнаружен?

— Все автоматы окружены защитным полем и потому

почти невидимы. В крайнем случае сработает механизм самоуничтожения.

Максим вдруг понял, почему его и Антона все время преследовали неудачи в их поисках. Не Миона, пожалуй, в этом виновата, скорее всего она ничего не знала. Ни слова не было сказано ею ни о шестерне, ни об алмазе. Этана? Но зачем ей все это понадобилось? Почему она с такой последовательностью уничтожала все результаты их поисков? Об этом могла рассказать только сама Этана. Но захочет ли?

5

— Вот он, наш информаторий высшей ступени. — Миона показала на огромный серебристый экран. — Недавно я сама просиживала здесь часами, особенно последние месяцы перед совершеннолетием. Этана строго следила за моим образованием. Теперь смотри. — Она тронула клавишу индикатора «Биология», кивнула на засветившийся экран. — Выбрав индикатор нужной тебе научной области, поворачиваешь его от себя и, перемещая по стержню, совмещаешь с интересующими тебя разделами науки, скажем: зоология, ботаника и так далее. После чего называешь проблему, например «эволюционный прогресс», и остается только внимать Киберу.

Они провели несколько сеансов, в течение которых Кибер приоткрыл Максиму некоторые научные тайны. Все последующие дни он не покидал информатория. На время он забыл о своих хозяевах, о том, где он находится, о том, что родина, по которой он начал тосковать, остается недостижимой.

Хотя Максим не был ни физиком, ни биологом, тайны строения вещества занимали его, как всякого ученого. Кибер раскрыл ему секреты строения атома, вплотную подвел его к самому интересному, самому интригующему и пока еще не разгаданному на Земле явлению — явлению гравитации. Но неожиданно Максим об-

наружил; что этого раздела физики просто нет в списке, идущем вдоль стержня настройки экрана. Между «Строением атома» и следующей за ним «Гидродинамикой» оставался значительный промежуток стержня настройки. Здесь, очевидно, и размещался раздел «Гравитация», а может быть, и другие не менее интересные разделы физики.

Так вот о каких ограничениях говорила Этана! Но почему кольцо не перемещается по стержню до конца? Максим двинул его чуть в сторону и увидел небольшой металлический выступ, нечто вроде стопора, который ограничивал движение кольца. Вот оно что! Раньше, наверное, этого стопора не было, он сделан из-за него, землянина, и, безусловно, не Мионой, а по приказу Этаны. Установлен только на время. Пошарив у себя в карманах, Максим достал карандаш и легонько стукнул по выступу, который сразу же отвалился. Максим тут же включил экран и начал торопливо перемещать кольцо вдоль стержня. По экрану снова побежали знакомые титры: «Электронная оболочка», «Атомное ядро»... Кибер едва успевал перечислять названия разделов физики. Но вот кольцо прошло место крепления стопора, и на экране засветились слова: «Энергия мезонного поля». Это было уже совсем новое для Максима. Он передвинул кольцо еще дальше и, боясь поверить своим глазам, прочитал: «Теория гравитации». Он почти влез в экран и, задышавшись от волнения, пробормотал:

— В чем же сущность гравитации?

— Гравитация... — начал спокойно Кибер. И умолк. А экран вдруг погас. И сейчас же резкий повелительный сигнал ближней связи прервал тишину.

Максим нажал клавишу в стене. Перед ним стояла... Этана.

Она отошла от огромного пульта с его бесчисленными щитками, тумблерами, циферблатами и не спеша, словно не отрываясь от текущих дел, подошла к экрану. Царственно-надменная голова инопланетянки медлен-

ю, как у богини, повернулась в сторону Максима. Руки поднялись в традиционном приветствии:

— Доброе утро, дорогой землянин.

— Здравствуйте... Этана... — совершенно растерялся Максим.

— Простите, я отрываю вас от ваших занятий, — продолжала она со знакомой ледящей улыбкой. — Но я предупреждала, что вы не сможете познакомиться с некоторыми разделами наших знаний, с теми, которые могут нанести вред вашей несовершенной цивилизации.

— Это был ультиматум. — Максим чувствовал свою вину, но знал в то же время, что она касается лишь его самого, что жизнь корабля и его хозяев он не нарушил ничем.

— Как бы то ни было, — так же холодно ответила Этана, — я не смогу изменить своего решения. Автомат восстановит поврежденные ограничители. Это займет всего несколько минут, после чего продолжайте ваши занятия.

Максим принял неожиданное решение:

— Мне надоели эти занятия. Тем более что утаивается самое важное... Я прошу вас дать мне возможность поговорить с вами.

Этана нахмурилась.

— Я знаю, вы всегда заняты, — сказал Максим. — И все-таки это необходимо...

Она села в свое рабочее кресло.

— Хорошо, я вас слушаю.

— Нет, простите, я не привык разговаривать с изображением, как бы прекрасно оно ни было. — Максим пожалел о сказанном, но Этана, он это увидел, растерялась от его слов.

— Не знаю... Хорошо. Я приглашаю вас завтра к себе в одиннадцать часов. Мой автомат проводит вас.

Экран погас. Максим вышел из информатория, поднялся к озеру, пошел вдоль берега. Надо собраться с мыслями, продумать хоть немного предстоящий разговор

с гордой, несомненно умной женщиной. Зачем он идет к ней? Разве можно представить, как она поведет разговор? Но он необходим. Максим не хочет быть пленником. Либо она выслушает его, отнесется как к равному, снимет все ограничения, либо... Послать все к чертям! Вернуться на Землю!

Максим вдруг увидел Миону. Она шла ему навстречу. И мысли его приняли другой оборот — вернуться на Землю? Значит, расстаться с ней? Потерять ее навсегда? Нет, это выше его сил. А если Этана будет упорствовать? Что делать тогда? Что делать?! Надо сегодня, сейчас же поговорить с Мионой обо всем. Он взял ее за руку, посмотрел ей в глаза.

— Миона, я давно хотел спросить тебя. Скажи, захотела бы ты переселиться на Землю?.. Нет, если, скажем, что-нибудь случилось бы здесь, на корабле... Смогла бы ты жить на Земле?

Лицо ее стало серьезным.

— Я не думала об этом. Во всяком случае... — Она не успела закончить фразу, как остров погрузился во мрак и мощный сигнал прорезал воздух.

— Что это? Почему исчезло солнце? — Максим привлек Миону к себе.

— Тревога, Максим! Потом поговорим... Мне нужно мчаться на аварийный пост. Ты беги к тому дому с аркой, к правой башне, войдешь в нее и увидишь красную кнопку. Нажми, откроется комната с аварийным креслом. Садись в него. Все остальное сделают автоматы. Быстрее! — Миона тронула губами его щеку и побежала к освещенной изнутри гондоле.

Солнце вдруг вспыхнуло и снова погасло. Так произошло один раз, другой... Новый сигнал прозвучал над островом.

— Максим! Макси-и-им! — закричала издалека Миона. — Скорее! Это авария! Быстрее в убежище!

Он изо всех сил побежал к той арке, на которую ему показала Миона. Добежал, обернулся и застыл на ме-

сте: гондола, на которой должна была улететь Миона, стояла неподвижно.

«Что там? Почему она не улетает?» — Он вернулся на дорогу, помахал в ту сторону. Гондола продолжала стоять. Не раздумывая, Максим бросился к ней, но добежать не успел. Почва задрожала, он споткнулся и на ходу рухнул, теряя сознание.

6

Очнулся Максим дома в постели и сразу же вспомнил, что произошло. Превозмогая боль, потянулся к экрану связи, но в это время стена спальни раздвинулась, и в комнату вошла... Этана. Лицо ее было, как всегда, непроницаемым. Все с той же ледяной улыбкой она подняла руки для приветствия, подошла к постели:

— Здравствуйте, Максим. — В голосе ее не было никаких чувств.

— Этана?! Что с Мионой?

— С Мионой? Миона занята своим обычным делом. Скоро навестит вас. А что произошло с вами? — Она села к изголовью Максима.

Он невольно нахмурился. Откуда он знает, что произошло. Она хозяйка всего здесь, ей лучше знать. И она, видимо, поняла его мысли:

— Не хотите, не отвечайте. Я вообще могла не беспокоить вас сегодня. Вы сами просили о встрече.

— Ах да! — вспомнил Максим. — Да, да... Все получилось так нелепо. Я очень хотел поговорить с вами. А вместо этого...

— Поэтому я и пришла сама. Нам действительно пора поговорить. Я не спешила потому, что ждала, когда вы привыкнете к нашей жизни. Но больше откладывать, кажется, ни к чему... Итак, почему цивилизация Агно не хочет поделиться всеми своими знаниями? Вы ведь об этом хотели говорить со мной?

— Да, но сначала...

— Сначала вам хотелось бы изменить мои представления о людях, о вашей цивилизации?

— Да... — смутился Максим, удивленный ее пронизательностью.

— Сначала поговорим о том, что было вчера. Вы знали об опасности? Миона предупредила вас?

— Да.

— Что же вы?

— Я хотел сделать все, что велела она, но заметил, что гондола, в которой должна была уехать Миона, осталась на месте. Решил, что...

— Что?

— Что Миона в опасности.

— И вы бросились ей на помощь?

— Как же иначе?

— Но вы знали, что сами подвергаетесь опасности?

— Знал, но опасность грозила и Мионе.

— Мионе не грозило ничего. И с вами ничего не случилось бы, если бы Миона не забыла включить ваш элемент связи. Теперь он включен, но не в этом дело. Скажите, мне это очень важно знать, что вы подумали перед тем, как броситься к гондоле?

— Я же сказал — подумал о том, что Миона в опасности.

— Да не о Мионе речь! Что вы думали о себе?!

— Я как-то... не успел об этом подумать.

— Вот! Так я и представляла. Странный, феноменальный элемент человеческой неполноценности — жертвовать собой ради других! Откуда он? Избавятся ли когда-нибудь люди Земли от него? Или это так же необходимо вам, как ваша алчность и жестокость?

— Вы эти качества уравниваете?

— Безусловно, ибо они неразумны и тормозят развитие цивилизации. Агно давно их преодолела, безопасность личности здесь гарантирована.

— Ну да, неясно одно — почему уровень цивилизации обеспечивается расчетом, одной лишь логикой?

— Только цивилизация, исключая вмешательство в свою структуру любой случайности (а мы достигли этого), способна быстро прогрессировать, увеличивать свой промышленный, энергетический, интеллектуальный потенциал, безгранично распространяться по вселенной, давая начало дочерним цивилизациям. Цивилизация, не способная исключить случайное, идет порочным путем, рано или поздно она запутается в противоречиях и придет к самоуничтожению.

— Не знаю... Что значит — цивилизация, идущая «порочным путем»?

— Это значит многое: и непрерывное наращивание оружия массового уничтожения, и злонамеренные эксперименты по изменению генетического кода человека, и создание искусственных полуразумных заведомо порочных организмов, и увлечение изготовлением недостаточно контролируемых кибернетических устройств, и прочее, и прочее... Вы прекрасно знаете, о чем я говорю...

— О том, что мы называем антигуманизмом.

— Пожалуй.

— Значит, бывают цивилизации гуманные и негуманные.

— Разумеется.

— Так гуманизмом и измеряется совершенство цивилизации.

— Понятие разума включает в себя и понятие гуманизма, — возразила Этана.

— Должно включать! — резко ответил Максим.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что в действительности не всегда бывает так. Разве не ум ученого, а значит, и разум вообще создает термоядерное или другое еще более страшное оружие, не разум рождает тупые беспощадные машины, способные уничтожить все живое? Или вы допускаете существование двух разумов — гуманного и негуманного?

— Ни в коем случае. Речь может идти лишь о двух ступенях в развитии разума: низшей и высшей. На первой ступени возможно и проявление антигуманизма, как нередко бывает у вас, для второй это абсолютно исключено.

— И вот эти-то цивилизации низшего разума и стоят как бы на распутье, подняться ли им на более высокую ступень или прийти к самоуничтожению?

— Вы совершенно правы.

— Чем же предопределен их дальнейший путь?

— Во всяком случае, не вмешательством другой цивилизации. Вот я и отвечаю на вопрос, который мучает вас столько времени... Представьте, что будет, если, скажем, я передам в распоряжение землян сведения о гравитации, энергии мезонного поля, технике преобразования генетического кода и многом другом, в то время как не проходит дня на Земле, чтобы там не лилась кровь. Если эти сведения попадут к маньякам войны и террора, очень быстро это безумие они перенесут в космическое пространство, не довольствуясь тем злом, какое они принесли своему дому.

— Но, кроме маньяков, у нас есть другие люди и целые государства, способные обуздать безумцев. Именно разум этих людей и их чувства, благородные чувства, в том числе способность к самопожертвованию, против которой вы так негодуете, не раз и спасали людей от господства фанатиков.

Максим почувствовал резкую боль, след вчерашней неразумной попытки защитить Миону, и застонал.

Этана поднялась:

— Вернемся к нашему разговору через два дня. Поправляйтесь. Думаю, это произойдет скоро — в вашем распоряжении все разумные плоды нашей медицинской науки. Прощайте!

Она быстро вышла, не обернувшись, не сделав ни одного лишнего движения...

После ее ухода, когда боль утихла после вмешатель-

ства робота, Максим предался размышлениям. Представители высокоразвитой цивилизации могут дать начало новым дочерним цивилизациям, сказала Этана. Но как это происходит? В какой форме? Что, если бы нечто такое случилось в свое время на Земле? Что, если Антон был все-таки прав?

Эта мысль ошеломила Максима.

7

Робот Этаны явился за Максимом ровно через два дня. Оранжевый автомат, помигивая фонариком, вошел в проем стены. Усики-антенны этой «коровки» приподнялись, круглый глаз объектива уставился на Максима.

— Командир просит землянина к себе, — произнес он на чистом русском языке. — Если вы свободны, можете следовать за мной.

— Готов, готов... — сказал Максим, почему-то кивнув роботу.

Тот развернулся и направился к выходу. Максим пошел за ним. Так дошли они до Дворца, поднялись по небольшой лестнице и, пройдя несколько комнат, остановились перед высокой стеной с замысловатым барельефом. Робот сейчас же двинулся назад. И как только фонарик его исчез за поворотом, стена распахнулась, открыв перед Максимом большой овальный зал. Он думал, что увидит знакомый уже интерьер — пульт и все такое прочее, но оказался в комнате, похожей на земную, в центре которой был стол с букетом цветов и фруктами, а вдоль стен расположилась изящная скамья из полированного розового дерева. Окон здесь, как и повсюду на корабле, не было, но чуть выше спинки скамьи по всей длине стен, так же как у Мионы, задрапированных белой шелковистой тканью, тянулся сплошной ряд зеркальных светильников, дававших дневное освещение.

Не только этот изысканный интерьер, но и внешность

Этаны удивили Максима. На ней было надето белое открытое платье, волосы, собранные в тугий узел, заколоты крупной аквамариновой шпилькой. Этана приветливо улыбалась. Она встала с дивана и пошла ему навстречу с традиционно поднятыми руками. Он церемонно и неловко сделал поклон.

— Здравствуйте, Максим. Садитесь, прошу вас. — Она опустилась на диван, жестом показала, чтобы он сел рядом. — Итак, каковы же ваши соображения о путях развития цивилизации? Что вы ставите выше разума — главного двигателя жизни?

— Не спорю, Этана, что главный двигатель прогресса — разум. Но чтобы разум руководил поступками людей, рождал продуктивные для человеческого блага идеи, нужно, чтобы он был освещен высоким чувством. Подвиг — вот что способствует сохранению жизни на Земле и, в конце концов, ее движению вперед. И такими подвигами, Этана, взлетами беспредельного благородства, полна вся история человечества Земли. Без них голый разум не имел бы выбора, скоро стал бы слепым и разбил бы свой череп о стену. Неужели Система Агно, всевидящая и всезнающая, не может понять важности этого фактора?..

Сейчас цивилизация Агно достигла таких высот, что ей, кажется, не в чем упрекнуть себя. Но ведь было и у нее начало. Было такое же состояние «дикости», как у нас на Земле. Что вывело ее из такого состояния, только разум? Едва ли. Вы просто не знаете об этом потому, что потеряли связь с далеким прошлым. А мы знаем потому, что переживаем это сейчас. Только государства, где у власти стоят люди труда, могут оказать достойное сопротивление тому безумию, о котором вы говорили. Нам нужно еще так много и любви, и ненависти, и самопожертвования, чтобы покончить с этими пережитками проклятого прошлого и вывести цивилизацию Земли на путь действительного прогресса. Неужели вы не согласитесь со мной, Этана?

Она не перебивая слушала Максима. Наконец улыбнулась своей загадочной улыбкой:

— Мне было интересно слушать вас. Да, мои автоматы не все фиксируют и многого не заметили. Между прочим, была и в нашей истории эпоха Ингрезио. Я расскажу вам как-нибудь о ней... Мы еще продолжим этот разговор. Что же касается нашего небольшого конфликта, — Этана улыбнулась, — то сделаем так: снимаю ограничения с информации об общих вопросах гравитации, без которых действительно нельзя продвинуться хотя бы в теории строения вещества. Но все, связанное с использованием гравитационных волн и энергией гравитационного поля...

— Я понял вас, Этана. Спасибо.

— Не спешите уходить. Мне хотелось бы все-таки показать вам настоящую цивилизацию. Для беседы я очень устала сегодня, не спала почти всю ночь. Потерпел аварию один из челночных кораблей на Марсе. Прямое попадание метеорита. Еле удалось поднять корабль с планеты. Сейчас вы побываете на второй планете Агно.

— Опять через иллюзионорий?

— Да. Но вы узнаете и другие его свойства.

8

Они оказались в знакомом Максиму черном зале. Этана помогла ему замкнуть зажимы на руках.

— Постарайтесь ничему не удивляться. Все речевые сигналы будут синхронно переводиться на ваш язык, все единицы меры длины, времени и прочее будут также переводиться на земные меры... Кстати, у жителей Агно один способ передвижения — гравилет. В нем мы и отправимся.

Светильник погас. Когда темнота рассеялась, Максим обнаружил, что находится он уже не в иллюзионории, а рядом с Этаной высоко над морем в прозрачной гондоле, укрепленной на небольшом тороидальном диске.

— Океан Эо, — сказала Этана, указывая вниз. — Он занимает почти всю территорию планеты. Вы слышали, наверное, от Мионы, что у нас очень мало суши. Поэтому люди живут главным образом на островах и искусственных платформах. Видите эти большие зеленые круги?

— Вижу.

— Это жилые зоны, занятые лесопарками. Как на корабле. Все промышленные предприятия, рудники, энергетические установки находятся на дне океана. Там же проходят основные транспортные магистрали. А теперь смотрите — я включу оптическую и акустическую систему гравилета.

Сразу стали видны, совсем с короткого расстояния, предметы, люди, их лица... В гондолу ворвались голоса, шум деревьев, ритмичные удары волн и совершенно особый, ни с чем не сравнимый запах — запах другого мира.

Максим многого не успел разглядеть, потому что аппарат снова взмыл ввысь. Запомнилось только, что, несмотря на пестроту одежды, обитатели планеты показались ему одинаковыми, схожим было выражение их неподвижных лиц.

— Летим на космодром, — сказала Этана. — Планета готовится к встрече галактического корабля. Видите этот сигнал в небе?

— А ваша столица?.. Мы не увидим ее?

— У нас нет столицы.

— Но должны же где-то находиться органы управления государством?

— Их просто нет в Системе.

— Как же все-таки организовано ваше общество?

— Я могла бы рассказать, но лучше, если вы послушаете кого-нибудь из самих жителей Агно. Я позабочусь об этом. А вот и Главный космодром планеты! — указала Этана на серебристое кольцо с плоской поверхностью, лежащее почти вровень с водой.

Через несколько минут быстродвижущаяся лента подводного путепровода перенесла их со стоянки гравилетов на платформу космического вокзала. К удивлению Максима, здесь было почти пусто. Десяток человек медленно прохаживались вдоль небольшого парапета, отделяющего широкую ленту гофрированного металла от обширной внутренней бухты.

И это все?! В ожидании такого события, как прилет галактического корабля! Максим отказывался верить своим глазам. Но Этана, видимо, считала это в порядке вещей. Подойдя к небольшой стойке с экраном, она нажала клавишу:

— Командир галактического корабля Ао Тэо Ларра. Мне нужно связаться с кем-нибудь из членов Высшего директориума.

— Один из них только что прибыл на Главный космодром. Сейчас вы его увидите.

Через несколько секунд на них смотрели с экрана умные, пронизательные глаза немолодого мужчины:

— Чем могу быть полезен?

Этана протянула к нему руки в знак приветствия:

— Мой друг хотел бы познакомиться с общественным устройством Агно. Поговорите с ним.

— Я смогу с ним побеседовать через двенадцать минут здесь, на космодроме Эо. Ждите меня, не уходите.

Экран погас. Видимо, истекли двенадцать минут, потому что Этана воскликнула:

— А вот и он!

К ним шел, протягивая руки для приветствия, высокий темноволосый атлет, лицо которого они только что видели на экране.

— Добрый день, друзья! Рад познакомиться с милой соотечественницей и особенно с вами, мой друг. Меня зовут Горо.

Максим и Этана назвали себя.

— Где же мы побеседуем, друзья? — продолжал Го-

ро, с видимым интересом приглядываясь к Максиму. — И не будет ли это скучно вам, Этана?

— Я оставлю вас, пожалуй, — ответила та, поняв намеки Горо, — сама разыщу вас потом.

— Очень хорошо. Тогда вот что, Максим, поднимем-ка в воздух. Там никто нам не мешает. — И, простившись с Этаной, он снова повел Максима на стоянку гравилетов.

...Они летели высоко над океаном.

— С чего мы начнем, друг? — спросил Горо, откинувшись на спинку кресла.

— Я хотел, чтобы вы рассказали об общественном устройстве Системы Агно...

— Отвечаю. Исполнительная власть осуществляется Главным кибернетическим устройством Системы. Это чрезвычайно сложная структура, на создание которой ушло, пожалуй, более миллиона лет, но которая по праву может считаться самым большим достижением цивилизации Агно. В Главном Кибере сосредоточены все наши знания, все достижения нашей науки и культуры, и, что самое главное, все это практически мгновенно может стать достоянием любого гражданина Системы. Это, если хотите, коллективный мозг нашего общества.

Главный Кибер осуществляет планирование и непосредственное руководство всей промышленностью, энергетикой, транспортом, добычей и переработкой сырья. Наконец, тот же Кибер по первому требованию предоставляет в распоряжение любого гражданина все материальные блага и технические ресурсы в рамках, разумеется, установленных для данной эпохи, и немедленно приходит на помощь каждому попавшему в беду, используя все имеющиеся в его распоряжении средства. Вот как мы понимаем исполнительную власть.

Теперь о власти законодательной. Она, напротив, ни в коем случае не может быть передана машине... О, смотрите, челночный корабль звездолета! — Горо привстал и развернул аппарат так, чтобы можно было лучше ви-

деть платформу космодрома. Максим прильнул к прозрачной стенке гондолы. К центральной части серебристого кольца медленно, словно поддерживаемый невидимыми пружинами, опускался громадный голубой торид, такой, какой он видел в последние минуты пребывания на Земле. Но тогда Максим видел лишь часть его, смутно видневшуюся во мраке ночи. Теперь же гигантский бублик, исчерченный мозаикой кругов, ромбов, сферических треугольников, был перед ним как на ладони. Жаль только, что они с Горо отлетели далеко от космодрома. Трудно будет рассмотреть встречу корабля. Однако Горо словно прочел его мысли:

— Придется включить оптическую и акустическую системы.

И вновь произошло чудо. Аппарат словно переместился к самой платформе космодрома. Сразу стали видны лица встречающих. Был слышен их говор, шарканье подошв по платформе и нарастающий гул опускающейся громады корабля. Глаза Максима жадно перебегали с толпы на торид и обратно.

Между тем челнок коснулся поверхности воды и замер. Встречающие — их набралось теперь человек триста-четыре — стояли вдоль внутреннего обвода бухты. Люки корабля раскрылись. Счастливые лица астронавтов. Максим почувствовал, что даже у него предательски запершило в горле. Торжественная минута приближалась. Казалось, еще секунда, и космодром взорвется от бури восторгов...

Но ничего подобного не произошло. Встречающие медленно, словно нехотя, вытянули вперед руки. Некоторые из них выдавили из себя какое-то подобие улыбки, другие просто скользнули равнодушным взглядом по люкам корабля. Лица встречавших были каменными. Ни один возглас не нарушил тягостной, как ее ощущал Максим, тишины.

Люки корабля захлопнулись. Он медленно погрузился в пучину вод. А сверху опускался уже второй ко-

рабль. Потом третий... И все происходило точно так же.

Максим с укоризной посмотрел на Горо. Тот понимающе кивнул:

— Да... Я и сам немного отвык от холодности своих соотечественников. Я ведь лишь недавно вернулся из большого галактического рейса. Однако, может, так и должно быть? Нельзя же давать волю чувствам...

— Но почему же, почему?

— Чтобы не дать им побороть себя, чтобы не увлечься необдуманными поступками.

— Разве они всегда опасны?

— Иногда — да. — Горо вдруг нахмурился, словно вспомнил о чем-то неприятном, и резко переменял тему:

— Общественное устройство? Законодательная власть осуществляется здесь Высшим директориумом Системы, члены которого не избираются и не назначаются. Он не ограничен ни количеством законодателей, ни сроком их полномочий. Членом директориума может стать каждый, кто хочет и считает себя способным к руководству Системой. Он должен лишь сдать соответствующий экзамен Главному кибернетическому устройству. Одним из таких законодателей являюсь я. Нас очень немного. Мы живем в разных уголках Системы, вплоть до искусственных спутников и галактических кораблей. Кстати, каждый командир галактического и внегалактического корабля становится автоматически членом директориума. Это вытекает из самой сущности космических экспедиций. Наши корабли летят лишь с одной целью — за знаниями. Мы очень редко собираемся вместе. Мы не заседаем, не проводим дискуссий, не голосуем. Мы лишь время от времени обмениваемся мнением по самым важным и интересным вопросам, используя обычные каналы связи. Мы не пользуемся абсолютно никакими привилегиями по сравнению с другими гражданами Системы, кроме одной — Кибер регулярно информирует нас о всех событиях, происходящих в Системе и за ее пределами. Впрочем, такую ин-

формацию при желании может получить и любой другой гражданин Системы.

Как же осуществляем мы свои законодательные функции? По каждому вопросу, возникшему у Кибера или поднятому одним из членов директориума, равно как и любым гражданином Системы, Электронный секретариат директориума — единственная ячейка, не подчиняющаяся Киберу, — запрашивает мнения членов директориума. Это свое мнение мы направляем в секретариат, и тот анализирует его. В случае совпадения не менее чем восьмидесяти процентов рекомендаций членов директориума они становятся законом и вводятся секретариатом в обязательную программу Главного кибернетического устройства. В противном случае секретариат уведомляет нас, что мы не пришли к общему мнению и должны еще раз подумать над поставленной проблемой. В этом случае каждый член директориума может ознакомиться с рекомендациями и других членов...

Они беседовали долго, пока их не прервала Этана:

— Нам пора, Максим.

Максим встал, извинился:

— Позвольте задать вам еще один вопрос. Почему вы решили стать членом директориума?

— Причин много. Я с детства, еще будучи в космосе, интересовался общественным устройством различных цивилизаций. А потом... Пора уже менять кое-что в Системе.

— Что же вам в ней кажется несовершенным?

Горо неожиданно улыбнулся:

— Именно то, что все у нас слишком совершенно. И это, оказывается, отнюдь не лучшая обстановка для истинного развития человеческого общества.

Этана ждала их в гравилете. Вместе с ней в гондоле сидела другая молодая женщина, смуглая, темно-волосая, с удивительно красивыми глазами янтарного цвета.

— Знакомьтесь, друзья, — сказала Этана. — Риека полетит с нами, ей по пути. Прощайте, Горо.

Гравилет снова летел над бескрайним океаном.

— Риека, — сказала Этана, обращаясь к молодой спутнице, — Максим — житель другой планеты и другой системы, и ему очень хотелось бы познакомиться с нашей эпохой Ингрезио. Ты историк, хорошо знаешь ее.

— Эпоха Ингрезио? Но ведь это очень древняя эпоха. Мы знаем о ней больше по легендам, чем по документальным источникам. Тогда не было не только Кибера, Системы, не было даже информаториев планет. Система состояла из многих враждующих государств, а люди были сущими дикарями — они убивали друг друга. И вот тогда, если верить сказаниям, здесь, на второй планете, был выведен дивный цветок — ингрезио или, на языке древних, «надежда на счастье». Произошло удивительное чудо. Аромат цветка сделал людей мягче, добрее, заставил их забыть вражду, ненависть, позволил слиться в одну дружную семью, какой мы знаем сейчас Систему.

— Если верить сказаниям... А как было на самом деле? Как вы считаете?

— Я считаю, что все это, конечно, сказка. Красивая сказка! Но, как и во всякой сказке, в ней есть своя большая мудрость. Ясно, что то было время борьбы добра и зла. И победило добро...

— Каким образом? — Максим сгорал от нетерпения.

— Об этом тоже можно только гадать. Документов того времени осталось мало, и они противоречат друг другу. Скорее всего правы те исследователи, которые считают, что решающую роль сыграло открытие гравитационной энергии. Группа ученых, которая сделала это открытие и которая отдавала себе отчет в трагических последствиях, к каким может привести использование гравитационного оружия, предъявила нечто вроде ультиматума агрессивно настроенной державе, заставив уничтожить все виды вооружения и сесть за стол переговоров. Представьте, что произошло бы, если бы результаты их трудов попали в руки властолюбивых негодяев, ка-

ких достаточно было в то время в мирах Системы. Наступил бы невиданный разгул деспотизма, а может быть, и гибель цивилизации. Но миролюбивые силы спасли планету, умело применив блестящее открытие. Вот где источник сказаний об ингрезио. А народ потом облек все это в поэтичную форму.

— Но ведь такой цветок действительно существует, — возразила Этана. — Астийский эдельвейс, — шепнула она Максиму.

— Да, это так, — продолжала Риека. — И мы располагаем уже документальными данными, что специальным решением Высшего директориума ингрезио был запрещен во всей Системе. Исключение предоставили лишь галактическим кораблям. Вот почему я так рвалась на эту встречу. Увидеть живой ингрезио — мечта моей жизни! Да где там! Кибер позаботился, чтобы цветок не попал даже на челночные корабли.

— Но почему цветок запретили? — спросил Максим.

— Потому что он действительно делал людей более эмоциональными, менее рассудочными. Недаром народ именно его взял в сказку. И я до сих пор не могу согласиться с этим. Наши чувства притупились. А я бы засадила сады этими чудесными цветами...

— Зачем? — пожала плечами Этана.

— Чтобы вернуть людям настоящее человеческое счастье. Я уверена, что соотечественники Максима много счастливее, чем мы. Жизнь их богаче, чувства глубже, любовь красивее. Так ведь, Максим?

— Мне трудно судить...

— А вы расскажите нам о вашей любви.

— Любви землян?

— Да, о самой красивой, какую пережили вы.

— Я всю жизнь любил и люблю одного человека, — ответил Максим и тут же засомневался в искренности своего ответа.

Высадив Риеку, гравилет снова поднялся в воздух. Небольшой зеленый островок, где жила девушка-исто-

рик, быстро скрылся в туманной дымке, и теперь из бирюзовых волн поднимались роскошные дворцы и громадные спортивные сооружения, предназначенные, наверное, для всепланетных празднеств. Это был, по-видимому, один из самых красивых уголков планеты.

Этана, бледная и задумчивая, сидела, не отрывая взгляда от линии горизонта, не обращая внимания на проплывающие внизу чудеса архитектуры и инженерного искусства. Наконец спросила Максима:

— Что скажете о нашей спутнице?

— О Риеке? Очень милая девушка, — сразу же ответил Максим. — Я рад, что вы познакомили меня с ней. Мне кажется, она непохожа на других, в ней больше своего, что ли. А вдруг за такими людьми будущее Системы Агно?

— Вот как! Едва ли. Но не буду вас разубеждать. Кстати, вы ей тоже понравились. И очень. — Она снова замолчала.

— Скажите, Этана, — спросил Максим, желая прервать тягостное молчание. — Как производятся в Системе продукты питания? Ведь на островах и искусственных платформах растут лишь декоративные растения.

— Разумеется. Разве мы можем позволить себе использовать эти крохотные участки суши под поля и пастбища! Белок животного происхождения дает нам океан. Ну а фрукты и овощи... Они тоже выращиваются на дне моря. В океане много отмелей глубиной не больше десятка метров, на них и созданы наши фабрики фотосинтеза. И если хотите взглянуть на них...

— Очень хочу!

— Тогда простимся ненадолго с небом. Это здесь, под нами.

Гравилет резко снизился, заскользил по гребням волн и вдруг стремительно пошел под воду. Внутри гондолы сгустился зеленый сумрак. Но вот показалось дно, покрытое буроватым илом, полого поднимающееся вверх. Этана отжала педаль, и гравилет замедлил ход, тихо

приближаясь к огромному прозрачному куполу, под которым можно было различить зеленые кроны деревьев, увешанные золотистыми плодами.

Людей нигде не было видно. Зато Максим заметил роботов, точно таких, к каким привык на корабле Этаны. Они деловито рыхлили почву, убирали сорняки, очищали деревья от сухих сучьев. Больше здесь смотреть было нечего. Гравилет совершил облет купола и начал уже подниматься вверх. Максим увидел какое-то странное зрелище: под другим куполом было нечто похожее на застывший фейерверк.

— О, стоит посмотреть, — оживилась Этана. — Это подводная оранжерея! Редкость даже для второй планеты. Чудо, что мы ее встретили. Посмотрим? — спросила она, направляя аппарат к многоцветному куполу.

Гравилет приблизился к зданию и остановился у эллипсоидального шлюза, послушно распахнувшего двери. Невидимые компрессоры в считанные секунды откачали воду. Этана раскрыла люк и выпрыгнула наружу. Максим последовал за ней. Они были окружены морем цветов — красных, белых, синих, фиолетовых, черных; простых и махровых, словно покрытых лаком, и матово-бархатистых, поглощающих свет, — сплошные заросли цветов. Вдоль стены можно было протиснуться внутрь цветочного царства. Впрочем, здесь, в глубине питомника, кое-где заметны были следы тропинок, правда заросших, но пройти по ним все-таки было можно. Максим побрел по одной из дорожек, не переставая восторгаться чудесами флоры. Этана остановила его:

— Подождите, Максим. Мы попали в брошенную оранжерею. Надо вернуться.

— Оттого она так прекрасна, что не ухожена...

— Возможно. Здесь очень трудно ходить...

Резкий щелчок не дал ей договорить. Со стороны шлюза донесся скрежет.

— Максим! Это... — Голос Этаны потонул в нара-

стающем грохоте: задняя часть стены рухнула, и разъяренный поток хлынул к ним под купол.

Максим не успел еще испугаться, как Этана бросилась к стене и всем телом повисла на большом красном рычаге. В тот же миг прозрачная стена преградила путь беснующейся воде. И сразу погас свет. Лишь редкие оранжевые фонарики, выполнявшие роль сигнальных огней, слабо светились наверху.

Этана в изнеможении опустилась на траву.

— Плохо дело, Максим. Нам, конечно, не надо было идти сюда. Теперь мы отделены водой от всего мира.

— Но разве у купола нет другого шлюза?

— Есть, на противоположной стороне. Но там нет гравилета. А над нами не меньше пяти метров воды. Да и что сделаешь сейчас, на поверхности бурлящего океана?

— Разве Главный Кибер не будет искать нас?

— Нет. Я же родилась не здесь и не связана с Главным кибернетическим устройством Системы. Кибер просто не знает ни меня, ни вас. Поэтому он и не заблокировал перед нами вход в это ветхое сооружение. — Она прижала руки к вискам. — Конечно, я что-нибудь придумаю. Должна придумать... Как я устала, Максим, я немного отдохну, ладно?

— Конечно, о чем говорить! Я с удовольствием поброжу здесь один. — Он кивнул Этане и, подойдя к прозрачной стене, прижался к ней лицом.

Море жило своей загадочной жизнью: какие-то длинные змееподобные существа извивались у самого основания купола, большие оранжевые шары парили в толще воды, быстро, как молнии, мелькали стремительные торпеды светящихся рыб. Максим не очень чувствовал трагизм положения. Он уже привык к тому, что местная жизнь не обходится без серьезных происшествий. Когда он вернулся к Этане, она крепко спала.

Максим невольно улыбнулся. Сейчас перед ним была просто слабая, абсолютно беззащитная женщина.

«Ничего ты больше не придумаешь, дитя суперцивилизации! — подумал он. — Ты сильна лишь под крылышком электронных сторожей. А здесь должен мозговать я». И, сев возле спящей Этаны, Максим стал оценивать ситуацию... Через второй шлюз можно выбраться из купола. Это не составит труда. Дальше — пятиметровый столб воды. Тоже не проблема. Труднее будет найти шлюз с гравилетом. Но и это не безнадежное дело. Хуже, если вышли из строя механизмы шлюза, если нельзя будет откачать воду. Тогда из всей его затеи не выйдет ничего. Но это единственная возможность спастись. Не исключено, что она не умеет даже плавать. Придется рискнуть... И, взглянув еще раз на спящую женщину, убедившись, что сейчас ей беда не угрожает, Максим отправился на поиски шлюза.

Шлюз оказался близко, и, как он и ожидал, через него можно было выйти в океан. Максим вынырнул на поверхность, глотнул свежего воздуха, огляделся, потом нырнул. Опоясанный кольцом оранжевых фонариков, купол хотя и слабо, но был виден. В считанные секунды Максим достиг первого шлюза, проник сначала внутрь камеры, а затем в гравилет. Перевел его во второй шлюз. А еще через полчаса снова был в теплом, напоенном удушливыми ароматами полумраке оранжереи. Но почему здесь так трудно дышать? И вдруг понял: цветы, как только погас свет, перестали выделять кислород, и питомник заполнился губительным углекислым газом. Что там с Этаной? Он побежал, а когда, с трудом переводя дыхание, достиг того места, где спала Этана, увидел, что она лежит в том же положении, в каком он оставил ее.

— Этана! Да проснитесь же, Этана!

Она медленно открыла глаза, с трудом подняла голову:

— Это вы, Максим?.. Ох, как кружится голова. Это углекислый газ! Ну да, погас же свет. Вы, наверное, тоже чувствуете? Надо что-то придумать... — Она попыталась встать и снова опустилась на траву.

— Ничего не надо придумывать. Я все сделал.

— Что сделал?

— Перевел гравилет во второй шлюз.

— Как?

— После расскажу. Все после! А теперь бежим! Скорее из этой ловушки.

— Да-да... — Этана заставила себя встать, сделала два шага, но покачнулась, оперлась о его руку.

— Этана, вам очень плохо? Этана... — Он поднял ее и понес к шлюзу. Усадив осторожно на сиденье, вывел гравилет на поверхность, поднял над океаном, на который уже спустилась ночь. Этана не двигалась, оставаясь в глубоком забытии. Максим попытался привести ее в чувство, а когда глаза ее открылись, она огляделась по сторонам:

— Максим, где мы?

— Не знаю. В воздухе, над океаном. И живы.

— Сейчас все пройдет, мне уже лучше. — Она откинулась на спинку кресла и прикрыла лицо руками. Когда она снова открыла его — перед Максимом была прежняя Этана, холодная и неприступная.

— Сейчас я сориентируюсь. — Она взглянула на небо, сделала несколько движений рукой. Гравилет плавно развернулся и на огромной скорости двинулся сквозь эту чужую им ночь.

И вдруг все вокруг исчезло. Мгновение полной темноты. Сильное головокружение. И матовый светильник зажегся у них над головой, осветив большой круглый зал и два кресла, в одном сидела Этана, в другом он — Максим.

— Иллюзионорий! — вырвалось у него.

— А вы как думали? — невозмутимо откликнулась Этана.

— Я просто ни о чем не думал. Все было таким естественным...

Максим смотрел на Этану, она сидела бледная, осунувшаяся. Максим чувствовал, что сил и у него почти нет.

С трудом они выбрались из кресел. Лифт поднял их в в овальную гостиную. Этана в изнеможении опустилась на диван. Максим сел рядом. Голова у него кружилась, все тело болело.

— Что вы на это скажете, Максим? — спросила Этана.

— До сих пор не могу поверить...

— В возможности нашей техники?

— Нет. Какой там были вы, Этана. Совсем другой...

Она слегка покраснела, встала, сухо бросила Максиму:

— Это был иллюзионорий! Всего лишь иллюзионорий!

И вышла на улицу. Максим побрел следом и скоро потерял ее из виду.

— Всего лишь иллюзионорий... — Максим усмехнулся и, отыскав свою тропинку, пошел вниз по склону.

9

Этот вызов был больше чем странным. Максим еще спал, когда прозвучал сигнал ближней связи и на экране появилась Этана:

— Простите, Максим. Мне нужно вас видеть. Немедленно! Я жду вас в гостиной.

Он почти бегом вбежал во Дворец правителя. Этана ждала его, и первый же вопрос огорошил Максима:

— Вы не хотели бы побывать в открытом космосе?

— Что-нибудь случилось?

— Да, несколько минут назад корабль столкнулся с астероидом. Защитное поле уничтожило его. Но взрыв повредил антенну дальней связи. Автоматы не могут сделать ремонт — антенны слишком чувствительны к любому постороннему полю, а у автоматов очень мощное силовое поле. Остается одно: выйти в космос и исправить повреждение вручную. Кибер считает, что достаточно повернуть антенну вокруг оси. Но у меня просто не хватит сил. Поэтому я должна просить вас пройти со мной.

— Ясно! Пойдемте, сделаю, что нужно, если получится.

В камере шлюза их поджидали два автомата со скафандрами в рычагах-захватах. Один из них подошел к Этане, другой к Максиму. Этана подняла руки:

— Сделайте так же, Максим.

Максим приподнял руки и тотчас взлетел к потолку, его подхватили под мышки мягкие эластичные захваты, выдвинувшиеся из спинки робота. После этого автомат просто вставил его в скафандр, как вставляют руку в перчатку, и опустил на голову прозрачный шлем.

Он услышал голос Этаны:

— Приготовьтесь к выходу. Автоматы откачают воздух из шлюза, и платформа поднимет нас в космос.

Роботы исчезли за стеной. Этана подошла к Максиму и пристегнула к его скафандру тонкий тросик. Свет погас. В большом проеме над головой показались звезды. А пол шлюза медленно пошел вверх.

Максим постарался унять предательскую дрожь в коленях. Ему показалось, что леденящее дыхание космоса сковало плечи и окутывает уже все тело. Его ободрял только голос Этаны.

Платформа пошла медленнее. Наконец она дрогнула и остановилась. Максим огляделся. Теперь звезды окружали его со всех сторон. Казалось, нет такой силы, которая заставила бы Максима сделать хоть один шаг в зияющую бездну.

Он услышал спокойный голос Этаны:

— Сейчас я включу фонарь, и вы пойдете за мной. Идите тихо, не отрывая подошв от оболочки.

Действительно, рядом вспыхнул свет. Совсем рядом! А он боялся, что Этана уже ушла далеко вперед. Он хорошо видел ее — скафандр инопланетянки закрывал собой часть звездной сферы, тонкий луч фонаря прорезал кремешную тьму.

Вот луч качнулся и двинулся вперед. Максим осторожно выставил ногу. Подошва скользнула по гладкой

твердой поверхности. Он почувствовал себя уверенней, переставил вторую ногу — сделал новый шаг.

— Не торопитесь, Максим, не торопитесь! Это совсем недалеко, — подбодрила его Этана, указывая направление лучом света.

Максим пошел уверенно. Главное было почувствовать, что под ногами твердая опора. А луч между тем выхватил из темноты ажурное металлическое сооружение, похожее на широкое кольцо.

— Вот и антенна! — сказала Этана, осветив ее. — Теперь можно идти быстрее. Только по-прежнему не отрывайте подошв от оболочки и не делайте резких движений.

Они шли молча еще несколько минут. Наконец луч уперся в решетку-преграду. Этана остановилась. Максим ухватился за верхний обрез кольцеобразной антенны. Она доходила ему до пояса, но стенка ее была широкой и массивной.

— Подождите, Максим. Я устанавливаю переносной экран связи.

Наступила пауза, потом Максим снова услышал ее голос:

— Начнем, Максим. Попробуйте медленно, очень медленно вращать эту чашу от меня вправо.

Максим нажал на обод антенны, стараясь повернуть ее в том направлении, куда указала Этана. Но это оказалось непросто. Антенна словно прилипла к корпусу корабля. Он напряг мускулы, нажал сильнее. Снова никакого результата. Тогда, опершись в обшивку ногами, он навалился на обод всем телом, потянул его изо всех сил и... полетел в бездну. Металлические перчатки скафандра соскользнули с гладкой кромки антенны, а толчок был таким сильным, что он, подобно камню, выпущенному из пращи, полетел в открытый космос.

Звезды мелькали вокруг него со всех сторон, а черная громада корабля уходила в сторону с катастрофической быстротой. Максим замахал руками и ногами, стараясь остановить свой полет, и вдруг услышал голос Этаны:

— Спокойно, Максим! Прижмите ноги и руки к туловищу. Сейчас я подтяну вас к себе.

Он почувствовал легкий рывок и понял, что падает обратно на корабль. А в его шлеме снова послышался усталый голос Этаны:

— Хватит, Максим. Я так и думала, что без механизмов здесь не обойтись. Пойдемте обратно.

Максим проявил упрямство:

— Как пойдемте? Так ничего и не сделав? Нет! Попробуем еще.

— А если снова сорветесь?

— Вы снова подтянете меня.

— Боюсь метеоритов. Ведь защитное поле отключено. А наши скафандры...

— Знаю. Попробуем еще. Включайте экран!

Этана опять склонилась над экраном. А Максим ухватился за обод антенны, навалился на него всем корпусом:

— Кажется, пошло...

— Стоп! Стоп, Максим. Хорошо... Проверю фиксатор... Все! Отлично. Возвращаемся!

Через полчаса фуникулер доставил их обратно во Дворец. Оба были измучены, но Этана не отпустила Максима. Она провела его в свои апартаменты и начала неожиданную исповедь:

— Садитесь, Максим. Вы оказали неоценимую услугу звездолету и вправе ждать от меня благодарности. Но у нас не принято это. Единственное, что я могу, это раскрыть перед вами все, что я скрывала. Я не хочу, чтобы между нами оставались недоговоренность, недоверие, фальшь. Вы удивительный человек, и мы должны стать настоящими друзьями. Я искренне хотела бы этого. — Этана смотрела на послушно внимавшего ей Максима. Он молчал. — Итак, слушайте!..

Этана начала длинный рассказ о том, как два миллиона лет назад астронавты Агно открыли Землю — планету, биосфера которой мало чем отличалась от биосферы их родных миров. Открыли новую планету и остались на

ней в результате аварии. Запасов энергии хватило лишь на кратковременный импульсный сигнал, чтобы Система узнала об участии пропавшего звездолета. Но экипаж его остался на планете, где можно было дать начало новой цивилизации. И для выяснения судьбы астронавтов был послан галактический корабль Ао Тэо Ларра.

Полет Ао Тэо Ларра сложился так же трагически. Однако Этана разыскала остатки первого корабля, изучила Землю и установила, что земляне не имеют никакого отношения к астронавтам Агно, которых погубили микроорганизмы Земли. Единственное, что могли они сделать, это существенно ускорить процесс очеловечения земных обезьян, вложить в их достаточно развитый мозг основы мышления.

— Они действительно сделали это? — Максим понимал, что в эти минуты он приближается к решению тех загадок, которые мучили его всю жизнь.

— Не знаю, сделали они это или нет. Я бы не стала этого делать. Но такая возможность у них была. Высказывания вашего друга Платова об истоках некоторых религиозных представлений не лишены здравого смысла. Вот именно: «всемогущий и всевидящий» бог землян, без ведома которого ни у одного человека «волос с головы не упадет», очень напоминает Главного Кибера Системы. Но не об этом сейчас речь. Выполнив первую задачу, я должна была решить и вторую: возвратить Ао Тэо Ларра в Систему и сообщить ей о результатах экспедиции. А это очень непростая задача. Космические рейсы таят столько неожиданностей, что никто не может сказать, сколько времени потребуется для нашего обратного пути — годы или столетия. Поэтому прежде всего я должна была позаботиться об элементарном продолжении нашего рода, иначе говоря, о человеке, который дал бы жизнь сыну Мионы... Вот видите — и такие функции есть у командира корабля. Вас это не смущает? Не удивляйтесь тому, что еще услышите...

Вот что услышал от нее Максим.

Генетический код людей оказался не таким совершенным, как у жителей Системы. Этана долго колебалась, прежде чем остановила свой выбор на Максиме. Он был ровесником Мионы, но так как земляне развиваются быстрее, чем жители Системы, Этана решила «подложить» ему на время «копию» Мионы, изменив внешность Лары. Судьба Лары ее не смущала. Словом, все шло по намеченному ею плану. И вдруг рухнуло. Максим уехал от Лары и женился на Марине. В гневе Этана решила отключить его от Кибера. Но появились новые обстоятельства, вновь нарушившие планы инопланетянки. Максим упорно приближался к раскрытию тайны Ао Тэо Ларра. Это не устраивало Этану. Ведь, изучив состав предметов, найденных Максимом, ученые Земли получили бы ключ к отысканию Ао Тэо Ларра на орбите, смогли бы запрограммировать поисковые ракеты, как Этана программировала автоматы для поиска первого корабля Агно. Было дано указание Киберу еще тщательней следить за каждым шагом Максима, проверять любой найденный им предмет и изымать все, что имело хоть малейшее отношение к экспедиции Агно. Долгое время Этане удавалось это, не подвергая Максима большой опасности. Автоматы легко уничтожили шестерню, рубило, гравитационный удар, нанесенный по сопке Дальней, покончил с остатками первого корабля.

— Ну а дальше... Потом вы расстались с Вормалеем навсегда, и мое нерасположение к вам как-то сразу исчезло. Нет, не потому, что я чувствовала себя в чем-то виноватой, ведь я всегда была прежде всего командиром галактического корабля. А потому, наверное, что поняла: вы—жители Земли—вольны в своих поступках, а ваше упорство ученого похвально; вы не виноваты в своих жизненных ошибках, происходивших из-за мягкосердечия или под бременем тех условностей, каких так много еще у людей Земли. Как бы там ни было, я дала указание Киберу ввести ваш элемент связи в прежний режим и снова стала наблюдать за вами.

Не скрою, я уже тогда, в эти последние годы вашей жизни на Земле, пожалела о своем решении разлучить вас с Мионой. Но только той ночью на Вормалеевском ополз-не увидела всю глубину ваших чувств к ней и лишь здесь, на корабле, смогла до конца, по-настоящему понять и полюбить вас. И не только вас, все человечество. Вся цивилизация Земли предстала передо мной в совершенно ином свете. Тридцать лет я изучала Землю и лишь в последние несколько месяцев поняла: легенда об ингрезио — не просто легенда. Это сигнал и нам — вернуть себе человечность. Риека права. Граждане Агно должны найти настоящее человеческое счастье. Только цветы здесь не помогут. Нет, лишь ваша цивилизация, ваше понимание истинного гуманизма смогли бы сыграть роль нового ингрезио в цивилизации Агно. И потому так важно, чтобы Ао Тэо Ларра во что бы то ни стало возвратился в Систему. Галактические и внегалактические корабли Агно летят в космос лишь с одной целью — за знаниями. Знания же, добытые Ао Тэо Ларра, будут особенно ценными. Система должна знать о цивилизации Земли и о тех пороках, какие несет чрезмерное увлечение культом разума. Новый «Астийский эдельвейс» — вот что привезет Ао Тэо Ларра цивилизации Агно. Ну а цветочки вроде ингрезио... Наивная Риека! Я ведь провела среди этих цветов всю жизнь, Максим. Но только общение с вами здесь, на корабле, позволило мне почувствовать себя живым человеком. А теперь прощайте, меня ждут дела! — Она протянула к нему руки, и Максим почувствовал, как дрогнули у него в ладонях тонкие пальцы инопланетянки...

10

Эта мысль возникла сразу, без всякой ассоциации с другими и обожгла его как огнем. Максим вдруг понял, что вся его работа в информатории, все знания, какие он здесь получит, будут сплошной бессмыслицей, если он не передаст их людям. И не просто людям Земли, а свое-

му народу, своей Родине, ибо только ее благополучие может быть залогом того, что земная цивилизация пойдет по пути расцвета. И он должен вернуться на Землю, отдать ей свои новые знания.

Но как же Миона? Что будет с их любовью, с их счастьем?

Он сделал попытку связаться с Мионой, но это ему не удалось. Подумав, что она занята важными делами на корабле, Максим решил ее не тревожить. Прошло несколько дней, и внутреннее чувство подсказало ему, что с Мионой что-то произошло. Он бросился к Этане, но та уклонилась от прямого ответа, сказав лишь, что несколько месяцев он не увидит ее. Она была не просто приветлива с Максимом, но почти что ласкова:

— Я дам указание Киберу — он соединит вас со мной, где бы я ни находилась. Можете вызывать меня в любое время дня и ночи.

Максим не обратил внимания на эти ее слова. Ошеломленный новостью, преподнесенной ему Этаною, он бросился на улицу. Скорее к Мионе!

Домик Мионы был на месте, он все так же утопал в цветах и зелени, овеваемых морским бризом. Максим почти ворвался в него. Препятствий он не встретил, в комнатах было пусто. Ни Мионы, ни ее вещей, ни запаха любимого ею эдельвейса.

Максим бессильно опустил на пол. Ясно, что она давно не живет здесь. Этана спрятала ее. Но зачем?.. Куда спрятала? Миона должна быть где-нибудь рядом. Максим бросился на поиски. Он обошел весь остров, но все было тщетно. Мионы не было нигде. Поздним вечером, совершенно разбитый и отчаявшийся, еле волоча ноги от усталости, он вернулся домой. И тут же раздался сигнал ближней связи. Максим бросился к экрану. Перед ним стояла Этана.

— Добрый вечер, Максим. Как вы себя чувствуете? Вам ничего не нужно?

— Ничего! — Он выключил экран.

Максим не раздеваясь упал на постель и сразу погрузился в дремоту. Это был не сон, и не бодрствование. Иногда он засыпал, и неясные сновидения сразу окружали его. Но тут же он просыпался.

Так продолжалось долго. Наконец Максим собрался встать, чтобы снова отправиться на поиски, как послышался тихий шорох и слабый, едва ощутимый запах эдельвейса разнесся по комнате.

Он вскочил со своего ложа:

— Миона?!

— Тише, тише, милый! Я пришла... Но ты знаешь, я нарушила волю Кибера... Я пришла к тебе, не могла не прийти... Но это величайшее преступление против законов Системы.

— Что ты говоришь?

— Да, это так, и я смогу пробыть с тобой очень недолго. А надо тебе сказать так много. Прежде всего не сердись на Этану: она здесь ни при чем, мне действительно нельзя встречаться с тобой... Теперь самое главное — скоро корабль покинет солнечную систему, раньше, чем мы сможем увидеться еще раз, поэтому...

— Миона!

— Что поделаешь, милый... Да, ты уже не увидишь меня. Но слушай: ты дал мне величайшее счастье, какое только может испытать женщина.... У нас будет ребенок. Я воспитаю его, сохраню воспоминание о нашем счастье, сохраню любовь к тебе на всю жизнь.

— Миона, как это прекрасно, но зачем ты все это говоришь? Я не расстанусь с тобой.

— Нет. Нет, Максим, это невозможно. Есть ли радость большая, чем всю жизнь быть с тобой? Но... Таковы законы Системы. Кроме того, ты не сможешь жить без Земли. Я знаю, как ты любишь меня. Но знаю, что у тебя есть и другая любовь, гораздо сильнее, — любовь к людям. Страшно расстаться с тобой. Но в тысячу раз страшнее увидеть тебя тоскующим по Земле, раскаивающимся в том, что ты улетел со мной. А так было бы, ми-

лый. Поэтому, любя тебя, я не могу даже в мыслях допустить, чтобы ты покинул Землю. Прости меня и забудь. Что сказать тебе еще?... Не торопись покидать корабль. Ты успеешь еще многое узнать, и эти знания пригодятся на Земле. А я люблю ее, Землю. Я любила ее всегда. Особенно с тех пор, как она дала мне тебя...

И последнее — я хочу, чтобы ты знал, я была несправедлива к Этане. Она очень изменилась. Ты — причина этого. Дай ей хоть крупицу тепла, Максим. Ей так нужно оно. Этана сейчас любит и скрывает это, любит в первый и, может быть, в последний раз в жизни. Ведь она не любила, не могла любить моего отца, я говорила тебе об этом. А сейчас... Наше время истекло. Прощай, Максим! Я знаю, ты не забудешь меня. Прощай... — Голос Мионы стал тихим. Последние слова он едва слышал.

— Миона! — закричал Максим, протянул к ней руки и... проснулся.

Но то был не сон! Откуда она пришла? Чего ей это будет стоить? Он спрятал лицо в подушку...

11

Все последующее пребывание Максима на корабле связано было с вереницей безликих дней. Максим машинально вставал утром, машинально что-то делал, безучастно садился в гондолу и ехал в информаторий. Остров все меньше интересовал его, а его красоты вызывали у него лишь тоску.

Только в информатории, наедине с кибером-информатором, он возвращался к жизни, и поэтому старался просиживать там с утра до вечера. Никто теперь не ждал его, не беспокоился о нем. Поздней ночью возвращался он в свой дом, но и здесь еще работал, записывал в дневник все, что узнал за день, до тех пор пока мозг не выключался, а глаза не слипались от усталости. И он засыпал сном глубоким, похожим на обморок.

Так прошел, быть может, месяц или больше. Максим потерял счет дням и часам. Однажды он вышел из информатория задолго до захода солнца, хотя думал, что наступил вечер. Но возвращаться уже не захотелось, голова болела, а море на этот раз соблазнительно мерцало вдали. Он решил дать себе отдых...

Серпантин дорожки вывел его на открытую поляну с озером, вокруг которого высились огромные деревья, сплошь увитые цветущими лианами. Голова закружилась от тяжести пряного аромата. Максим сел на скамью и закрыл глаза.

— Добрый вечер, Максим, — услышал он голос Этаны и поднялся со своего места.

— Нет-нет, не вставайте, я сяду с вами. — Она опустилась на скамью и чуть слышно вздохнула. — Я знаю, что вы страдаете. Знаю, что вините в этом меня. И оттого, поверьте, мне тяжело, как и вам. Вы уверены, что я ответила вам черной неблагодарностью. Вам, наверное, не хочется говорить со мной. И все-таки, я прошу вас, выслушайте меня. Я понимаю, что значит любить человека и не иметь его рядом. Да, теперь я понимаю это... Я понимаю также, что некоторые законы Системы кажутся вам бессмысленными, даже жестокими. У вас есть для этого основания. Но дело не только в законах. Я не хотела об этом говорить. Но, наверное, надо было давно сказать вам все. Поймите, Максим, хотя внешне у нас с вами много общего, мы тем не менее сильно отличаемся друг от друга. Наивно было бы ожидать иного. Вы думаете, то был каприз Мионы, что она так долго не могла стать вашей женой? Нет, мой друг! Нам пришлось сделать очень многое, чтобы изменить ее физиологию настолько, чтобы в будущем она имела возможность стать матерью вашего ребенка. Нечто подобное происходит и теперь. Мне трудно объяснить все. Но малейший контакт ее с вами в таком положении может привести к гибели и ее, и вашего будущего ребенка. Она сейчас находится в состоянии полного анабиоза. К сожалению, это удел

всех наших женщин. В мирах Системы наши мужчины и женщины являются лишь донорами половых клеток, дальнейшее развитие детского организма происходит в инкубаторах. Но в космосе мы вынуждены идти на риск, невзирая на трагедии такие, какая выпала вам и Мионе. Мне жаль и ее и вас, но...

Максим отвернулся, собираясь встать и уйти.

— Вы все еще не доверяете мне? — Голос Этаны дрогнул, зрачки потемнели.

Максим смягчился:

— Простите меня, Этана. Но я многого не могу принять. Я чувствую себя здесь совсем чужим. Вы лишили меня Мионы, и все стало бессмысленным.

— Вы устали, Максим. Даст ли наш остров вам отдых? Наверное, вы хотите вернуться на Землю? Да или нет?.. Но она же рядом! Идите в иллюзионорий. У меня для вас там сюрприз.

— Спасибо, Этана. Мне действительно пора... встряхнуться. Когда вы смогли бы показать мне это?

— Сейчас. Я ждала вашего вызова в любое время. Прощайте, Максим! — Она протянула к нему руки и вспыхнула до корней волос, когда он по обыкновению коснулся губами ее пальцев.

Максим нехотя пошел в иллюзионорий. Свет погас. Забрезжил снова. Он оказался в небольшой комнате, в которой при свете горевшего ночника можно было рассмотреть стол, кровать, простой жесткий стул с раскрытой книгой и бумажными облатками из-под лекарств. В постели спала худенькая, с тонкими лучиками морщин вокруг глаз, с остро выступающими из-под кружев сорочки косточками ключиц и с лихорадочным румянцем на щеках, женщина. Она спала, чуть приоткрыв губы, положив ладошки под щеку. Максим ее узнал. Лара!

Тихо, очень тихо, боясь разбудить больную, подошел Максим к кровати. Но Лара уже проснулась, открыла глаза, потянулась к нему, обрадованная и смущенная.

— Максим?.. Я знала, что ты придешь. Знала, что ты разыщешь меня, как бы я от тебя ни пряталась. Знала всегда, боялась этого и ждала. Каждый день, каждый час... Ведь ты один на всей земле по-настоящему близкий мне, любимый человек. Но не в этом дело. Все время с тех пор, как мы увиделись в последний раз в Ленинграде, я чувствую себя виноватой. Я не знаю точно, в чем она, эта вина. И так ли она велика, как мне кажется. Но она давит меня. Мне так надо высказаться перед тобой! Слушай! Сядь сюда и слушай. — Она подвинулась, уступая ему краешек постели, приподнялась, подтянула одеяло под подбородок и вздохнула: — Это был самый счастливый день в моей жизни. Слышишь, самый счастливый, когда ты нашел меня на берегу Невы. Но ты слишком поздно разыскал меня. Слишком поздно! Нет, дело не в замужестве. Мужа я вычеркнула из жизни много раньше. Но я устала жить одна. Не знаю, поймешь ли ты меня. Я очень устала... И когда мне встретился один хороший человек, мы подружились... Нет, я не любила его. Да он и не требовал этого. Он был много старше меня. Он просто помогал мне жить. И получилось так, что, когда ты разыскал меня, я ждала от него ребенка.

А потом... Я дала себе слово больше не видеть тебя. Оборвала все. Оборвала навсегда. И я уехала к этому человеку. Счастлива ли была я в последние годы? Смешно задавать этот вопрос. Но без поддержки мужчины я вообще не смогла бы жить. И вот теперь эта болезнь. Что со мной будет?.. Я хотела только, чтобы ты понял, почему я скрылась от тебя. Знала, что ты будешь искать, знала, что оставляю тебя в трудную минуту. И все же уехала к другому... — Она закрыла глаза рукой, порывисто задышала, чтобы сдержать рыдания. Заговорила так тихо, что Максим едва мог слышать, что она говорит. — Я так часто вспоминала тебя. Да, часто, очень часто. Ты поцеловал меня единственный раз, и это был самый дорогой поцелуй в

моей жизни. Но если бы ты снова нашел меня, я бы сказала: нет! Нет, Максим, поздно. Жизнь идет по своим сложным и непостижимым законам, и не стоит их ломать. Далеко не все можно поправить, даже если убежден, что это возможно. Не ищи меня больше, не пытайся встретиться, хотя я этого очень хочу. Пойми меня! Видишь, я снова одна, совсем одна, и, как всегда, я плачу. Смотрю на тебя и плачу. И буду плакать долго. Неужели мы прощаемся навсегда? Где ты, Максим?

— Лара! Чем тебе помочь? Жди меня... — Он взял в руку ее дрожащие пальцы...

Видение исчезло.

Холодный свет залил огромный зал, мягко раскрылись захваты на руках и ногах, легко соскользнул с головы подхваченный длинным рычажком блестящий обруч. Максиму показалось, что он сходит с ума. Все в нем рвалось туда, на Землю, и одновременно он остро чувствовал, как страшно ему было бы вернуться туда. Зачем Этана устроила этот сеанс? Чтобы заставить его еще раз страдать? Или чтобы он понял, что возврата к Ларе нет? Что ничем не может ей помочь, как и Мионе?

На следующий день Этана пригласила Максима в местный музей. И снова он не мог отказать ей.

— Это очень интересный музей, в нем собраны цветы всех миров, известных Системе... Здесь же вы увидите и наш ингрезио. Вот он, смотрите!

Клумба астийских эдельвейсов возвышалась в самом центре сада.

— В последнее время я часто бываю здесь. И этот запах... Он всегда возвращает меня к мысли, что я прошла в своей жизни мимо чего-то очень важного...

— Ну что вы, Этана! Ведь вы молоды, у вас многое впереди. — Он отвечал ей равнодушно, стандартными фразами.

— Может быть... Но впереди только космос да... Кибер. — В ее голосе он услышал горечь и впервые, пожалуй, почувствовал, что Этана может страдать от

своего одиночества. — Почему, Максим, вы избегаете меня? Почему даже сейчас, я чувствую, между нами стена?

— Вы знаете почему... Потому что я люблю Миону. Только поэтому...

Она долго молчала, словно забыв о присутствии Максима. Потом заговорила тихо, с трудом находя слова:

— Я понимаю... То есть я должна была бы понять... Но я не женщина Земли. Я не понимаю, почему сейчас, когда вы не можете быть с Мионой, вы не можете... почаще видиться со мной?.. Если бы вы сказали, что я не нравлюсь вам, тогда естественно... А так... Нет, я ничего не понимаю, ничего...

12

Их экскурсии продолжались. Они спасали Максима от тоски и одиночества.

День клонился к вечеру, когда после осмотра гравигенераторов звездолета лифт вынес их из шахты наверх.

Посещение энергетического сердца корабля встрянуло Максима: он был не просто поражен. Он был потрясен картиной энергетической мощи, спрятанной в недрах корабля. С трудом верилось, что эти циклопические машины сделаны в общем-то такими же людьми, как он сам, что так же трудно было представить, как, скажем, муравья в роли строителя супертанкера.

За этой экскурсией последовали другие, не менее удивительные. Максим видел, что Этана посвящает его в святая святых корабля и Системы.

Внимание Этаны к нему, ненавязчивое, но властное, теперь не оставляло его ни на час. В один прекрасный вечер в комнату вкатил робот-слуга. Волна тонкого, до боли в сердце знакомого аромата ворвалась вместе с ним. Максим невольно вскрикнул:

— Миона! — Но ее не было. Робот держал охапку астейских эдельвейсов. Металлическим голосом сказал:

— Командир корабля желает землянину доброй ночи и просит принять эти цветы.

— Спасибо, старина. Поблагодари командира! Нет — постой! — Максим выскочил наружу, выломал несколько веток сирени, отдал роботу:

— Возьми, передай командиру и скажи, что землянин хочет поговорить с ним завтра.

Утром Максим чувствовал себя как никогда бодрым и полным решимости, хотя не знал точно, какое примет решение. Но был уверен, что этот день — решающий.

Оранжевый робот появился на пороге:

— Командир просит землянина прийти к нему. Если землянин не очень занят.

Максим энергично ответил:

— Я готов.

— Тогда следуйте за мной! — отчеканил робот.

Максим удивился, что на этот раз автомат повел его в малознакомую часть Дворца и остановился в просторном зале, стены которого были задрапированы голубовато-зеленой тканью. Максим вспомнил, что однажды побывал здесь. Это было жилое помещение Этаны.

— Командир ждет землянина там, — робот указал на одну из стенок.

Максим подошел к ней, осторожно коснулся драпировки. Стена раскрылась. Он увидел Этану, бледную, с печатью страдания на лице.

— Этана, что с вами?

Она слабо улыбнулась ему:

— Ничего, ничего... Нам надо, кажется, поговорить? Ну так слушайте меня. Через несколько месяцев корабль Ао Тэо Ларра должен будет взять курс к Системе. И я хотела бы предложить вам... Хотела бы просить вас не покидать корабль, лететь с нами. Это очень важно. Я вам как-то говорила, что ингрезии... Цветы нам не помогут. А Система должна стать другой. Я это уже поняла. Вы сами должны стать достоянием Агно. Без ваших зна-

ний, без вас... Признаюсь честно, без вас я уже боюсь лететь туда.

— Нет, Этана!

— ...Мы сделаем вас полноправным гражданином Системы, подключим к Киберу... Постепенно я передам вам командование кораблем.

— Что вы говорите, Этана! И почему думаете, что я...

— Я ничего не думаю. Я знаю. Кибер, по моей просьбе, давно все оценил и взвесил. Ваши личные качества вполне позволят вам принять командование кораблем. Ну а наши знания... наши... Я убедилась, как легко вы все воспринимаете. Соглашайтесь, Максим. Я не обещаю вам легкого путешествия, но вы бесстрашны...

— Нет, Этана!

— Молчите, молчите. Взвесьте сначала все.

— Я взвесил, Этана, все взвесил. Я рад, что Кибер оценил меня. Но до вас мне все-таки далеко. И как командир вы вполне на месте. Мне, знаю, трудно будет покинуть корабль, Миону, вас, но это неизбежно. Я понял. Там, на Земле, я нужней.

Этана не смотрела на него, голос ее стал едва слышным:

— Вы вправе располагать собой, как сочтете нужным. Своему слову я не изменю. По первому требованию я доставлю вас на Землю и сделаю все возможное, чтобы ваше появление там не вызвало ничьего удивления. Я, разумеется, позволю вам взять с собой все ваши записи. Хотя в этом и не будет большой нужды, потому что я приготовила специально для вас диск с таким объемом информации, какой вы не усвоили бы в информатории и за два десятка лет. Диск этот тем более удобен, что пользоваться им сможете только вы: информацию с него можно считывать лишь через ваш элемент связи. Выход диска из строя, как и ваша смерть, повлечет немедленное самоуничтожение диска. Я дарю вам этот диск, знаю, ваш благородный характер не позволит злоупотреблять этим уникальным прибором.

— Спасибо, Этана.

Она стала еще бледнее.

— А теперь самое трудное... Максим... Я люблю тебя. Люблю... Ты, наверное, это знаешь, чувствуешь. Это нельзя не чувствовать. Я полюбила тебя давно, с того самого сеанса в иллюзионории. А потом... Потом наступило самое страшное: я узнала, что можно самой любить и не быть любимой. Нет, я ни в чем не упрекаю тебя. То, что ты дал мне, — дороже жизни. И как страшно, что скоро все кончится...

13

Этот сигнал связи не показался Максиму неожиданным. Он ждал его.

— Добрый день, Максим.

— Добрый день, Этана.

Она долго и пристально смотрела на него своими большими глазами, как бы стараясь навсегда запомнить его облик, потом сказала:

— Ты все успел? Познакомился и с теорией мезонного поля, и с теорией нейтринной стабилизации радиоактивных изотопов?

— Я полностью разобрался и в том и в другом. Спасибо, Этана. Быть может, благодаря вам Земля избавится наконец от кошмара ядерной войны.

— Жалеешь, что потерял из-за меня здесь несколько лишних месяцев?

— Я не жалею ни о чем.

— Решение покинуть корабль остается в силе?

— Да... Больше ничего не говорите, Этана.

Она улыбнулась ему такой улыбкой, какую он никогда не видел у нее.

— Ладно, Максим... Сегодня в полночь — старт. Последний челночок отбывает на Землю через час.

— Я готов.

— Ты придешь ко мне проститься?

— Нет, простимся сейчас.

— Понимаю. Капля океана не наполнит... До свидания, Максим.

— Прощайте, Этана.

Экран погас. Максим остро почувствовал, как все, связанное с кораблем, стало отодвигаться куда-то в сторону. Он вдруг понял, что его пребывание здесь должно стать лишь этапом в его жизни перед чем-то неизмеримо более значимым, что ждало его впереди. И мысли его устремились туда, где, он знал твердо, было единственное счастливое место во Вселенной, — к Земле и Родине.

ГРЕЗЫ О ЗВЕЗДНОМ ЦВЕТКЕ

(Вместо послесловия)

«Вероятно ли, чтобы Европа была населена, а другие части света — нет? Может ли быть один остров с жителями, а множество других без них? Вероятно ли, чтобы одна яблоня в бесконечном саду мироздания была покрыта яблоками, а все бесконечное множество других — одной зеленью?! Спектральный анализ указывает, что вещества Вселенной те же, что и вещества Земли... Везде и жизнь разлита во Вселенной. Жизнь эта бесконечно разнообразна. Если разнообразна жизнь на Земле, при обстоятельствах сравнительно однообразных, то как бесконечно разнообразна должна быть жизнь во Вселенной, где всякие условия возможны! Все фазы развития живых существ можно видеть на разных планетах. Чем было человечество несколько тысяч лет тому назад и чем оно будет по истечении нескольких миллионов лет — все это, по теории вероятностей, можно отыскать в планетном мире».

Эта гипотеза Константина Эдуардовича Циолковского, удивительно образно высказанная им почти девять десятков лет назад в научно-фантастическом произведении «Грезы о земле и небе» (в параграфе «Грандиозная картина Вселенной, исполненной жизнью чудных существ»), сегодня стала аксиомой если не для всех ученых, то, по крайней мере, для всех писателей-фантастов и, уж разумеется, для читателей, нетерпеливо ждущих «звездного часа» нашей планеты — встречи с представителями других космических цивилизаций. Сделав гипотезу Циолковского стартовой площадкой для своих книг, писатели-фантасты, конечно, по-разному это положение иллюстрируют. Одни в экспериментальной форме пытаются буквально представить себе, что может делаться на других планетах, кроме нашей, в системах других Солнц. Другие писатели поступают иначе: они стыкуют два разных мира, земной и внеземной, с тем чтобы по контрасту сопоставить их и проверить потенции разных цивилизаций — нашей и вымышленной (но в принципе возможной), а в свете этого сопоставления еще раз взвесить пути исторического движения земной цивилизации, поразмышлять о ее далеком прошлом, противоречивом настоящем и волнующем будущем, о том, что есть Человек во Вселенной, чтобы художническим пером подтвердить неуклонное поступательное развитие человечества через тернии, путем преодоления противоречий к светлomu Грядущему.

Роман В. Корчагина, роман многоплановый, принадлежит именно ко второй группе научно-фантастических книг, в которых земное и вселенское переплетены, художественно дополняют друг друга, но неизменным центром которых является человек, его судьба, его духовная жизнь, его место в обществе. Человек как единственная и высшая ценность! Критерий, в нашем обществе и в нашем

искусстве не подлежащий сомнению. И все же этот узловый момент в романе «Астийский эдельвейс» хотелось бы особо подчеркнуть, потому что здесь он как-то особенно ярко, звучит с большой силой, в духе жизнеутверждающих традиций советской литературы. Судьба Максима Колесникова, молодого ученого, пережившего немало сложного в своей жизни, в своем становлении как человека и гражданина решена автором оптимистически. Молодой человек, наш современник, выходит из всех своих перипетий закаленным и умудренным, не утратившим своих главных качеств: человеческого мужества, веры в жизнь, в свое призвание быть полезным Родине.

Но «Астийский эдельвейс» — не психологический роман, несмотря на то, что в нем немало эпизодов, потребовавших от автора психологического мастерства. Это романтический научно-фантастический роман. Для освещения (именно для освещения или, быть может, для постановки, но не для исчерпывающего решения) наиболее трудных, нерешенных научных проблем писатель прибегает к романтической форме. Она дает возможность автору, избегая наукообразности, «тенденциозности», оттенить в самих проблемах то, что непосредственно связано с человеческим существованием, а в узком смысле — с жизнью персонажей книги, дает возможность показать, как научные проблемы помогают пробудить в человеке его внутренние силы, привести к самопожертвованию, подтолкнуть к неожиданным поступкам, к подвигу — ко всему тому, что совершает Максим Колесников.

Романтический сюжет увлекает, а непосредственно сама научная проблема как бы оживает, распускается как цветок, и читатель не просто познает ее, но еще и переживает. Основные научно-фантастические темы романа даны в романтично-эмоциональном освещении, хотя В. Корчагин не избегает и публицистических выкладок. Любовь к инопланетянке, которую переживает Максим, любовь страстная, мучительная, любовь, которая все-таки трансформировалась в любовь к земной девушке Ларе, символизируя тем самым вечную привязанность человека к родной земле, к «почве», окрашивает эти темы. Больше того, сами они художественно родились из романтических недр, из Любви, из первой встречи Максима с космической Нефертити — Мионой, которая и дала толчок всем научным разысканиям, всем открытиям, которые делает одаренный ученый Максим Колесников. В этом прочном сплаве эмоционального и рационального бесспорное достоинство романа.

Автор избегает категоричности в своих суждениях, с большим тактом выдвигает научно-фантастические идеи, которые образуют фабулу произведения. Невольно вспоминаются слова Фридриха Энгельса о научном познании, которые можно отнести и к этому роману: «...Познание вещей по самой своей природе должно оставаться относительным для длинного ряда поколений и лишь постепенно достигать завершения, или даже должно навсегда остаться

неполным и незаконченным уже вследствие недостаточности исторического материала, подобно космогонии, геологии и истории человечества. Кто же захочет применить критерий подлинной, неизменной, окончательной истины в последней инстанции к знаниям этого рода, тот докажет только собственное невежество и непонимание...» *

Повлиял на произведение В. Корчагина ефремовский лиризм (скажем, лиризм романа «Туманность Андромеды»), повлияла ефремовская публицистичность. Последняя — в стремлении автора сопоставить различные общественно-социальные модели, земную и Системы Агно, исследовать разнообразные варианты развития цивилизации, на одном из первых этапов похожей на нашу земную. Поставленные с ефремовским размахом, социальные или даже социально-философские проблемы решены автором с позиций сегодняшнего дня интересно и точно. Путь, который предлагает Система Агно, — путь совершенствования одних лишь интеллектуальных способностей как в личном, так и в общественном планах, отсекая эмоции как «излишний придаток психики», В. Корчагин это доказывает, — ложный путь, приводящий к вырождению личности, к подмене индивидуума в условиях технократической цивилизации машиной, к обезличиванию отношений между человеческими существами.

Тот материал, который В. Корчагин предлагает читателю, имеет скрытый полемический подтекст. Направлен он и против модных на Западе технократических идей, слышны здесь и отголоски не столь отдаленных споров о «физиках» и «лириках» и т. д. Основное же в этой полемике — страстное желание доказать, что живая жизнь, полнокровная, побуждающая к благородным поступкам (символ этой жизни — цветок астийский эдельвейс), является залогом богатства и самого бытия, и взаимоотношений между людьми. И автору показать это удастся. Наиболее умудренные представители Системы Агно и сами уже чувствуют свою сердечную «недостаточность», тяготятся своим образом жизни, те же, кто не соглашается с доводами Максима — защитника человечности во всех ее проявлениях, переживают подлинную трагедию, как переживает ее Этана — командир звездолета, красноречиво названного «Летающий за знаниями».

Несмотря на некоторое сходство романа «Астийский эдельвейс» с произведениями И. Ефремова, ему, конечно, не хватает ефремовских красок и его непринужденности в решении острых, «запутанных» проблем, кое-что у В. Корчагина выглядит обнаженно и даже прямолинейно. В целом же можно считать, что традиции Ефремова учтены автором плодотворно... Можно, естественно, поспорить кое с чем в этой книге. Неоправданно механическим кажется, на-

* Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., Госполитиздат, 1950, с. 85.

пример, перенос земных пространственно-временных представлений в мировосприятие обитателей Системы Агно. Автор не учитывает те моменты революционных изменений, которые переживает сегодня наука о Вселенной. (Все качественные различия одним махом снимает всезнающий Главный Кибер, управляющий Системой Агно.) Иногда роман грешит сухостью изложения, противоречащей его общему романтическому пафосу. Но все же он написан, что называется, «с душой». Приключенческая форма первых двух частей придает ему увлекательность. Порой кажется, что автор перегрузил роман (особенно первую часть) внешними загадочными событиями, но, убеждаясь во внутренней соподчиненности этих эпизодов, приходишь к выводу, что любая таинственность здесь «на своем месте».

Роман «Астийский эдельвейс» насыщен многими сведениями из нескольких научно-технических областей. Причем эта насыщенность не бьет в глаза, наоборот, мне кажется, читатель невольно увлечется интересными фактами таких дисциплин, как антропология, геология, палеонтология.

Владимир Владимирович Корчагин — не только писатель, он — минералог, доцент Казанского университета. Он хорошо знает горные богатства нашей страны, Урала и Сибири, их геологическую историю. Он много работает со своими студентами не только в стенах своей альма-матер, но и в поле, в знаменитом Государственном Ильменском минералогическом заповеднике. Он учит молодежь познавать жизнь камней, минералов, а значит, жизнь гор, земли. Эта любовь к своей профессии, которую В. Корчагин прививает своим студентам, хорошо видна в романе «Астийский эдельвейс». Книга одушевлена любовью к одной из труднейших профессий — к профессии геолога.

В книге много любви к молодежи, не только любви, но и понимания ее поисков, ее неутолимой жажды познания и активного стремления к неведомому, к Мечте, которая должна стать реальностью.

К. Э. Циолковский в цитированной выше книге «Грезы о земле и небе» пишет о познании Вселенной: «Все то чудное, что мы ожидаем с трепетом, уже есть, но не видно нам, по дальности расстояний и ограниченной силе телескопов...» Представляется, что книги современных советских фантастов (как и книги самого Константина Эдуардовича) — телескопы неограниченной силы, которые позволяют на дальнем расстоянии разглядеть многие, пусть еще воображаемые плоды «чудного сада мироздания». К ним следует отнести и роман В. Корчагина «Астийский эдельвейс».

Анатолий КУЗНЕЦОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. СТРАННАЯ ДЕВЧОНКА	5
Часть вторая. ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ	72
Часть третья. «АО ТЭО ЛАРРА» (Летящий за знаниями)	113
<i>Анатолий Кузнецов. Грезы о звездном цветке (Вместо послесловия)</i>	187

Корчагин В. В.

К70 Астийский эдельвейс: Науч.-фантаст. роман. Послесловие А. Кузнецова. — М.: Мол. гвардия, 1982.—191 с., ил.—(Б-ка советской фантастики).

65 коп. 100 000 экз.

В книге повествуется о необыкновенных приключениях молодого ученого, обнаружившего признаки посещения нашей планеты представителями другой цивилизации.

К 4702010200—137
078(02)—82 090—82

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3145

Владимир Владимирович Корчагин

АСТИЙСКИЙ ЭДЕЛЬВЕЙС

Редактор **А. Кузнецов**

Художник **В. Давыдов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Т. Шельдова**

Корректоры **И. Тарасова, Н. Самойлова**

Сдано в набор 06.01.82. Подписано в печать 21.04.82. А03282. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4. Учетно-изд. л. 8,9. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 2227.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушчевская, 21.

65 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

